ISSN: 3105-0042
e-ISSN: 3105-0050

Тарихшылардың Ұлттық Конгресі

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

National Congress of Historians

Национальный Конгресс историков

2025 Т. 1. №1.

2025 жылдан бастап шығады
Founded in 2025
Издается с 2025 года

Жылына 4 рет шығады
Published 4 times a year
Выходит 4 раза в год

Астана, 2025
Astana, 2025

ISSN: 3105-0042
Journal of the National Congress of Historians T.1. No.1. 2025 e-ISSN: 3105-0050

Бас редактор:
Ерлан Сыдықов, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н. Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан,

Жауапты редактор
Альбина Жанбосынова, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н.Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Халықаралық консультативтік кеңес:
Дэйв Бхавна, PhD., Шығыс және Африкатану мектебінің профессоры, Лондон университеті, Лондон, Ұлыбритания
Изабель Охайон, PhD., профессор, Ресей, Кавказ, Шығыс Еуропа және Орталық Азияны зерттеу орталығы (CERCEC), Париж, Франция
Марлен Ларуэль, PhD., Джордж Вашингтон университетінің профессоры, Вашингтон, АҚШ
Николо Пианчиола, PhD, тарих кафедрасының доценті, Падуа университеті, Италия
Цзинчэн Ли, PhD, доцент. профессор, Шэньчжэнь университеті, Шэньчжэнь

Редакциялық алқа
Наталья Аблажей, тарих ғылымдарының докторы, Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімшесінің тарих институтының профессоры, Жаңасібір, Ресей
Сәулеш Есенова, PhD докторы, Калгари университетінің доценті, Калгари, Канада
Сергей Иванов, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. атындағы Қырғыз ұлттық университетінің профессоры. Баласағұн, Бішкек, Қырғызстан
Йовита Раду, PhD., Нью-Йорк университетінің профессоры, Нью-Йорк, АҚШ
Роберт Киндлер, PhD., Шығыс Еуропа институтының профессоры, Freie университеті, Берлин, Германия
Светлана Кожирова, саясат ғылымдарының докторы, тарих ғылымдарының кандидаты. Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері. Алматы, Қазақстан
Крейг Кэмпбелл, PhD., Техас университетінің антропология кафедрасының асс. профессоры, Остин, АҚШ
Юлия Лысенко, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университетінің профессоры, Барнаул, Ресей
Жанна Мажитова, тарих ғылымдарының докторы, Астана медицина университетінің профессоры, Астана, Қазақстан
Вячеслав Менковский, тарих ғылымдарының докторы, Беларусь мемлекеттік университетінің профессоры, Минск, Беларусь
Анатолий Наглер, PhD докторы, Неміс археологиялық институтының профессоры, Берлин, Германия
Жақсылық Сабитов, PhD докторы, Жошы Ұлысын зерттеу институты, Астана, Қазақстан
Жакен Таймагамбетов, тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің профессоры, Астана, Қазақстан
Николо Вуков, PhD, доцент. Болгария ғылым академиясының Этнология және фольклортану институтының профессоры, София, Болгария
Томохико Уяма, тарих ғылымдарының докторы, Хоккайдо университетінің профессоры, Саппоро, Жапония

Техникалық хатшы: Ж. Калиев

Құрылтайшы және баспагер: "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі
Мерзімділігі: жылына 4 рет. 2025 жылы құрылған.

Журналдың арнайы сайты: https://kazhistorians.kz
Редакцияның мекен жайы: 010008, Астана қ., Қ. Мұнайтпасова көшесі, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат комитетінің республикалық мемлекеттік мекемесі KZ21VPY00107515 нөмірлі мерзімді баспасөз басылымын, ақпарат агенттігін және интернет-басылымды есепке қою туралы куәлік 10.12.2024 ж.

© Тарихшылардың Ұлттық Конгресі
© Journal of the National Congress of Historians

ISSN: 3105-0042
Journal of the National Congress of Historians T.1. No.1. 2025 **e-ISSN: 3105-0050**

Chief Editor:
Erlan Sydykov, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after. L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Production editor
Albina Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after. L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

International Advisory Board:
Dave Bhavna, PhD., Professor, School of Oriental and African Studies, University of London, London, UK
Isabelle Ohayon, PhD., Professor, Center for Russian, Caucasian, Eastern European and Central Asian Studies (CERCEC), Paris, France
Marlene Laruelle, PhD., Professor, George Washington University, Washington, USA
Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy
Jingcheng Li, PhD, Ass. Professor, Shenzhen University, Shenzhen

Editorial board
Natalya Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
Saulesh Yesenova, PhD., Associate Professor, University of Calgary, Calgary, Canada,
Sergey Ivanov, candidate of historical sciences, ass. Professor, Kyrgyz National University named after. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
Jovita Radu, PhD., Professor, New York University, New York, USA
Robert Kindler, PhD., Professor, Institute of East European Studies, Freie University, Berlin, Germany
Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences. Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov. Almaty, Kazakhstan
Craig Campbell, PhD., Ass. Professor, Department of Anthropology, University of Texas, Austin, USA
Yulia Lysenko, Doctor of History, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Zhanna Mazhitova, Doctor of History, Professor, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan
Vyacheslav Menkovsky, Doctor of History, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus
Anatoly Nagler, PhD., Professor, German Archaeological Institute, Berlin, Germany
Zhaksylyk Sabitov, PhD., Institute for the Study of the Jochi Ulus, Astana, Kazakhstan
Zhaken Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Nikola Vukov, PhD., Ass. Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Tomohiko Uyama, Doctor of History, Professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Technical secretary: Zh. Kaliev

Founder and publisher: National Congress of Historians Public Association
Frequency: 4 times a year. Year established: 2025.

Official website of the journal: https://kazhistorians.kz
Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana, Munaitpasova str. 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Certificate of registration of a periodical print edition and (or) information agency No. KZ21VPY00107515 dated December 10, 2024 issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan.

© National Congress of Historians
© Journal of the National Congress of Historians

ISSN: 3105-0042
Journal of the National Congress of Historians T.1. No.1. 2025 e-ISSN: 3105-0050

Главный редактор:
Ерлан Сыдыков, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Выпускающий редактор
Альбина Жанбосинова, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Международный консультативный совет:
Дэйв Бхавна, PhD., профессор, Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондон, Великобритания
Изабель Охайон, PhD., профессор, Центр исследований России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC), Париж, Франция
Марлен Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США
Николо Пианчиола, PhD, профессор, Падуанский университет, Падуан, Италия
Цзинчэн Ли, PhD, асс. профессор, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь

Редакционная коллегия
Наталья Аблажей, д.и.н., профессор, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия
Саулеш Есенова, PhD., асс. профессор, Университет Калгари, Калгари, Канада
Сергей Иванов, к.и.н., асс. профессор, Кыргызский национальный университет им. Баласагына, Бишкек Кыргызстан
Йовита Раду, PhD., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
Роберт Киндлер, PhD., профессор, Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин, Германия
Светлана Кожирова, доктор политических наук, кандидат исторических наук. главный научный сотрудник института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова. Алматы, Казахстан
Крейг Кэмпбелл, PhD., асс. профессор факультета антропологии Университет Техас, Остин, США
Юлия Лысенко, д.ист.н., проф., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Жанна Мажитова, д.и.н., профессор, НАО Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан
Вячеслав Меньковский, д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Анатолий Наглер, PhD., профессор, Германский археологический институт, Берлин, Германия
Жаксылык Сабитов, PhD., Институт изучения улуса Джучи, Астана, Казахстан
Жакен Таймагамбетов, д.и.н., профессор, Национальный музей РК, Астана, Казахстан
Николо Вуков, PhD., асс. профессор Института этнологии и фольклористики при Этнографическом музее Болгарской академии наук, София, Болгария
Томохико Уяма, д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Технический секретарь: Ж. Калиев.

Учредитель и издатель: Общественное объединение "Национальный Конгресс историков".
Периодичность: 4 раза в год. Год основания: 2025 г.

Официальный сайт журнала: https://kazhistorians.kz
Адрес редакции: 010008, Казахстан, Астана, ул. Мунайтпасова, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства KZ21VPY00107515 от 10 декабря 2024 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК.

© Национальный конгресс историков
© Journal of the National Congress of Historians

CONTENT

WORLD HISTORY

R. Asilguzhin *(Astana, Kazakhstan),* ***E. Khabibullin*** *(Yangan-tau, Bashkortostan)*
Specifics of the incorporation of Kalmyks (Kalmaks) within the Bashkirs and ethno-genetic links with Mongolian-speaking peoples (in Russian)..... 7

M. Davletiyarov *(Nukus, Uzbekistan)*
The Role of Kipchaks in the Formation of the Karakalpak People: Settlement and Ethnic Characteristics of Kipchak Tribes (in Russian)..... 29

A. Salikhov *(Ufa, Russia)*
Information about the Bashkirs before the Mongol conquest (in Russian)..... 42

S. Tuleubayeva *(Astana, Kazakhstan)*
Turkisms and Mongolisms in the work of Emir Rukn ad-din Baybars al-Mansuri al-Dawadar "Zubdat al-fikra fi tarih al-hijra" (in Russian)..... 53

T. Khaydarov *(Kazan, Russia)*
The natural and climatic factor in the history of the Golden Horde and the Successor States (in Russian)..... 69

DOMESTIC HISTORY

Zh. Absattarova *(Karaganda, Kazakhstan)****, Zh. Mazhitova*** *(Astana, Kazakhstan)****, J. Omurova*** *(Bishkek, Kyrgyzstan)*
Colonial Mediation in the Biographical Discourse of Kazakh Steppe Elites (mid-19th to early 20th Century) (in English)..... 90

R. Abdumanapov *(Tomsk, Russia; Astana, Kazakhstan)*
Kokum-biy is a representative of the ruling elite of the Kazakh Khanate (in Russian)..... 105

J. Kaliev *(Astana, Kazakhstan),* ***S. Duisen*** *(Astana, Kazakhstan)*
The Figure of Emir Edigu in Russian, Turkic, and Kazakh Historiography (in Kazakh)..... 122

M. Utebaev *(Nukus, Karakalpakstan)*
Ethnopolitical position of the Karakalpaks in the Kazakh khanates in the 17th – early 18th centuries (in Russian)..... 141

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Р. Асылгужин *(Астана, Қазақстан),* ***Э. Хабибуллин*** *(с. Янган-тау, Башкортостан)*
Специфика инкорпорации калмыков (калмаков) в состав башкир и их этногенетической связи с монголоязычными народами..... 7

М. Давлетияров *(Нукус, Узбекистан)*
Роль кипчаков в формировании каракалпакского народа: расселение и этнические особенности кипчакских племен..... 29

А. Салихов *(Уфа, Россия)*
Сведения о башкирах до монгольского завоевания..... 42

С. Тулеубаева *(Астана, Казахстан)*
Тюркизмы и монголизмы в труде эмира Рукн ад-дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра»..... 53

Т. Хайдаров *(Казань, Россия)*
Природно-климатический фактор в истории Золотой Орды и государств-наследников 69

ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Zh. Absattarova *(Karaganda, Kazakhstan),* ***Zh. Mazhitova*** *(Astana, Kazakhstan),* ***J. Omurova*** *(Bishkek, Kyrgyzstan)*
Colonial Mediation in the Biographical Discourse of Kazakh Steppe Elites (mid-19th to early 20th Century)..... 90

Р. Абдуманапов *(Томск, Россия; Астана, Казахстан)*
Кокум-бий – представитель управленческой элиты Казахского ханства..... 105

Ж. Қалиев *(Астана, Қазақстан),* ***С. Дүйсен*** *(Астана, Қазақстан)*
Орыс, түркі халықтары және қазақ тарихнамасындағы әмір Едігенің тарихи тұлғасы 122

М. Утебаев *(Нукус, Каракалпакстан)*
Этнополитическое положение каракалпаков в составе казахских ханств в XVII – начале XVIII вв..... 141

.

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

WORLD HISTORY – ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.61.91; 34.23.35

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.7.28

Специфика инкорпорации калмыков (калмаков) в составе башкир и их этногенетические связи с монголоязычными народами

Р. Асылгужин[a]✉, **Э. Хабибуллин**[b]
[a]*Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан*
[b]*Геопарк ЮНЕСКО "Янган-тау", с. Янган-тау, Башкортостан*
[a]✉*asrafil@yandex.ru*

Аннотация. Процесс инкорпорации этнических групп в составе башкир происходил не только посредством адопции, но и путем образования выходцами из других этносов отдельных родовых волостей, что иллюстрируется существованием Ойратской, Сартской, Меркитской, Калмакской и прочих волостей. В составе ряда башкирских родоплеменных кланов (племен) зафиксированы подразделения (ара, аймак, нәҫел) с названием ҡалмаҡ. *Цель и задачи:* формирование рода Калмык (Калмак) в составе башкир и их этногенетические связи. В связи с указанной целью планируется провести комплексный анализ существующей историографии по теме реализуемого исследования, сравнить ее материалы с данными этногенетических исследований, рассмотреть вопросы трансформации этнокультурной идентичности и демографического развития калмыков (калмаков). *Материалы и методы:* Основными методами проводимого исследования стали сравнительно-исторический и ретроспективный анализ. Авторами проанализирован широкий спектр источников уже опубликованных научных работ и сведения из архивов, в том числе из фонда «Калмыцкие дела Посольского приказа» РГАДА, дела из региональных архивов. *Результаты:* образовавшие в XIII-XIV вв. отдельную Уиратскую (Ойратскую) волость в Башкирском Зауралье ойраты в силу ряда причин утратили компактность проживания и были полностью инкорпорированы в составе других родовых групп башкир. На основе архивных материалов сделана попытка проследить судьбы семей калмыкского происхождения – основателей Калмацкой волости в Зауралье. Дан анализ демографического развития этой родовой группы. Подразделения калмак зафиксированы в других регионах Башкирии, в составе, в первую очередь, южных и юго-восточных башкирских родов. Путем сопоставления полученных материалов генетических исследований анализируется этногенетическое родство башкир, имеющих калмыцкое происхождение с различными этнографическими группами монголоязычных народов, а также казахов. *Выводы:* относительная схожесть военизированных структур и хозяйственного уклада, а также ряд исторических причин сформировали особую башкирско-калмыкскую модель этнокультурного сближения. Осевшие среди башкир калмыки приобретают права и обязанности равноправных членов принимающих общин. У потомков рода Калмак в Зауралье (Калмакской волости) в составе башкир с наибольшей частотой представлена генетическая линия Nlcl-F4205 гаплогруппа Nlc1-M178, на ней расположился ряд географически далеких от них популяций (родов)

©Асылгужин Р., Хабибуллин Э., 2025

монголов, тувинцев и калмыков. Калмыцкое происхождение имеют и потомки калмаков, инкорпорированных в составе южных и юго-восточных башкирских племен – Бурзян, Юрматы, Кыпчак, Усярген, Тангаур.
Ключевые слова: Калмакская волость; «аюкинские калмыки»; калмыки (калмаки); башкиры; казахи; ассимиляция; генетическая линия; Y-хромосома

Финансирование: Исследование проведено в рамках проекта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» ИРН BR24993173.

Для цитирования: Асылгужин Р., Хабибуллин Э. Специфика инкорпорации калмыков (калмаков) в составе башкир и их этногенетические связи с монголоязычными народами*. Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Т.1, no.1, с.7-28 .https://doi.org/10.65076/3105 -0042.2025.1.7.28

Specifics of the incorporation of Kalmyks (Kalmaks) within the Bashkirs and ethno-genetic links with Mongolian-speaking peoples

R. Asilguzhin[a], E. Khabibullin[b]

[a]Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan

[b]UNESCO Geopark "Yangan-tau", Yangan-tau, Bashkortostan

Abstract. The process of incorporation within the Bashkirs took place not only through adoption but also through the formation of separate clan volosts by descendants of other ethnic groups, which is illustrated by the existence of the Oirat, Sart, Merkit, Kalmak, and other Bashkir volosts. A number of Bashkir tribal clans (tribes) include subdivisions (ara, naçel) with the name ҡalmaҡ. Aim and objectives: the formation of the Kalmyk (Kalmak) clan within the Bashkirs and their ethno-genetic ties. In connection with the specified purpose, it is planned to carry out a complex analysis of the existing historiography on the subject of the realised research, to compare its materials with the data of ethno-genetic researches, to consider the questions of transformation of ethno-cultural identity and demographic development of Kalmyks (Kalmaks). Materials and methods: The main methods of the research were comparative-historical and retrospective analyses. The authors analysed a wide range of sources of already published scientific works and information from archives, including from the fund 'Kalmyk cases of the Embassy Order' of the Russian State Agency for Data Analysis and Data from regional archives. Results: the Oirats, who formed a separate Uirat (Oirat) volost in the Bashkir Trans-Urals in the XIII-XIV centuries, lost their compactness of residence due to a number of reasons and were completely incorporated into other clan groups of Bashkirs. They were not ancestors of the Bashkirs of the Kalmak clan (Kalmakskaya volost). Based on archival materials, an attempt is made to trace the fates of the families of Kalmyk origin - the founders of the Kalmak volost in the Trans-Ural region. The demographic development of the Kalmak clan group in the Trans-Ural region is analysed and information about other Kalmyk groups within the Bashkirs is noted. The ethnogenetic kinship of Bashkirs of Kalmyk descent with various ethnographic groups of Mongolian-speaking peoples and Kazakhs is analysed by comparing the obtained materials of genetic studies (on the Y-chromosome). Conclusions: Kalmyks settled among the Bashkirs acquired the rights and duties of equal members of the Bashkir communities. In the descendants of the Kalmak family, the genetic line Nlcl-F4205 haplogroup Nlc1-M178 is represented in the Bashkirs with the

highest frequency, and the geographically distant populations of Mongol-Tsaatan (more than half of this group are carriers of this genetic line), some part of the Tuvinian-Tozhin, Mongol-Derbet, Mongol-Togout, and Kalmyk-Khoshuut are located on it. The descendants of Kalmyks incorporated into the southern and southeastern Bashkir tribes - Burzyan, Yurmaty, Kypchak, Usyargen, and Tangaur - are also of Kalmyk origin.
Keywords: Kalmak volost; "Ayukinsky Kalmyks"; Kalmyks (Kalmaks); Bashkirs; Kazakhs; assimilation; genetic research; Y chromosome

For citation: Asilguzhin R., Khabibullin E. Reframing Kazakhstan's Specifics of the incorporation of Kalmyks (Kalmaks) within the Bashkirs and ethno-genetic links with Mongolian-speaking peoples. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, pp.7-28.

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.7.28

Башқұрттардың құрамындағы қалмақтардың инкорпорациясының ерекшеліктері және олардың моңғол тілдес халықтармен этногенетикалық байланыстары

Р. Асылғожин[a], Э. Хабибуллин[b]

[a]Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, Қазақстан, Астана

[b]Геопарк ЮНЕСКО "Янган-тау", Башқұртстан, Янгантау

Аңдатпа. Башқұрттар құрамына этникалық топтардың инкорпорациялану процесі тек бейімделу арқылы ғана емес, сонымен қатар басқа этностардан шыққан адамдардың жеке рулық-болыстық бірлестіктер құруы арқылы да жүзеге асқан. Бұл Ойрат, Сарт, Меркіт, Қалмақ және басқа да болыстықтардың пайда болуымен дәлелденеді. Бірқатар башқұрт рулық-тайпалық қауымдастықтарының (тайпаларының) құрамында «қалмақ» атауын алған бөлімшелер (ара, аймақ, нәçел) тіркелген.

Мақсаты мен міндеттері: Зерттеудің мақсаты – башқұрттар құрамындағы Қалмақ руының қалыптасуы мен олардың этногенетикалық байланыстарын анықтау. Осы мақсатқа сәйкес, қолда бар ғылыми әдебиеттерге кешенді талдау жүргізу, олардың деректерін этногенетикалық зерттеулер нәтижелерімен салыстыру, этномәдени бірегейліктің трансформациясы мен қалмақтардың демографиялық дамуы мәселелерін қарастыру жоспарлануда.

Материалдар мен әдістер: Зерттеудің негізгі әдістері – салыстырмалы-тарихи және ретроспективті талдау. Авторлармен бұрын жарияланған ғылыми еңбектер мен архив материалдарының кең ауқымы қарастырылды, соның ішінде Ресей мемлекеттік көне актілер архивіндегі (РГАДА) «Қалмақ істері» қоры мен аймақтық архив құжаттары.

Нәтижелері: XIII-XIV ғасырларда Башқұрт Орал аумағында жеке Уират (Ойрат) болыстығын құрған ойраттар белгілі себептерге байланысты шағын этникалық топ ретінде сақталмай, башқұрттардың басқа рулық топтарына толықтай енген. Мұрағат материалдары негізінде Зауралье Қалмақ болыстығын құрған қалмақ текті отбасылардың тағдырын зерделеу әрекеті жасалды. Бұл рулық топтың демографиялық дамуы талданды. Қалмақ атауын алған бөлімшелер Башқұртстанның басқа да аймақтарында, ең алдымен, оңтүстік және оңтүстік-шығыс башқұрт руларының құрамында тіркелген. Генетикалық зерттеу материалдарын салыстыру арқылы башқұрттардың, соның ішінде қалмақ текті рулардың, моңғол тілдес халықтардың

түрлі этнографиялық топтарымен, сондай-ақ қазақтармен этногенетикалық байланысы қарастырылды.
Қорытындылар: Әскери құрылымдардың салыстырмалы ұқсастығы мен шаруашылық жүргізу дәстүрлері, сондай-ақ бірқатар тарихи факторлар башқұрт-қалмақ этномәдени жақындасуының ерекше моделін қалыптастырды. Башқұрттар арасында орныққан қалмақтар қабылдаушы қауымдастықтың тең құқықты мүшелері ретінде құқықтар мен міндеттерге ие болды. Зауральедегі Қалмақ руының (Қалмақ болыстығының) ұрпақтары арасында Nlcl-F4205 (гаплотоп Nlc1-M178) генетикалық желісі кең таралған, бұл оларды моңғолдардың, тувалықтардың және қалмақтардың географиялық тұрғыдан алыста орналасқан кейбір рулық топтарымен байланыстырады. Қалмақ текті ұрпақтар башқұрттардың оңтүстік және оңтүстік-шығыс тайпаларының – Бөржән, Қыпшақ, Үсерген, Тангаур руларының құрамында да кездеседі.
Түйін сөздер: Қалмақ болыстығы; «Аюка қалмақтары»; қалмақтар; башқұрттар; қазақтар; ассимиляция; генетикалық линия; Y-хромосома

Введение

Народы Евразии имеют давние исторические связи, берущие начало в глубине веков. Период существования Золотой Орды (Улус Джучи), постордынских государств XVI–XVIII вв. является общим для башкир, казахов, калмыков, ногайцев и многих других народов. В этот период происходили важные исторические события, повлиявшие на судьбы указанных народов, связанные с экспансий западных ойратов (джунгар) в начале XVII в., и приведшие к сближению их этнической территории.

Целью статьи выступает комплексный анализ исторических и литературных источников, включая слабоизученные, сопоставленный с результатами этногенетических исследований, что будет способствовать лучшему пониманию этногенеза башкир, а также специфики трансформации родовой идентичности в общенациональную на примере инкорпорации калмыков в составе башкирского народа.

Сделана попытка ответить на вопросы о том, кем были предки родовой группы Калмык в южном Зауралье, уточнить, в каком родстве они находятся с прочими родовым группами башкир и с другими народами Евразии, прежде всего с монголоязычными.

Государственная практика Улуса Джучи относительно башкирских земель, ее автономный статус был подтвержден позже в составе Московии, за большинством башкирских родов были юридически закреплены занимаемые ими земли, они существовали в виде самостоятельных волостей, в числе которых фиксировались отдельно Ойратская волость, позже – Калмакская волость. Ойраты появились в Башкирском Зауралье еще в XIII-XIV вв., однако не они были предками башкир рода Калмак. Этот род, давший название Калмакской (Калмыцкой) волости на восточной окраине расселения башкир – в Зауралье (ныне Сафакулевский р-он Курганской обл.), происходят от группы калмыков, которых именовали аюкинскими по имени Аюки-хана (1642-1724 гг.). В то же время процесс интеграции калмакских и джунгарских групп в казахской степи прошел по модели создания социальной структуры толенгут (каз. төлеңгіт), т.е. попадания в сословие ханской гвардии, часть выходцев из калмаков-джунгар сформировали родовое

подразделение Калмак внутри ряда казахских родов. Несмотря на то, что уже к середине XVIII в. «аюкинские калмыки», как и их соседи – Зауральские сарты, в понимании проживавших в их окружении других башкирских родов были представителями одного с ними народа, тем не менее, имеются сведения о сохранении к этому периоду калмакской и сартской идентичностей. Появление калмаков среди башкир и казахов мы относим к завершающему этапу этногенеза этих тюркских народов.

Материалы и методы

Сравнительно-исторический метод позволил дать анализ большому массиву источников по теме исследования, свидетельствующих о сложных взаимоотношениях, зачастую принимающих форму взаимной войны, тюрко-мусульманских народов – казахов, башкир, каракалпаков, ногайцев и монголоязычных волжских калмыков, западных ойратов; раскрыть военные, политические, историко-этнографические аспекты взаимодействия изучаемых народов.

Ретроспективный анализ ранее накопленных нарративов с наложением ранее выполненных исследований, где использовались генетические методы (методы изучения полиморфизмов STR и SNP-маркеров Y-хромосомы), помогают уточнить закономерности взаимодействия тюркоязычных и монголоязычных народов, этногенетического родства башкирских калмыков (калмаков) с другими народами Евразии.

Литературный обзор и источники

В связи с широкой направленностью исследования, важное место занимают работы российских исследователей – этнографов, историков, государственных деятелей XVIII – начала XX в., а также калмыкских, казахских и башкирских исследователей различных периодов.

В статье проанализирован широкий спектр источников уже опубликованных научных работ, а также вводятся в научный оборот обобщенные сведения новых данных из архивов. Наиболее важными из них выступают материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в частности, так называемые Калмыцкие дела Посольского приказа (КдПп РГАДА).

Важными источниками сведений по теме исследуемого вопроса стали материалы, содержащиеся в фондах Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), а также в государственных архивных учреждениях соседних с Башкортостаном регионов РФ – Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Объединённом государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО). Немаловажную роль в написании статьи сыграли сведения, собранные в многотомном проекте по истории Башкортостана – Материалы по истории Башкирской АССР, вышедшие в 1937 г., 1949 г. и 1960 г. (МИБ Ч.1. МИБ Т. III и МИБ Т. V), История Татарии в документах и материалах от 1937 г. (История Татарии 1937), а также Материалы по истории Башкортостана от 2002 г. (МИБ Т. VI).

Среди работ, отражающих историю появления различных групп калмыкского, ойратского происхождения в составе башкир, формирования Калмакской волости,

отметим фундаментальную монографию о происхождение башкирского народа историка Р.Г. Кузеева (Кузеев 2010). Также необходимо отметить вышедший еще в 1962 году в журнале «Археология и этнография Башкирии» материал о зауральских башкирах, их быте, культуре и истории (Кузеев 1962). В одном из томов проекта по изучению истории башкирских родов, посвященному анализу комплексного отражения истории рода Калмак, их языковых особенностей, процессу формирования и развития поселений с приложением объёмного материала переписей населения, метрических записей и иных архивных материалов (История башкирских родов 2017).

Историком Б.А. Азнабаевым были проанализированы этнические группы, участвовавшие в основании подразделений (ара) башкирских племен-родов и, согласно его расчетам, к основанию 43 (из 173 инноэтничных групп) родовых подразделений башкир имели отношение калмыки (Азнабаев 2016: 136-137). На основе изучения материалов по истории четырех кочевых и полукочевых народов – башкир, калмыков, ногайцев и казахов, обитавших на юго-восточной окраине России, Б.А. Азнабаев смог достаточно оригинально продемонстрировать сформировавшиеся в XVII-XVIII столетиях типы тюрко-калмыкских этнических «отношений» (История башкирских родов 2017: 130).

Челябинский историк Г.Х. Самигулов на основе архивных материалов подробно изучил судьбу Зауральских калмыков – семей Ямара Зургатаева и Бурана Ягорякова и их потомков (тринадцать дворов), процесс их инкорпорации в составе башкир и ставших основателями Калмакской волости в Зауралье (Самигулов 2018; Самигулов 2015).

Военно-политическое взаимодействие башкир с ойратами, джунгарами и калмыками в рамках длительного исторического периода также нашло отражение в трудах известного востоковеда А.З. Валиди Тогана (Туған 2014; Тоган 2010).

Результаты генетических исследований башкир рода Калмак были изложены в упомянутом выше проекте по истории башкирских родов в специальном параграфе, посвященном генетическим исследованиям потомков родовой группы Калмак в современных деревнях Сафакулевского района Курганской области (История башкирских родов 2017). Часть материалов по теме исследования содержит также том проекта по истории башкирских родов, посвященный башкирским кланам, расселившимся в современной Челябинской области – Сынгрян, Сальджиут, Бикатин (История башкирских родов 2016). Тем не менее материалы, содержащиеся в указанных коллективных монографиях, не охватывают комплексно все аспекты этнической истории калмакских групп Башкирии, данные в них сведения по генетическим исследованиям не в полной мере отражают их генетическое родство с другими народами. В статье нами даны результаты собственных экспедиций по сбору генетического материала башкирских кланов, имеющих калмакское происхождение. Кроме того, представляют интерес выводы, изложенные в научных статьях генетиков Н. Балиновой и ее коллег, исследовавших родовую структуры Волжских калмыков и их родство с ойрат-монголами Внутренней Азии по Y-хромосоме (Balinova et al. 2019), а также сведения, полученные из баз генетических данных Yfull и Family Tree DNA, а также базы генетических данных палеоДНК Family Tree DNA.

Результаты и обсуждение

Ойратская (Уиратская) волость. Калмыки, Калмакская волость в Башкирском Зауралье

Монгольские ханы после вхождения башкир в состав Улуса Джучи юридически закрепили за башкирскими кланами их родовые (вотчинные) земли, башкиры, в свою очередь, брали на себя обязательства по предоставлению вооруженного ополчения и выплате натуральной “подати” или налога – ясак (башк. – яһаҡ). Эта государственная практика Улуса Джучи по отношению к башкирам была продолжена позже, в составе Московии, где большей частью башкирских племен были юридически закреплены занимаемые ими земли, они существовали в виде самостоятельных волостей, в числе которых фиксировались отдельно Ойратская волость, позже - Калмакская волость.

Историком Б.А. Азнабаевым обнаружен документ, где есть упоминание о наличии «Уиратской (т.е. Ойратской) волости» в составе Катайской волости Сибирской дороги (тюбы) до XV в. (по сведениям, оставленным старшиной этой волости Абдуллой Каскиновым (сер. XVIII в.). В документе отмечается, что «урятцы» являлись «белокатайскими башкирцами», а прапрадед А. Каскинова - Учюмсал Касамберев еще до основания г. Тобольска в конце XVI в, откочевал с несколькими верными ему башкирами к хану Кучуму, расположившись в местности, где ныне находится данный город (История башкирских родов 2017: 30).

Проживавшие по соседству башкиры родовых групп Катай и Бикатин поделили занимаемые и пришедшие в запустение земли после отъезда улуса рода Ойрат (входившего в состав Катайского племени). Далее переселившиеся в Западную Сибирь башкиры-«урятцы» после покорения Сибирского ханства были приписаны к Тюмени в качестве служилых татар (История башкирских родов 2017: 30).

Таким образом, зафиксированные еще в XIII-XIV вв. на северной окраине Улус Джучи – в Башкирском Зауралье ойраты, как видно из приведенных выше документов, не были предками башкир рода Калмак, они растворились в составе окружающих их восточных башкирских родов и сибирских тюрков после ухода к Кучумовичам. Калмыки же, сформировавшие в Зауралье Калмакскую волость, появились в Башкирии приблизительно в конце XVII века, о чем пойдет речь ниже.

Отметим, что в архивных документах фиксируется Буранягарак – исторический персонаж, упоминаемый как «калмык Буран» или Буран Ягораков (МИБ Т. VI: 46; Самигулов 2015: 46). В преданиях башкир рода Калмак, записанных Р. Г. Кузеевым, рассказывается, что их предок Буранягарак «пришел сюда с Иртыша» (Кузеев 2010: 245). Как известно, Прииртышье, Семиречье и Южная Сибирь в это время находились под контролем ойратов-джунгар и в этой связи, очевидно, можно вести речь именно о группе волжских калмыков, связанной с Санжипом-тайшей, сыном известного калмыцкого правителя Аюки-хана.

К началу 20-х гг. XVII в. калмыки контролировали восточную часть башкирских территорий – Южное Зауралье и прилегающие к ней местности Западной Сибири. В начале 1620-х гг. большая группа калмыков сосредоточилась близ юго-восточной границы Башкортостана. Джунгарские тайшы периодически разоряли приграничные

башкирские селения, что привело к активным военным столкновениям, интенсификация которых пришлась на 30-60-гг. XVII в. Указанное также способствовало усилению этнических взаимодействий двух народов, в результате чего в конце XVII столетия «часть калмыков тайши Аюки, кочевавших на территории Уфимского уезда, приняла ислам и усвоила башкирский язык, для интеграции их в башкирское общество уже не осталось непреодолимых препятствий» (Азнабаев 2016: 148)

В то же время необходимо здесь подчеркнуть наличие примеров, подтверждающих и некие взаимовыгодные и даже союзнические взаимодействия башкир с калмыками, особенно в периоды башкирских восстаний 60-х и 80-х годов XVII века. Известны случаи откочевки башкир нескольких южных башкирских волостей к калмыцким правителям Дайчину и Аюке. Имеются сведения о помощи освободительному движению башкир 1630-х. гг. калмыкского хана Хо-Урлюк, где также принимал активное участие казахский правитель Абылай-султан: «… помощь ему оказывал и калмыцкий хан Хо-Урлюк. Абылай султан в 1633 году занимался освобождением башкир Исетской дороги и племени Катай от русского подданства. Группа из калмыков в целях оказания помощи Абылай султану вошла в местность под названием Дуван, взяла в плен и уничтожила русских, намеревавшихся обосноваться там. Абылай султан непрерывно воюет против русских. В 1636 году он вместе с калмыками, находившимися в Дуване, и с братом Тюке султаном напали на Уфу…» (Тоган 2010: 46-47).

Конфликты степных народов, очевидно, происходили, в том числе благодаря усилиям российских властей. Так, из документа от 1730 г. «Записка о положении башкирского вопроса в Российской империи и о полученных способах его разрешения, составленная казанским губернатором Артемием Петровичем Волынским», недвусмысленно указывается о недоверии представителей администрации к башкирам в связи с выявлением их посланников к калмыкам. Кроме того, в документе предлагался ряд мер, состоящий из 18 пунктов по заблаговременному усмирению башкир и отрыву их от сношений с крымскими и кубанскими народами (История Татарии 1937: 400).

Попавшие в состав различных башкирских родов «аюкинские калмыки» приняли ислам и первоначально числились ясырями, т. е. военнопленными. В результате этого между двумя этническими общностями происходил «обмен» населением в виде пленных, о чем свидетельствует «Запись купчей Ногайской дороги Табынской волости Кучука Савельева тезику той же дороги Сабангулу Игимаметову на пленного калмыка Бахуна» от 29 августа 1712 г. (МИБ Т. III: 120). Также известен попавший в плен к башкирам в конце XVII в. калмык Ямар Зургатаев, который после долгого проживания в Сальютской (Салжиутский) волости Сибирской дороги откупился со своей семьей. Их семейная история подробно изложена в работе челябинского историка Г.Х. Самигулов (Самигулов 2018).

В.Э. Ден, ссылаясь на И.Г. Георги, следующим образом написал о поселившихся среди башкир калмаках: «поселились они в Сибири, более нежели за 50 лет тому назад. Башкирцы приняли их благосклонно, отвели им луга для паствы скота, выдали за них дочерей своих и прочее...» (Ден 1902: 298).

К 30-м гг. XVIII в. большинство калмыков в башкирской среде получили вольную и интегрировались в состав башкир-вотчинников, причем, несмотря на явные различия

этнорелигиозных маркеров, например, таких, как язык и религия. Яркий пример, иллюстрирующий указанный тезис, – судьба одного из бывших пленных калмыков – Бокшурга (или Вакшур) Назаров, зафиксированный в 20-х гг. XVIII в. в Терсякской волости на Сибирской дороге. Он попал с братьями в плен в результате военных набегов, жил у башкир Терсятской волости. Позже ему была предоставлена вольная, записан в такой же ясак, как и другие башкиры Терсятской волости Сибирской дороги (т.е. был уравнен в правах с башкирами-вотчинниками волости) и со временем он стал одним из влиятельных старшин указанной волости, получив должность старшины Терсякской волости (земли этого рода занимали северо-восток исторической Башкирии – южные районы Свердловской обл. и северные р-ны Челябинской обл.), а другой калмык – Кошай Никаев стал муллой и абызом Кушчинской волости, о чем свидетельствуют, в частности, документ от 27 июня 1737 г., в которое «Сие письмо писал по повелению старшин калмак Кошай Никаев»[1], и документ от 10 августа 1737 г., где также подчеркивается происхождение Кошая: «Сие письмо писал по повелению старшин аюкинский калмак мулла Кошай Никеев и руку приложил»[2].

Особый интерес представляет история семьи калмыков во главе с Бураном Ягораковым, которые проживали в пределах вотчинных земель башкир Терсятской волости. Об этой группе калмыков известно то, что они не поддержали сторону восставших в одном из крупнейших башкирских бунтов 1737-1740 гг. Однако это решение вполне ожидаемо могло вызвать месть со стороны принявших участие в восстании башкирских родов, и эта группа калмаков была вынуждена перебраться под защиту Катайского острога, а позже, в конце 40-х гг. XVIII в., им были выделены земли в долине реки Чумляк, принадлежавшие башкирам Кара- и Барын-Табынских волостей, где их потомки проживают и ныне.

Остановимся на истории «аюкинских калмыков» в составе башкир чуть подробнее. Род Калмак (Ҡалмак), давший название Калмакской (Калмыцкой) волости (улусу) на восточной окраине расселения башкир – в Зауралье (ныне Сафакулевский р-он Курганской обл.), происходит от группы калмыков, которых именовали аюкинскими по имени Аюки-хана (1642-1724 гг.). По мнению Б. Азнабаева, башкиры рода Калмак происходят от той группы калмыков, вероятно, ханского улуса, которые в 1701 г. ушли с Волги в Джунгарию во главе с Санжипом. Джунгарский правитель Цэван Рабдан отобрал у него 15-тысячный улус, оставив ему из них лишь 200 кибиток, которые осенью 1704 г., по словам Аюки, были захвачены башкирами (История башкирских родов 2017: 129-138). Есть предположение о том, что указанные «Аюкинские калмыки», по всей видимости, были потомками пленных калмыков, попавших в казахскую среду, где восприняли такие маркеры тюркской идентичности, как язык, верования, а позже они, уйдя от казахов по причине неприязни «последних к калмыкам, да и само положение невольников постоянно напоминало калмыкам о том, кто они», попадают группами в разное время в башкирскую среду и создают компактную группу (Этнокультурная история 2021: 45).

Исследователь Г.Х. Самигулов, изучив архивные материалы, приходит к выводу о том, что потомки Бурана Ягоракова, а также другого калмыка, Ямара Зургатаева, являлись основателями Калмыкской (Калмакской) волости (Самигулов 2018: 287-288). Известны имена сыновей Ямара Зургатаева – Кашка (или Катка), Калмык, Кузяк, Муртаза,

Симка, Дурнай, Байшукур (Байшукар), почти все из них стали основателями родовых подразделений в калмакских деревнях Зауралья, особенно Катка и Симка, на что обратили внимание еще авторы специальной главы о Зауральских башкирах в журнале «Археология и этнография Башкирии» за 1962 год (Кузеев, 1962: 200). В указанном журнале приводится также предание, записанное у потомков башкирского рода Сарт – соседей калмакских башкир, согласно которому сарты - более ранние поселенцы на этих землях, а калмыки получили права на землю лишь после участия их в войне с Наполеоном 1812 г. («за службу»), а до указанных событий, дескать, калмыки были подселены здесь за помощь, оказанную ими сартам в борьбе против казахов за эти земли (Кузеев 1962: 200-201). В этой связи обращает на себя внимание этнографическая параллель с родовой группой сарт-калмак в составе кыргызов, осевшей в середине XIX–го века в окрестностях озера Иссык-куль.

Видимо, уже к середине XVIII в. «аюкинские калмыки», как и их соседи – Зауральские сарты, с окружающими башкирскими родами (табынцами, айлинцами, катайцами) идентифицировались как сородичи, представители одного с ними народа. В этой связи не случайным выглядят тезисы, содержащиеся в наказе Б. Юнаева, старшины Бикатинской (или Мекятинской) волости Сибирской дороги, в коллегиальный орган, действовавший в России XVIII века, – Уложенную комиссию и содержащие такие строки: «.. а калмыки также в древние времена получены были нашими башкирцами при войнах в малолетстве, которые из давних лет именуются с нами единого звания башкирцами … почему как землями и всеми угодьями общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно же …»[3] и в этой связи «просим, чтоб оным сартам и калмыкам, единственное уже звание иметь и именоватца башкирцами, а звание сарт и калмык оставить»[4]. Этот документ датируется 1767 годом.

Описывая трагические события возвращения в 1771 г. западных калмыков в Джунгарию («Пыльный поход»), востоковед А.З. Валиди упомянул и башкирских калмыков, успевших за несколько десятилетий до указанных событий сменить религиозную принадлежность. Они не присоединились к уходящим на восток сородичам по причине противодействия этому местных башкир (Тоган 2010: 167).

Несмотря на то, что со временем за сартами и калмыками правительство признало «башкирское звание», вотчинные права на занимаемые ими земли, и считались окружающими их башкирскими родами как соплеменники, т.е. – башкирами-вотчинниками. Материалы ранних ревизий населения – VI-й (1811 г.) – VIII-й (1834 г.) фиксировали то обстоятельство, что жители калмыкских (калмакских) аулов Челябинского уезда, идентифицировали себя как калмаки (см. Иллюстрация 1): « ... процесс их интеграции в башкирский этнос уже начался, но говорить о его завершенности в XVIII в. еще рано. И очень хорошо это иллюстрируется как раз ситуацией с расселением сарт и калмыков и представителей других родов башкир. Для XVIII в. вернее говорить о «Сартской волости» и «Калмыцкой волости» отдельно. А к середине XIX в. аюкинские калмыки и служилые сарты уже однозначно воспринимались как башкиры, да и считали себя ими» (Этнокультурная история: 49).

Также материалы ревизии 1811 г. показывают различия в дворности калмакских поселений в сравнении с соседними сартскими. В среднем в одной сартской деревне

проживало более 110 душ мужского пола, а в калмакской – чуть более 40 душ мужского пола (на 4 сартских деревни приходилось 452 души мужского пола, а на 7 калмыцких – 301 душа мужского пола). Очевидно, сарты были склонны селиться вместе, образуя крупные поселения, а калмыки старались не очень укрупнять свои деревни. Последний вариант представляется более характерным для скотоводческого типа хозяйствования.

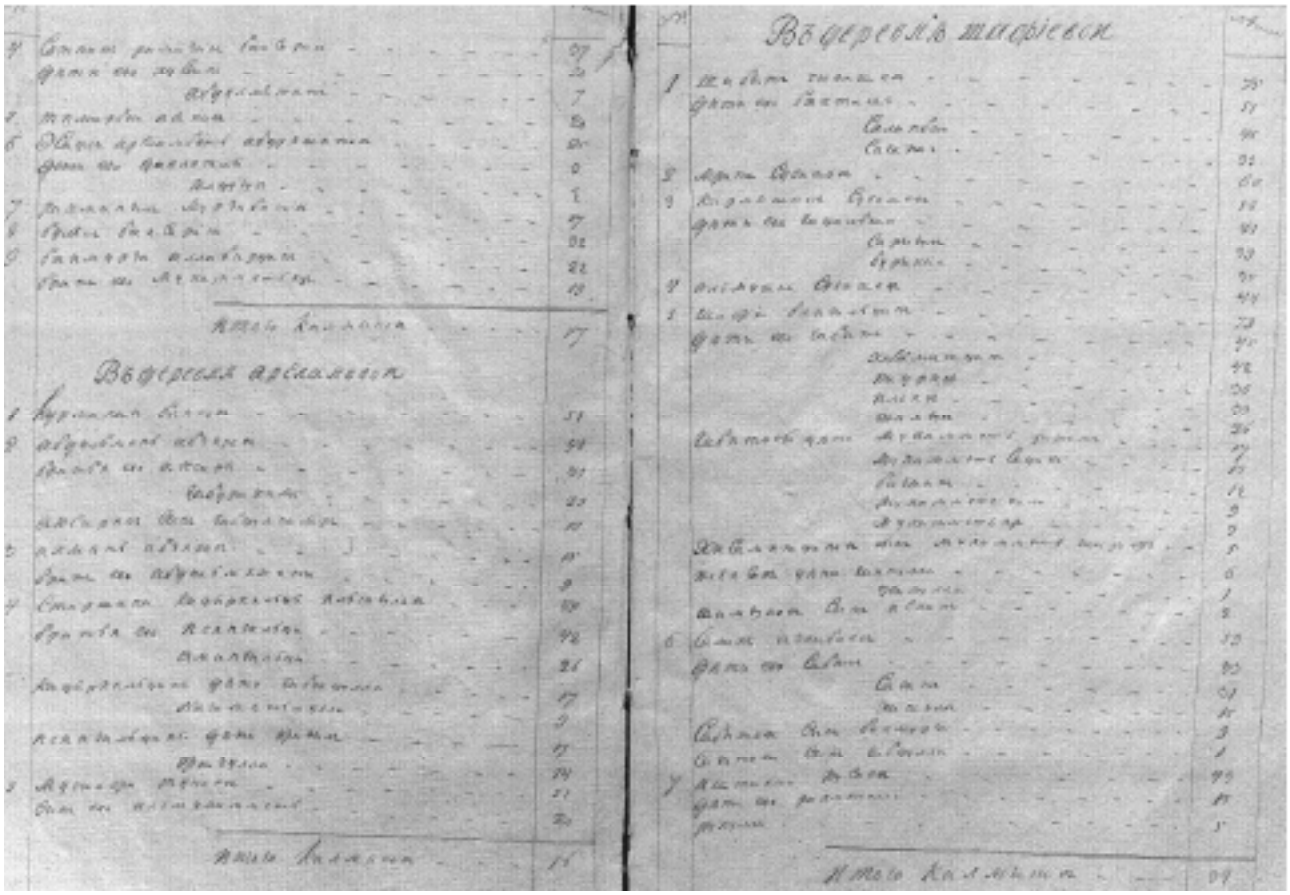

Иллюстрация. 1. Лист ревизии 1811 г. дд. Арслан, Шафий Челябинского уезда[5]

An illustration. 1. The revision sheet of 1811 by D. Arslan, Shafi of the Chelyabinsk district[5]

О сохранении идентичности, памяти о своем происхождении свидетельствуют и метрические записи ОДМС (Оренбургского Духовного Магометанского Собрания) второй половины XIX в. Представляет интерес практика имянаречения своих детей калмакскими башкирами. Для примера, в Метрической книге д. Аптыкаевой Челябинского уезда за 1877 г. есть запись о рождении в д. Арслановой 10 января у башкира Хайр-Замана сына Аюки (اكوي). Один из активных краеведов из калмакского села Мурзабай Сафакулевского р-на носит имя Хайсар (Каримов Хайсар Мухаметович). Отметим, что д. Мурзабай носит имя Мурзабая сына Кашки (сына Ямара, взятого в плен башкирками Салжиутской волости в 1680 г.), который известен по одному из документов периода башкирского восстания 1773-1775 гг., а также в выборах судебных заседателей от аюкинских калмыков как один из подписантов («сотник М.Кашкин»).

Окраинное и относительно изолированное расселение зауральских башкир рода Калмаков позволяет более адекватно оценить демографическое развитие данного клана. В 1750-х гг. зауральским калмакам принадлежало 32 двора (Рычков 1999: 370), т.е. около 200 человек, если считать по 6 человек на двор. В документе от 13 декабря 1782 г. дается численность аюкинских калмык – 198 душ мужского и 164 души женского пола, итого – 362 человека, из этого же документа узнаем и о времени прибытия этой группы калмыков в Башкирию - «…аюкинцы отошли в Башкирию с 80 лет и приняли закон магометанский со исправлением … службы» (МИБ. Т V: 381-382).

По сведениям экономиста-географа и статистика В. Дэна, в 1797 г. численность аюкинских составляла 415 душ мужского пола (Ден 1902: 289). Материалы VI ревизской сказки (1811 г.) дали имена 301 мужчины (учитывались лишь души мужского пола) в аулах калмакских башкир или приблизительно 600 душ обоего пола (7 аулов с 95 дворами). Чуть более чем через сто лет, по материалам Земского учета населения 1916 г., в аулах калмакских башкир проживало уже 4046 душ обоего пола (9 аулов с 769 дворами). Лишь в ауле Абдульмен вместе с калмаками проживали сарты, остальные деревни калмакских башкир сохранили свою однородность и увеличение в них числа жителей в течение XIX – нач. XX вв. обеспечилось естественным приростом.

Таким образом, между указанными учетами численность калмакских башкир Калмакской волости выросла более чем в 6 (шесть) раз, они проживали в аулах Абдульмен (Яманай), Абултай, Аптыкай, Мурзабай, Сеитбаттал, Шафий, Араслан. В настоящее время поселения, основанные башкирами рода Калмык (Калмак), расположены к юго-востоку от г. Челябинска, в Сафакулевском районе Курганской области в окружении сел башкир рода Сарт, а также такой этнической группы, как мишари (основали села Сафакуль, Сулюклино, Карасева, Аджитар, Мансур, Бахарево).

Калмыки (Калмаки) в других региона Башкирии

Отдельные группы калмыков, помимо Калмыкской волости (Сарт-Калмакской) в Зауралье, фиксировались также в иных регионах исторического Башкортостана. Особенно много было калмыкских групп в Терсяцкой (Терсютской) волости, где была сконцентрирована группа калмыков, захваченная в плен башкирами в 1704 г. из собственного улуса Санжипа, сына Аюки-хана. В той же Сибирской дороге в составе айлинских и кара-табынской волостей имелось немало калмыкских семей. В составе Каратавлинской волости (ныне Салаватский район Башкортостана) в 1729 г. была основана д. Калмаклар, большая часть ее жителей – потомки калмыков, состоявших в социальной группе тептяри, припущены каратавлинцами в то самое время с условием уплаты оброка за уступленную землю «в вечное владение» (Асфандияров 2001: 120–121).

Далее калмыки фиксируются в южных и центральных регионах Башкирии. Подразделений калмак особенно много в составе родоплеменных объединений Юрматы (рода тальтем, кармыш, татигас) и Бурзян (рода байюлы, ногай, шунай, янсары, янаш, жанса). Для примера, башкиры аула Кутлугузиной Юрматынской волости Уфимского уезда подали в 1801 г. в уездный суд жалобу, где имеется упоминание о том, что истцы – башкиры деревни Макаровой той же волости - не башкиры, а «калмыцкой породы башкирцы», поселившиеся «из платежа оброка» на земле предков башкир-ответчиков

еще в начале XVIII в. (Янгузин, Томашевская 2002: 133-134). По всей видимости, именно указанную группу калмыков, которая «в середине XVII века, находясь в окружении одного нашего предка, Айчувака, из противоположной нам стороны горы Ирендык переселилась к нам и основала свою деревню рядом с нашей» имел ввиду известный востоковед А.З. Валиди – уроженец д. Кузян той же Юрматынской волости (Тоган 2010: 165).

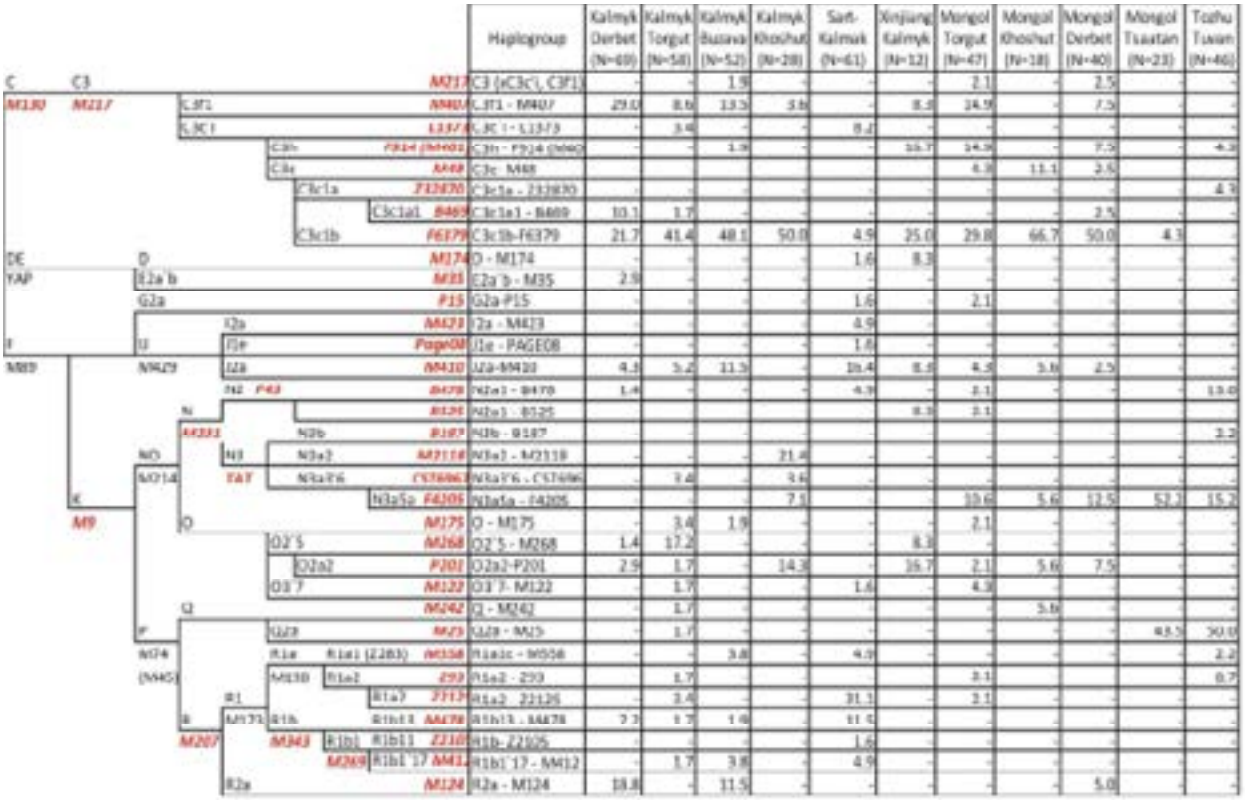
V ревизия населения, прошедшая в 1795 г., обнаружила в д. Новоумерово Бурзянской волости Оренбургского уезда (позже – Ток-Чуранский кантон Башреспублики, ныне Красногвардейский р-н Оренбургской области) 227 душ обоего пола «башкирцев из калмык» при 20 дворах6. Указанная деревня Новоумерова расположена в регионе, который, по сведениям того же востоковеда А.З.Валиди Тогана, должна была быть заселена калмыками брата Аюки-хана Догар-тайшы, принявшими христианство после подавления наиболее кровавого башкирского восстания – Акай-Кусюмовского бунта 1730-1735 гг. «… Все эти калмыки, перешедшие в христианство, должны были быть размещены вдоль рек Кинель, Сок, Ток, Кундруча и Ык, то есть на землях, где разворачивались упомянутые бои. Войска калмыков-христиан воевали против башкир вместе с русскими войсками. Если бы это дело имело успех, то страна казахов-мусульман была бы отделена от страны башкир-мусульман с помощью этого фанатичного народа. Все принявшие христианство калмыки, построив свои деревни, должны были поселиться на этих землях. Единственный результат, чего достигли башкиры в итоге этих войн, это то, что они испугали калмыков, вынудили правительство отказаться от мысли поселить в Башкурдистане калмыков-христиан, сумели смягчить русских. Эта страна, которая должна была превратиться в территорию многочисленных и безжалостных христиан, осталась в руках башкир, и она составила позже Ток-Чуранский кантон Башкурдистана» (Тоган 2010: 128-129).

Историк Б.А. Азнабаев обратил внимание на традиционное представление башкир и других кочевников, согласно которому бывшие военнопленные имели возможность подняться по «служебной лестнице» выше, вплоть до получения привилегированного статуса «тархана». Для этого им было необходимо проявить верность своей новой общине и лояльное поведение в целом (Азнабаев 2016: 137-138). В качестве иллюстрации может служить пример бывшего пленного калмыка Апай Корсакова, ставшего со временем тарханом Мингской волости на Ногайской дороге, который показывает, что калмыки попадали и в состав башкир и в дёмской долине (юго-запад Башкирии): «…и он Карсака ево Апачка держал вместо сына своего родного, и женил, и женя наделил, и наделя отпустил, а он де Апачко имел ево Карсаку вместо отца своего родного, а пишитца ево Карсаевым сыном» (Асфандияров 2001: 148).

По сведениям исследователя Ф.М. Надршина достоверно установлено, что часть жителей бурзянской деревни Якшимбет (род Селтяшевых) Куюргазинского р-на ведет свое начало от калмыцкого старшины Селтяша Нуркина, а также есть сведения о калмыцком происхождении жителей тангаурской деревни Кашкар Зилаирского р-на. (Надршин 2013: 62).

Генетические исследования (генотипирование) башкир рода Калмак и их этногенетические связи с монголоязычными народами

Генетические исследования предоставляют уникальную возможность подтвердить или опровергнуть те или иные исторические гипотезы происхождения того или иного рода-племени (клана), в нашем случае – установить, действительно ли потомки башкир родовой группы Калмык (Калмак) являются родственными Волжским калмыкам или другим западным монгольским народам и в какой степени. В целом последние исследования Y-хромосомы (мужских популяций) демонстрируют, что отцовские генофонды подгрупп калмыков и монгольских ойратов сохраняли свои единство и целостность. Стоит отметить, что такие этнические группы, как дербеты и торгуты, несмотря на то, что около 400 лет, проживали весьма далеко друг от друга, имели похожие генетические профили (Balinova 2019: 1472).

Haplogroup	Kalmyk Derbet (N=69)	Kalmyk Torgut (N=58)	Kalmyk Buzava (N=52)	Kalmyk Khoshut (N=28)	Sart-Kalmak (N=61)	Xinjiang Kalmyk (N=12)	Mongol Torgut (N=47)	Mongol Khoshut (N=18)	Mongol Derbet (N=40)	Mongol Tuastan (N=23)	Tozhu Tuvin (N=46)
C3 (xC3c', C3f1)	-	-	1.9	-	-	-	2.1	-	2.5	-	-
C-M217 - M407	29.0	8.6	13.5	3.6	-	8.3	14.9	-	7.5	-	-
C-M217 - L1373	-	3.4	-	-	8.2	-	-	-	-	-	-
C3c - F924 (xM48)	-	-	1.9	-	-	16.7	14.9	-	7.5	-	4.3
C3c - M48	-	-	-	-	-	-	4.3	11.1	2.5	-	-
C3c1a - Z32830	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4.3
C3c1a1 - B469	10.1	1.7	-	-	-	-	-	-	2.5	-	-
C3c1b-F6379	21.7	41.4	48.1	50.0	4.9	25.0	29.8	66.7	50.0	4.3	-
O - M174	-	-	-	-	1.6	8.3	-	-	-	-	-
O2a`b - M35	2.9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
O2a-P15	-	-	-	-	1.6	-	2.1	-	-	-	-
O2a - M473	-	-	-	-	4.9	-	-	-	-	-	-
O1e - PAGE08	-	-	-	-	1.6	-	-	-	-	-	-
O2a1-M410	4.3	5.2	11.5	-	19.4	8.3	4.3	5.6	2.5	-	-
N2a1 - B470	1.4	-	-	-	4.9	-	2.1	-	-	-	13.0
N1a1 - B525	-	-	-	-	-	8.3	2.1	-	-	-	-
N2b - B187	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2.2
N3a2 - M2118	-	-	-	21.4	-	-	-	-	-	-	-
N3a1'6 - CTS986	-	1.7	-	3.6	-	-	-	-	-	-	-
N3a5a - F4205	-	-	-	7.1	-	-	10.6	5.6	12.5	52.2	15.2
O - M175	-	3.4	1.9	-	-	-	2.1	-	-	-	-
O2`5 - M268	1.4	17.2	-	-	-	8.3	-	-	-	-	-
O2a2-P201	2.9	1.7	-	14.3	-	16.7	2.1	5.6	7.5	-	-
O3`7 - M122	-	1.7	-	-	1.6	-	4.3	-	-	-	-
Q - M242	-	1.7	-	-	-	-	-	5.6	-	-	-
Q1b - M25	-	1.7	-	-	-	-	-	-	-	43.5	30.0
R1a1 - M558	-	-	3.8	-	4.9	-	-	-	-	-	2.2
R1a2 - Z93	-	1.7	-	-	-	-	2.1	-	-	-	0.7
R1a1 - Z2125	-	3.4	-	-	31.1	-	2.1	-	-	-	-
R1b1 - M478	2.3	1.7	1.9	-	11.5	-	-	-	-	-	-
R1b - Z2105	-	-	-	-	1.6	-	-	-	-	-	-
R1b1`17 - M412	-	1.7	3.8	-	4.9	-	-	-	-	-	-
R2a - M124	18.8	-	11.5	-	-	-	-	-	5.0	-	-

Иллюстрация 2. Схематическое филогенетическое древо обнаруженных Y SNPs и распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы (%) в исследованных популяциях (Natalia Balinova 2019: 1471)

Figure 2. Schematic phylogenetic tree of detected Y SNPs and frequency distribution of Y-chromosome haplogroups (%) in the studied populations (Natalia Balinova 2019: 1471)

Как показали результаты генетических исследований (генотипирования) по Y-хромосомам (мужским популяциям) у зауральских башкир рода Калмак, с наибольшей частотой представлена генетическая линия Nlcl-F4205 гаплогруппа **Nlc1-M178,** генотипирование проводилось в лаборатории YSEQ (Германия), а их гаплотипы оказались

близки гаплотипам бурят, монголов и калмыков (см. Иллюстрация 2). Следовательно башкиры из рода Калмак Сафакулевского района Курганской области с большой вероятностью являются родственниками поволжских калмыков (История башкирских родов 2017: 181-183). В вышеотмеченном генетическом исследовании коллег четко просматривается, что на той же линии Nlcl-F4205 расположились географически далекие от башкирских калмыков популяции монголов-цаатанов (52,2% данной группы носители этой генетической линии), тувинцев-тожинцев (15,2%), монголов-дербетов (12,5%), монголов-тогоутов (10,6 %) и калмыков-хошуутов (7,1%) (Balinova 2019: 1471).

Здесь необходимо отметить, что к данному субкладу (N-F4205) относятся также такие современные популяции, как хоринские буряты (потомки 11 бурятских родов Хори), представители таких казахских родов, как Сиргелы-Уйсун и Уак. В целом среди этих трех популяций количество образцов, принадлежащих к данному субкладу, превышает 50 %. Время появления данного субклада оценивается очень близко двумя разными компаниями – Family Tree DNA и Yfull.

Распространенный на территории современных Казахстана, Узбекистана, России, Китая и Монголии субклад F4205 (идентичен F3271), по материалам базы генетических данных Family Tree DNA, появился, по всей видимости, в 2450 г. до нашей эры (База данных палеоДНК Family Tree DNA. https://discover.familytreedna.com/y-dna/N-F3271/story).

Согласно базе генетических данных Yfull, этот субклад появился ориентировочно 2500 лет назад (База данных Yfull, https://www.yfull.com/tree/N-F4205/) и был распространен среди казахов, бурятов, узбеков, монголов Внутренней Монголии. Также немногочисленные представители данного субклада встречаются среди венгров, поляков, украинцев, турков, китайцев. Ойраты не представлены в этих базах данных в силу малого количества коммерчески тестированных среди них.

Из палеоДНК к данному субкладу относятся 10 образцов: одно захоронение на территории Павлодарской области (северо-восток) Казахстана (Григорьевка 95) III-VI веков н.э., а также 9 средневековых аварских захоронений с территории Венгрии (База данных палеоДНК Family Tree DNA). Отметим также, что ПалеоДНК в захоронениях степей Монголии пока не найдены, возможно, в силу малого количества исследованных образцов палеоДНК в целом из этой страны.

Подразделения калмак в других регионах Башкирии, в составе, в первую очередь, южных и юго-восточных башкирских родов, могут иметь калмыцкое происхождение. Эти исследования также важны для поиска потомков ойратов (башкир Ойртаской или Уиратской волости), ставших частью башкирского народа. На данный момент известно, что носители различных субкладов **гаплогруппы С** вошли в состав башкир с большой долей вероятности относительно поздно – в XVIII – нач. XIX вв., что отразилось в народной памяти – преданиях и легендах об основании сел, шежере-родословных в следующих южных и восточных регионах расселения башкир. Это: ара (подрод) Кыргыз в составе рода Кара-Кипчак в ряде деревень Зианчуринского р-на РБ; ара Калмак в составе племени Усерган в Зианчуринском р-не; ара Калмак с генетической линией C-F3850 в составе племени Тунгаур д.Кашкар Зилаирского р-на; у потомков Курея из рода Нугай-Бурзян с генетической линией C-F6193 в составе племени Бурзян д. Яикбай Баймакского

района РБ. Кроме того, линия C-MF168787 указанной **гаплогруппы С** обнаружена нами у башкир деревни Калмакларово Салаватского района, а также гаплогруппы С* (субклад не определен) среди потомков племени Сынгрян Челябинской области, характерный для монголоязычных народов (История башкирских родов 2016: 225). Далее, встречаются носители гаплогруппа О, точнее, его субклада (генетической линии) **O3a-M134** среди потомков ара Калмак в ряде деревень Куюргазинского р-на и у потомков родовых групп Бикатин д. Алабуга Каслинского района Челябинской области (История башкирских родов 2016: 225).

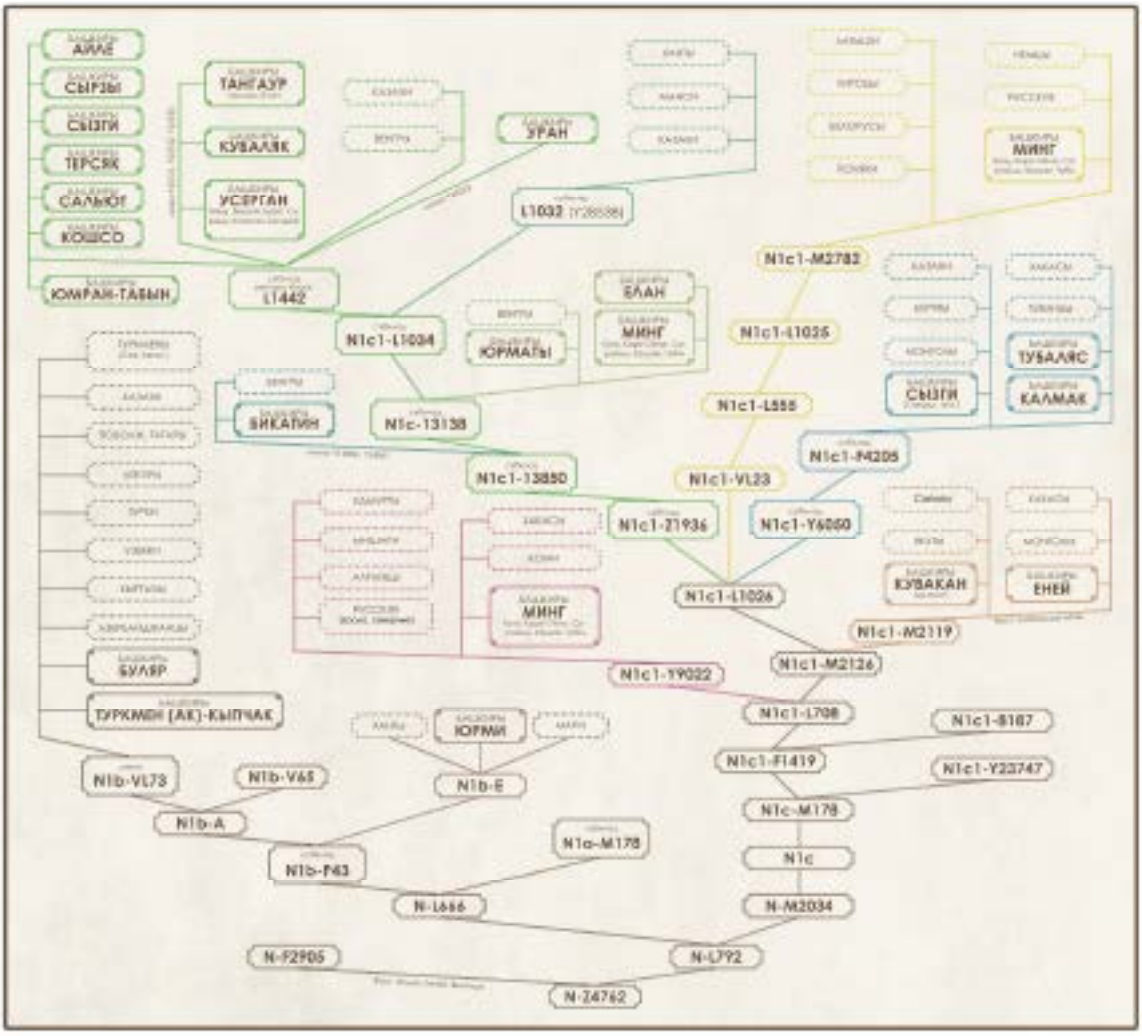

Иллюстрация 3. Башкирские кланы на филогенетических древах субкладов "североевразийских" гаплогрупп N1c-M178 и N1b-P43. Башкиры родов Калмак, Тубяляс и Сызги наряду с некоторыми группами хакасов, бурятов, монгол (цаатаны, торгуты, дербеты, хошууты), калмыков (хошууты), тувинцев-тоджинцев и казахов расположились на линии N1c1 – F4205.

Illustration 3. Bashkir clans on the phylogenetic trees of the subclades of the "North Eurasian" haplogroup N1c-M178 and N1b-P43. Bashkirs of the Kalmak, Tubyalyas and Syzgi clans, along with some groups of Khakas, Buryats, Mongols (Tsaatans, Torguts, Derbets, Hoshuuts), Kalmyks (Hoshuuts), Tuvinians-Todzhins and Kazakhs, settled on the line N1c1 – F4205.

Заключение

В процессе формирования башкирского и калмыкского народов важную роль сыграло наличие ряда общих тюркско-монгольских этнических компонентов, которые сложились в результате комплекса этнокультурных и этнополитических процессов. Среди родоплеменных подразделений башкирского и ряда других тюркских народов (казахов, кыргызов) был в большом количестве представлен этноним калмык (калмак), сохранились предания о происхождении предков из этого народа. Военные столкновения тюркских народов с западными ойратами – калмыками перемежались союзническими взаимодействиями, известны неоднократные совместные выступления калмыков, башкир и ногайцев в периоды противостояний с царскими войсками (особенно в период восстания Степана Разина 1667-1670 гг., башкирских восстаниях 1662-1667 гг., 1680-1683 гг. и др.). Часть калмыков попадала отдельными семьями в башкирские села. Это происходило в основном на так называемой Ногайской дороге Башкирии (южная и юго-восточная Башкирия), где они были инкорпорированы в состав местных башкирских кланов. В то же время группам калмыков на сибирской стороне Южного Урала удалось создать собственную этнотерриториальную волость и получить коллективные (вотчинные) права на земли. Если еще в первой половине XIX в. в документах встречается наименование для этой группы башкир как «аюкинские калмыки», то уже к середине этого же столетия произошло объединение этнонимов «сарт» и «калмак» в форме объединенной башкирской волости в Зауралье – «Сарт-Калмацкая волость».

Несмотря на то, что башкиры и калмыки исповедовали различные и даже враждебные религии, говорили на совершенно разных языках и, что немаловажно, в обоих сообществах отсутствовало представление об общенациональной истории. Уже к 30-м гг. XVIII в. большинство из калмыков, оказавшихся в башкирском окружении (как добровольно, так и попавшие в плен), получили вольную. За пленными калмыками правительство признало «башкирское звание». В целом они интегрировались в состав башкир-вотчинников. Осевшие среди башкир калмыки не только приобретают права и обязанности равноправных членов башкирских общин, но и формируют отдельную этнотерриториальную волость, что отличается от специфики, например, калмыкско-казахских этнических взаимодействий – в казахской степи, где процесс интеграции калмыков не сопровождался образованием отдельных волостей иноплеменников, а прошел по модели создания социальной структуры толенгут (теленгут).

Таким образом, особенностью статуса калмаков в составе башкир выступает специфика процесса их интеграции. Результаты генетических исследований показывают, что потомкам различных групп калмыков, инкорпорированным в составе восточных, южных и северо-восточных башкир, удалось, несмотря на восприятие башкирской идентичности, сохранить генетические маркеры свойственные монголоязычным народам.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру
Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности
Авторы благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Примечания

1. Письмо «верных» старшин Сибирской дороги советнику А.Ф. Хрущеву о переходе старшины Аилинской волости Куземыша Беккучина на сторону повстанцев, о планах повстанцев и повстанческих вождях и с просьбой оказания военной помощи. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). ф. 24, оп. 1, д. 688, л. 100-101.
2. Письмо «верных» старшин Сибирской дороги советнику А.Ф. Хрущеву о переходе старшины Аилинской волости Куземыша Беккучина на сторону повстанцев, о планах повстанцев и повстанческих вождях и с просьбой оказания военной помощи. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 695. Л153-154 об.
3. Наказ башкир Исетской провинции. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. Х1, л. 267.
4. Там же.
5. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). ф. и-138, оп. 2, оп. 129, л. 218.
6. «Экономические примечания» к Генеральному межеванию земель по 12 уездам (Белебеевскому, Бирскому, Бугульминскому, Бузулукскому, Бугурусланскому, Верхнеуральскому, Мензелинскому, Оренбургскому, Стерлитамакскому, Троицкому, Уфимскому, Челябинскому) Оренбургской губернии. РГАДА. ф. 1355, оп. 1, д. 938.

Список литературы

Balinova N., Post H., Kushniarevich A., Rodrigo Flores J., Karmin M., Sahakyan H., Reidla M., Metspalu E., Litvinov S., Dzhaubermezov M., Akhmetova V., Khusainova R., Endicott Ph., Khusnutdinova E., Orlova K., Bakaeva E., Khomyakova I., Spitsina N., Zinchenko R., Villems R., Rootsi S.. Y-chromosomal analysis of clan structure of Kalmyks, the only European Mongol people, and their relationship to Oirat-Mongols of Inner Asia. European Journal of Human Genetics. *European Journal of Human Genetics.* 2019. Vol.27(9), pp. 1466–1474.

Азнабаев Б.А. *Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн.9. Уфа: Китап, 2001. 304 с.

Дэн В.Э. *Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века.* В. Э. Ден. - Москва. 1902. - 2 т. - Отт. из Учен. записок имп. Моск. ун-та. Юрид. фак.; Вып. 21. 319 с.

История башкирских родов. Сарт и Калмак. Том 27. С.И. Хамидуллин, Б.А. Азнабаев, И.Р. Саитбатталов, И.З. Султанмуратов, Р.Р. Шайхеев, Р.Р. Асылгужин, В.Г. Волков, А.А. Каримов, А.М. Зайнуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2017. 456 с.

История башкирских родов. Салъют, Терсяк, Сынрян, Бикатин, Сырзы, Шуран. Том 19. С. Хамидуллин и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН: Китап. 2016. 584 с.

Кузеев Р. *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения.* Уфа: ДизайнПолиграфСервис. 2010. 560 с.

Кузеев Р., Бикбулатов Н., Шитова С. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.). В: *Археология и этнография Башкирии*. I. Уфа, БФАН СССР. 1962. С. 171–267.

Надршин Ф. Башкирско-калмыкские взаимоотношения в XVII–XVIII вв. В: *Башкиры Оренбуржья: История, традиция, культура.* Оренбург. 2013. С.55–65.

Рычков П. *Топография Оренбургской губернии. У*фа: Китап. 1999. 312 с.

Самигулов Г. Формирование тюркской группы калмак и Сарт-Калмакской волости в Южном Зауралье XVIII века*. Научный диалог.* 2018. No.9, с.275–294. https://doi.org/ 10.24224/2227-1295-2018-9-275-294

Самигулов Г. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы. *Вестник Челябинского государственного университета. История.* 2015. Вып.64, no.14(369), с.45–50.

Тоган А. *История башкир.* [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И. Тоган] (перевод с турецкого). Уфа. Китап. 2010. 352 с.

Туған Ә.В. *Бөгөнгө төркиле Төркөстан һәм яҡын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяҡ Төркөстан.* Өфө. Китап. 2014. 276 с.

Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века). Под ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2021. 102 с.

Янгузин Р., Томашевская Н. «Новобашкиры»: численность, расселение (XVIII – середина XIX века). В: *Демография башкирского народа: прошлое и настоящее: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. II Всемир. курултаю башкир*, 23 апр. 2002 г. С. 49-55.

References

Balinova N., Helen P., Kushniarevich A., Flores J. Rodrigo, Monika M., Sahakyan H. Reidla M., Metspalu E., Litvinov S., Dzhaubermezov M., Akhmetova, V., Khusainova R., Endicott P., Khusnutdinova E., Orlova K., Bakaeva E., Khomyakova I., Spitsina N., Zinchenko R., Villems R., Rootsi S. Y-chromosomal analysis of clan structure of Kalmyks, the only European Mongol people, and their relationship to Oirat-Mongols of Inner Asia. *European Journal of Human Genetics*. 2019. Vol.27(9), pp.1466–1474. (In English)

Aznabaev B. *Bashkirskoe obshhestvo v XVII – pervoi treti XVII v*. Ufa: RITS BashGU. 2016. 370 p. (in Russian)

Asfandiyarov A. *Istoriya sel i dereven Bashkortostana.* Kn.9. Ufa: Kitap Publ., 2001. 304 p. (in Russian)

Den V. *Naseleniye Rossii po piatoi revizii. Podushnaya podat' v XVIII veke i statistika naseleniya v konce XVIII veka.* Moscow. 1902. T.2. Ch.2. 319 p. (in Russian)

Istoriia bashkirskikh rodov. Sart and Kalmak. Vol.27. Hamidullin S., Aznabaev B., Saitbattalov I., Sultanmuratov I., Shaiheev R., Asilguzhin R., Volkov V., Karimov A., Zainullin A.. Ufa: IYaL USC RAS; Kitap. 2017. 456 p. (in Russian)

Istoriia bashkirskikh rodov. Salieiut, Tersiak, Synrian, Bikatin, Syrzy, Shuran. Vol.19. Hamidullin S. et. al. Ufa: IYaL USC RAS: Kitap Publ. 2016. 584 p. (in Russian)

Kuzeev R. *Proishozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriya rasseleniya.* Ufa: DizajnPoligrafServis. 2010. 560 p. (in Russian)

Kuzeev R., Bikbulatov N., Shitova S. Zauralskie bashkiry (jetnograficheskii ocherk bita i kultury konca XIX - nachala XX vv.*).* In: *Archeology and ethnography of Bashkiria*. 1962. Pp.171–267. I. Ufa. BFAN OF the USSR. (in Russian)

Nadrshin F. Bashkirsko-kalmykskie vzaimootnoshenija v XVII-XVIII vv. In: *Bashkirs of Orenburg: History, Tradition, Culture.* Orenburg. 2013. Pp. 55–65. (in Russian)

Rychkov P. *Topografiiya Orenburgskoi guberniyi.* Ufa: Kitap Publ. 1999. 312 p. (in Russian)

Samigulov G. Formirovanie turkskoj gruppy kalmak i Sart-Kalmakskoi volosti v Uyzhnom Zaural'e XVIII veka. *Scientific Dialogue.* 2018. No.9, pp.275–294. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-275-294. (in Russian)

Samigulov G. Aiukinskie kalmyki: k istorii etnicheskoj gruppy. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* History. 2015. Is.64, no.14(369), pp.45-50. (in Russian)

Togan A. *Istorija bashkir.* [perevod s tureck. A.M. Juldashbaeva; avt. vstup. statei A.M. Juldashbaev, I. Togan] (perevod s tureckogo). Ufa. Kitap Publ. 2010. 352 p. (in Russian)

Tugan A. *Bөgөngө Tөrkile Tөrkestөn hөm iakyin tarihi. Kөnbaiyish hөm Tөniaқ Tөrkөstan* (Modern Turkestan and the Near history. East and North Turkestan). Ufa. Kitap Publ., 2014. 276 p. (in Bashkirian)

Etnokulturnaia istoriya naseleniya Safakulevskogo raiona (s drevneishih vremen do nachala XX veka). Pod red. D.N. Masliuzhenko. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2021. 102 p. (in Russian)

Yanguzin R., Tomashevskaya N. *«Novobashkiry»: chislennost, rasselenie (XVIII – seredina XIX veka).* In: Demography of the Bashkir people: past and present: Materials of the interregional scientific-practical conference, dedication. II Worldwide Kurultai Bashkir, April 23, 2002. Pp.49-55. (in Russian)

Использованные архивные и иные источники

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

МИБ Т. III. – Материалы по истории Башкирской АССР. Том. III. /Сост. Н.Ф. Демидова. Под ред. Н.В. Устюгова. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1949. 692 с.

МИБ Т. V – Материалы по истории Башкирской АССР. Том. V. /Сост. Н.Ф. Демидовой. Под ред. С.В. Васильева. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1960. 783 с.

МИБ Т. VI – Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. /Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Уфа: Китап. 2002. 230 с.

История Татарии 1937 – История Татарии в документах и материалах. Москва. Гос. социально-экономическое изд-во. 1937. 503 с.

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан

База генетических данных Family Tree DNA

База генетических данных Yfull

База данных палеоДНК Family Tree DNA

База генетических данных Family Tree DNA палеоДНК
База данных палеоДНК Family Tree DNA: Kunpeszér 31, Szegvár 554, Csepel 1, Csepel 465, Kunszállás 12, Kunszállás 13, Kunszállás 30, Kunszállás 7, Tatárszentgyörgy 43) URL: https://discover.familytreedna.com/y-dna/N-FGC36892/ancient.

Sources

RGADA –Rossijskii gosudarstvennyi arhiv drevnih aktov (in Russian)
GASO – Gosudarstvennyi arhiv Sverdlovskoj oblasti (in Russian)
MIB T. III. – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Tom. III. / Sostavitel N.F. Demidova. Pod red. N.V. Ustiugova. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949. 692 p. (in Russian)
MIB T. V – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Tom. V. / Sost. N.F. Demidovoj. Pod red. S.V. Vasileva. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 783 p. (in Russian)
MIB T. VI – Materialy po istorii Bashkortostana. T. VI. / Avtor-sostovitel N.F. Demidova. Ufa: Kitap, 2002. 230 p. (in Russian)
Istorija Tatarii 1937 – Istoriya Tatarii v dokumentah i materialah. Moskva. Gos. socialno-ekonomicheskoe izd-vo, 1937. 503 p. (in Russian)
NA RB – Nacionalnyi arhiv Respubliki Bashkortostan (in Russian)
Baza genticheskih dannyh Family Tree DNA (In English)
Baza genticheskih dannyh Yfull (In English)
Baza geneticheskih dannyh Family Tree DNA paleoDNK (In English)
Baza geneticheskih dannyh Family Tree DNA paleoDNK: Kunpeszér 31, Szegvár 554, Csepel 1, Csepel 465, Kunszállás 12, Kunszállás 13, Kunszállás 30, Kunszállás 7, Tatárszentgyörgy 43)URL: https://discover.familytreedna.com/y-dna/N-FGC36892/ancient Kunpeszér 31, Szegvár 554, Csepel 1, Csepel 465, Kunszállás 12, Kunszállás 13, Kunszállás 30, Kunszállás 7, Tatárszentgyörgy 43) URL: https://discover.familytreedna.com/y-dna/N-FGC36892/ancient Kunpeszér 31, Szegvár 554, Csepel 1, Csepel 465, Kunszállás 12, Kunszállás 13, Kunszállás 30, Kunszállás 7, Tatárszentgyörgy 43) URL: https://discover.familytreedna.com/y-dna/N-FGC36892/ancient (In English)

Information about authors

Rafil R. Asilguzhin – Researcher, Cand.Sc. (Philosophy), Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-4302-665X, asrafil@yandex.ru
Eduard I. Khabibullin – UNESCO Geopark “Yangan-tau", Republic of Bashkortostan, Salavatsky district, village of Yangantau, https://orcid.org/0009-0001-9776-9304, murzalar@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Рафиль Рифгатұлы Асылғожин – Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты (15б үй, Пушкин көшесі, 010000 Астана, Қазақстан Республикасы), ғылыми қызметкер, https://orcid.org/0000-0003-4302-665X, asrafil@yandex.ru
Эдуард Илдарұлы Хабибуллин – Геопарк ЮНЕСКО “Янган-тау”, Башқұртстан Республикасы, Салават ауданы, Янгантау аулы, ғылыми қызметкер. https://orcid.org/0009-0001-9776-9304, murzalar@mail.ru

Сведения об авторах

Рафиль Рифгатович Асылгужин – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт изучения Улуса Джучи, 010000, г. Астана, Казахстан, район Байконыр, ул. Пушкина, дом 15 Б https://orcid.org/0000-0003-4302-665X, asrafil@yandex.ru

Эдуард Илдарович Хабибуллин – научный сотрудник Геопарк ЮНЕСКО "Янган-тау", Республика Башкортостан, Салаватский район, село Янган-Тау. https://orcid.org/0009-0001-9776-9304, murzalar@mail.ru

Вклад авторов

Асылгужин А. – сформулировал авторскую идею и разработал методологию научного исследования, выстроил концептуальную основу публикации, структурировал содержание статьи и провел практическую часть работы по анализу материалов.

Хабибуллин Э. – обеспечил практическую часть авторского научного исследования, занимался планированием и реализаций задач исследовательской практики, готовил и анализировал материалы для написания статьи.

Author Contributions

Asylguzhin A. conceived the study idea and developed the research methodology, established the conceptual framework of the publication, structured the article's content, and performed the practical analysis of research materials.

Khabibullin E. implemented the practical component of the scientific investigation, participated in the planning and execution of research tasks, as well as prepared and analyzed materials for article composition

Авторлар үлесі

Асылгужин А. – авторлық идеяны қалыптастырып, ғылыми зерттеудің әдіснамасын әзірледі, жарияланымның тұжырымдамалық негізін құрды, мақала мазмұнын құрылымдап, материалдарды талдаудың практикалық бөлімін жүзеге асырды.

Хабибуллин Э. – ғылыми зерттеудің практикалық бөлімін қамтамасыз етті, зерттеу міндеттерін жоспарлап, іске асырды, мақаланы жазуға қажетті материалдарды дайындап, талдау жұмыстарын жүргізді.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / ***Disclosure of conflict of interest information***. The author claims no conflict of interest

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.01.2025

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 10.02.2025.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication 31.03.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: . eISSN:

WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.61.91; 34.23.35

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.28.41

Роль кипчаков в формировании каракалпакского народа: расселение и этнические особенности кипчакских племен

М. Давлетияров ✉
Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана, Нукус, Узбекистан
✉*madat.davlet@gmail.com*

Аннотация. Проанализирована роль кыпчаков в формировании каракалпакского народа, уделяется особое внимание их этнокультурным особенностям в составе каракалпаков и территория их расселения в Южном Приаралье. Кыпчаки играли огромную роль в этнической и культурной истории каракалпаков. Кыпчаки действительно оставили значительный след в этнической и культурной истории каракалпаков. Их влияние проявилось в различных аспектах: от формирования этнического состава до культурных традиций и хозяйственной деятельности. Расселение кипчакских племён на территории Южного Приаралья стало важным этапом, который оказал влияние на формирование каракалпакского народа как этнической группы. Кыпчакский и ногайский пласты в фольклоре каракалпаков проявляются в сюжетах, героях и мотивах, которые отражают традиции, ценности и исторические события этих народов. Это влияние также подчёркивает тесные связи и взаимодействие между этими группами, что, в свою очередь, обогатило культурное наследие каракалпаков. Одним из ключевых признаков, характеризующих уровень кыпчакизации, является включение языков определённого народа в кыпчакскую группу тюркских языков. Как известно, четвёртый период развития тюркских языков – средний тюркский период (X-XV вв.) – примечателен тем, что именно в это время формируется основа всех современных тюркских языков. Степень участия тюркоязычных этнических компонентов, родоплеменных групп, племен и племенных союзов в процессе формирования каракалпакского этноса была неодинаковой. Среди наиболее крупных этнических компонентов можно выделить печенегов, огузов, кыпчаков, канглы, кунгратов, мангытов, а также многочисленные родоплеменные группы, интегрированные в родовую структуру каракалпаков. В Золотоордынский период на территории Сырдарьинских и Приаральских степей происходило межкультурное взаимодействие двух различных социокультурных групп – оседлых и кочевых народов. Это взаимодействие способствовало изменениям в этническом составе местного населения, трансформации языка, а также развитию и изменению материальной культуры народов Приаралья. Обсуждается, в какой степени миграции кыпчакских племен способствовали этнической консолидации тюркских народов. Важно учитывать, что кыпчаки не только ассимилировали в другие племена, но и сами подвергались влиянию соседних народов, таких, как монголы и жители Хорезма. Кыпчакская степь являлась центром политических взаимодействий, торговли и культурного

©Давлетияров М., 2025

обмена. Это взаимодействие способствовало унификации тюркских культурных особенностей, хотя и неоднородно.
Ключевые слова. Приаралье, средневековье, кыпчаки; каракалпаки; родоплеменные группы; этнический состав; язык; фольклор; расселение

Для цитирования: Давлетияров М. Роль кипчаков в формировании каракалпакского народа: расселение и этнические особенности кипчакских племен. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Т.1, no.1, с.29-41. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.28.41

The Role of Kipchaks in the Formation of the Karakalpak People: Settlement and Ethnic Characteristics of Kipchak Tribes

M. Davletiyarov

Karakalpak Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Nukus, Uzbekistan

Abstract. The role of the Kipchaks in the formation of the Karakalpak people has been analyzed, with special attention given to their ethnocultural characteristics within the Karakalpak composition and the territory of their settlement in the Southern Aral Sea region. The Kipchaks played a crucial role in the ethnic and cultural history of the Karakalpaks. Indeed, the Kipchaks left a significant imprint on the ethnic and cultural heritage of the Karakalpak people. Their influence was evident in various aspects, ranging from shaping the ethnic composition to impacting cultural traditions and economic practices. The settlement of the Kipchak tribes in the Southern Aral Sea region marked a crucial stage that influenced the formation of the Karakalpak people as an ethnic group. The Kipchak and Nogai elements in Karakalpak folklore are evident in storylines, characters, and motifs that reflect the traditions, values, and historical events of these peoples. This influence also emphasizes the close ties and interactions between these groups, which, in turn, enriched the cultural heritage of the Karakalpaks. One of the key indicators characterizing the level of Kipchakization is the inclusion of a particular people's languages in the Kipchak group of Turkic languages. As is known, the fourth period in the development of Turkic languages – the Middle Turkic period (10th-15th centuries) – is notable because it is precisely during this time that the foundation of all modern Turkic languages was formed. The degree of participation of Turkic-speaking ethnic components, tribal groups, clans, and tribal unions in the formation of the Karakalpak ethnos varied. Among the largest ethnic components, one can distinguish the Pechenegs, Oghuz, Kipchaks, Kangly, Kungrats, Mangyts, as well as numerous tribal groups integrated into the clan structure of the Karakalpaks. During the Golden Horde period, intercultural interaction between two distinct socio-cultural groups – settled and nomadic peoples – took place in the territories of the Syr Darya and Aral steppes. This interaction contributed to changes in the ethnic composition of the local population, the transformation of language, as well as the development and modification of the material culture of the peoples of the Aral Sea region.
Keywords. The Aral Sea region, Middle Ages, Kipchaks; Karakalpaks; tribal groups; ethnic composition; language; folklore; settlement patterns

For citation: Davletiyarov M. The Role of Kipchaks in the Formation of the Karakalpak People: Settlement and Ethnic Characteristics of Kipchak Tribes. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, pp.29-41. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.28.41

Қарақалпақ халқының қалыптасуындағы қыпшақтардың рөлі: қыпшақ тайпаларының қоныстануы мен этникалық ерекшеліктері

М. Давлетияров

Өзбекстан Ғылым академиясының Қарақалпақстан бөліміне қарасты Қарақалпақ гуманитарлық ғылымдар ғылыми-зерттеу институты, Нөкіс қаласы, Өзбекстан

Аңдатпа. Мақалада қарақалпақ халқының қалыптасуындағы қыпшақтардың рөлі талданды, қарақалпақтардың құрамындағы этномәдени ерекшеліктеріне және олардың Оңтүстік Арал өңіріндегі қоныстану аумағына ерекше назар аударылды. Қыпшақтар қарақалпақтардың этникалық және мәдени тарихында үлкен рөл атқарды. Қыпшақтар қарақалпақтардың этникалық және мәдени тарихында айтарлықтай із қалдырды. Олардың әсері этникалық құрамның қалыптасуынан мәдени дәстүрлер мен экономикалық қызметке дейінгі әртүрлі аспектілерде көрінеді. Қыпшақ тайпаларының Оңтүстік Арал өңіріне қоныстануы қарақалпақ халқының этникалық топ ретінде қалыптасуына ықпал еткен маңызды кезең болды. Қарақалпақ фольклорындағы қыпшақ және ноғай топтары осы халықтардың дәстүрлерін, құндылықтары мен тарихи оқиғаларын бейнелейтін сюжеттерде, кейіпкерлер мен мотивтерде көрінеді. Бұл ықпал сонымен қатар осы топтар арасындағы тығыз қарым-қатынастар мен өзара байланыстарды көрсетеді, бұл өз кезегінде қарақалпақтардың мәдени мұрасын байытты. Қыпшақтану деңгейін сипаттайтын негізгі ерекшеліктердің бірі - белгілі бір халықтың тілдерін қыпшақ түркі тілдерінің тобына қосу. Түркі тілдерінің дамуының төртінші кезеңі – орта түркі кезеңі (X-XV ғғ.) - дәл осы уақытта барлық қазіргі түркі тілдерінің негізі қалыптасып жатқандығымен ерекшеленетіні белгілі. Қарақалпақ халқының қалыптасуындағы түркітілдес тайпалардың, тайпалық топтардың, этникалық компоненттердің, тайпалық одақтардың қатысу дәрежесі бірдей болған жоқ. Олардың ішіндегі ең негізгілері печенегтер, оғыздар, қыпшақтар, қаңлылар, қоңыраттар, маңғыттар және қарақалпақтардың рулық құрылымындағы көптеген тайпалық топтар болды. Алтын Орда дәуірінде Сырдария мен Арал маңындағы далалық аймақта екі түрлі әлеуметтік-мәдени топ – отырықшылар және көшпелі халықтар арасында өзара мәдени байланыс орнады. Бұл өзара қарым-қатынастар жергілікті халықтың этникалық құрамының өзгеруіне, тілдің трансформациялануына, сондай-ақ Арал маңы халықтарының материалдық мәдениетінің дамуы мен өзгеруіне ықпал етті. Қыпшақ тайпаларының көші-қоны түркі халықтарының этникалық бірігуіне қаншалықты әсер еткені талданды. Маңыздысы, қыпшақтар басқа тайпаларды ассимиляциялаумен қатар, моңғолдар мен Хорезм тұрғындары сияқты көршілес халықтардың ықпалына да ұшырады. Қыпшақ даласы саяси байланыстардың, сауда және мәдени алмасудың орталығы болды. Бұл өзара ықпалдасу түркі мәдени ерекшеліктерінің бірізденуіне ықпал етті, алайда бұл процесс біркелкі жүрген жоқ.

Түйін сөздер: Арал өңірі; ортағасырлар; қыпшақтар; қарақалпақтар; ру-тайпалық топтар; этникалық құрам; тіл; фольклор; қоныстану

Введение

Кыпчаки и кыпчакские племена как этнический компонент сыграли важную роль в этногенезе многих тюркоязычных народов, включая каракалпаков, а также народов некоторых стран Европы.

Существует множество признаков, которые позволяют определить степень участия этнических компонентов в формировании различных народов. Среди таких признаков можно выделить территориальное расселение кыпчаков на юго-восточном Приаралье; их названия и этнический состав; родовые группы, которые в средневековье представляли собой самостоятельные племена и народы. Также важную роль играют язык, хозяйственная деятельность, фольклор и другие культурные элементы. Одним из главным признаков, который определяет уровень кыпчакизации, считается перечисление языков определенного народа в кыпчакскую группу тюркского языка. На средневековом историческом этапе (XI-XIII вв.) наряду с местными племенами Приаралья, большую роль в формировании каракалпакского народа сыграли кыпчаки, язык которых лег в основу каракалпакского языка.

Как известно, четвертый период развития тюркских языков – средний тюркский период (X-XV вв.), который отличается тем, что в этот период формируется основа всех современных тюркских языков. В этот период появляется кыпчакско-ногайская языковая группа, в которую входят каракалпакский, ногайский, казахские языки и кыпчакский диалект узбекского языка (Хамидов 1974: 29-30). Как известно, своеобразной особенностью этнических групп с кыпчакским компонентом являются явные монголоидные признаки в антропологическом облике и «джокающий» говор (Каюмов 2011: 21). В литературе Золотой Орды получили распространение тюркские наречия, среди которых особое место занимал кыпчакский язык (Кыдырниязов 1989: 137).

Степень участия тюркоязычных этнических компонентов, родоплеменных групп, племенных союзов в формировании каракалпакского народа была неодинаковой. Среди наиболее крупных компонентов можно выделить печенегов, огузов, кыпчаков, канлы, кунгратов, мангытов, а также множество других родоплеменных групп, входящих в родовую структуру каракалпаков.

В устном народном творчестве каракалпаков, а также в их этнической истории выделяется так называемый кыпчакский и ногайский пласт. Как отмечает Жирмунский, тюркоязычные народы Средней Азии – узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены – издавна были связаны между собой древней языковой общностью и длительным соприкосновением, этническим и культурным взаимодействием в условиях совместной исторической жизни (Жирмунский 1962: 207). В каракалпакском эпосе «Коблан», в казахском эпосе «Кобланды батыр» Коблан родом из племени Кыпшак как народный герой, батыр защищает свою родину от врагов. Здесь большой интерес представляет то, что сюжеты эпоса и в каракалпакских, и в казахских версиях почти одинаковы. Аналогичность этих сюжетов говорит о том, что данный эпос был создан в то время, когда еще племя кыпчак, в прошлом отдельный этнос, не был разделен на мелкие родоплеменные группы с последующим вхождением в состав различных народностей.

В статье делается попытка показать роль кыпчаков в формировании каракалпакского народа через призму их этнокультурных особенностей в составе каракалпаков и территорию расселения в Южном Приаралье. Этнический состав каракалпакских кыпчаков отличается от других соседних народов и от средневековых кыпчаков. Некоторые исследователи подчёркивают значительную роль кыпчаков как крупного

этнического компонента, который способствовал распространению языка, культуры и обычаев среди других народов. Также рассматривается, в какой степени миграции кыпчакских племен способствовали этнической консолидации тюркских народов. При этом важно учитывать, что кыпчаки не только ассимилировали в другие племена, но и находились под влиянием соседних народов, таких, как монголы и жители Хорезма. Кыпчакская степь была центром политических взаимодействий, торговли и культурного обмена, что способствовало унификации тюркских культурных особенностей, хотя этот процесс был неоднородным.

Материалы и методы

В данной работе применяется методика компонентного анализа этнического состава, которая позволяет изучать данные о родоплеменном составе того или иного этноса. Кроме того, используется сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить генетически сходные компоненты в родственных культурах. В данной работе мы пытаемся анализировать не всю историю кипчаков, имеющуюся в литературе. Мы лишь рассматриваем те труды и вопросы, касающиеся этнической истории кипчаков, которые играли важную роль в формировании каракалпакского народа.

Литературный обзор

Проблемой этногенеза каракалпаков, этнической историей составляющих его родоплеменных групп занимался ряд ученых: П.П. Иванов, С.П. Толстов, Т.А. Жданко, Л.С. Толстова, С.Камалов, Х.Есбергенов и многие другие, которые в своих работах особо выделяют кыпчакский этнический компонент в этногенезе каракалпаков.

В настоящее время имеется много исследований по истории кыпчаков, о роли кыпчаков в формировании тюркских народов, в том числе среднеазиатских народов. С.М. Ахинжанов в работе о роли кыпчаков в средневековой истории Казахстана прослеживает основные этапы этнической истории кыпчаков, рассматривает вопросы расселения, миграции кыпчакских племен, формы хозяйства, политические взаимоотношения с соседними народами и т.д. (Ахинжанов 1995). В свое время К.Шаниязов отметил, что «Кипчакам посвящены многочисленные исторические исследования. Однако основное внимание в них уделяется западной ветви кочевников-половцев. О восточной группе, которая в начале XI в. переселилась в присырдарьинские степи, и о других группах кипчаков (Шаниязов 1974: 16), … которые впоследствии вошли в состав казахов, каракалпаков, узбеков и др., говорится лишь попутно…» (Шаниязов 1974: 20). Р.А. Абдуманапов в своей монографии, которая посвящена кыпчакскому этническому компоненту в этногенезе кыргызов, уделяет особое внимание на их исключительно важное положение (Абдуманапов 2015: 6). В современный период к проблеме кыпчаков в мировой истории посвящена работа Я.В. Пилипчука и Ж.М. Сабитова, в котором рассматриваются такие вопросы, как происхождение кимаков, кыпчакская этнонимия, родоплеменной состав кыпчаков и их переселение (Пилипчук 2015).

Результаты

Уран (клич) каракалпаков племени кыпчак считается «Токсоба», а тамга в форме /. В преданиях говорится, что в отличие от «самых старших» каракалпаков – кытаев – «самые богатые» – кыпшаки – занимались не овцеводством, а коневодством и изготовлением в связи с этим кумыса (Жданко 1950: 45).

Основным из источников по рассматриваемому вопросу считается Шежире Бердаха, в нем имеется много сведений о родоплеменной структуре каракалпаков, предания, связанные с ними. Если в данном источнике основные каракалпакские роды приводятся попарно, шесть племен: коныpат-муйтен, ктай-кыпшак, кенегес-мангыт, то в последующих источниках, исследованиях они приводятся в измененной форме. Данное изменение в родовой структуре каракалпаков - это последствия политики Хивинского ханства в целях централизации управления каракалпаками. По поводу урана кыпчаков говорится в шежире Бердаха:

Қыпшақ ҳәм йылқы жыйнады,
Желине қулын байлады.
Қымыз сабасын сайлады,
«Тоқсаба» уран болған екен

Кыпшак разводил лошадей,
К шестам жеребят перевязывал,
Для кумыса бурдюки приготовлял
«Токсаба» ураном кыпшаков стал. (Шежире: 20)

Родовой состав. Современные родовые подразделения каракалпаков объединены в два крупные арыса: *«коңырат»* и *«он төрт уруў»*. Каждый из этих арысов делится на *урыў, урыў* на *тийре,* а *тийре,* в свою очередь, делится на *көше*, и каждый соотвественно имеет свои собственные названия. *Он-төрт урыў* – делится на 4 больших *урыў: қтай, қыпшақ, кенегес, манғыт,* которые подразделяются на более мелкие родовые подгруппы.

В настоящее время арыс он төрт урыў, в том числе находящееся в его составе племя кипчак, в основном располагался на правом берегу канала Кегейли, на территории нынешних Чимбайского, Кегейлийского, Нукусского районов Республики Каракалпакстан (рис. 1).

Племя кипчак делится на 14 родов: канлы, санмурын, естек, канжыгалы, шунак, басар, толыс, жабы (ябы), арык, жагалтай, баганалы, майлыбалта, жадик, салтыр. Среди них 6 родов санмурын, естек, канжыгалы, шунақ, басар, толыс составляют отдельную группу «Алты ата», остальные 7 родов, кроме канлы, входят в группу «Жети коше». Среди них огромный интерес представляет род Канглы в составе племени Кыпшак. Канглы имеются также у казахов, киргизов, узбеков и у башкир. Т.А.Жданко также отмечает, что канглы, как и многие другие бывшие крупные племена, «некогда многочисленное, политически сильное племя, ослабев и уменьшившись», потерял свою самобытность и включился в систему племени кыпшак (Жданко 1950: 53).

Рассмотрение канглы на уровне племени и его многочисленность Т.А. Жданко подтверждает тем, что все роды, кроме канглы, в племени кыпшак экзогамны. Это, в свою очередь, объясняется тем, что канглы не столь давно считалось еще племенем, а его подразделения – самостоятельными родами или частями родов, не связанными друг с другом традициями, вытекающими из кровного родства (Жданко 1950: 72). Каракалпакские канглы делятся на 11 родовых групп – тийре: Катканлы; Ыргаклы; Ашамайлы; Тараклы; Жуансан; Шомишли; Кашулар; Орманшы; Акылхожа; Тазаканлы; Алтыортак. Среди них имеется кровнородственные группы, представители которых не вступают в брак друг с другом, а есть группы, которым разрешается. Например, Ашамайлы и Ыргаклы могут вступать друг с другом в брак. А представителям ыргаклы и катканглы не разрешено, так как считаются близкородственными. Если Жданко объясняет это тем, что канглы раньше был крупным племенным объединением и входившие в его состав группы не имели кровнородственных связей, то имеется еще другой вариант объяснения этому.

Т.А. Жданко отмечает, что по преданию старейшими в племени кыпшак считаются роды жабы (ябы) и жагалтай. Когда племя отделялось от ногаев, первой отделилась группа каракыпшак, а из нее, в свою очередь, выделились жабы кыпшаки, жившие в Кара-Куме (Казахстан). В дальнейшем выделился род арык-кыпшак, а затем род жагалтай, насчитывающий свыше 11 поколений. По другому варианту, самый старший из родов кыпшак – санмурын. Так звали каракалпакского бия, жившего во времена хана ногаев и каракалпаков – Жаныбека – в Крыму. Во главе бия Санмурын кыпшаки ушли от Жаныбека в Туркмению, в затем в Туркестан. Приемным сыном и воспитанником Санмурына, согласно генеалогиям кыпшаков, был Толыбай, общий предок родов майлы-балта, жадик и салтыр (Жданко 1950: 46) (Рис. 2).

У узбеков-аральцев кипчакское племя Амударьинского района Каракалпакстана (бывший Кыпчакский район) (рис. 1) делится на 8 родов: канджыгалы, канлы, шункарлы, туяклы, уйшун, ойрат, кара-кыпшак, асс (Задыхина 1952: 350).

Родовая структура кипчаков кенимехских каракалпаков, которые переселились сюда с берегов Сырдарьи примерно в XVIII в.: жагалтай; майлыбалта; карамойын; шунак; есаплы; жабы. Среди них отмеченных 4 родовых подразделения имеют общие названия с каракалпаками Каракалпакстана (Толстова 1961: 44-51). Это говорит о том, что современная родовая структура племени кыпчак была сформирована после их переселения на нынешнюю среду обитания. Л.С. Толстова отмечает, что у каракалпаков в XVII-XVIII вв., до их разделения, была единая родоплеменная структура (Толстова 1961: 45).

Обсуждение

С.П. Толстов считает, что узловым историческим моментом и территориально-социальным объединением в этнической истории каракалпаков являются печенежские политические объединения IX-XII вв (Толстов 1947: 303-305). Кроме того, С.П. Толстов отождествляет печенегов с потомками сако-массагетов – апасиаками. Подтверждая его мнение, академик С. Камалов приводит этапы процесса формирования каракалпакского

народа, где отмечает, что период печенегов является вторым этапом в формировании каракалпакского народа и вторым именем каракалпаков (Камалов 2001: 8-9).

По мнению многих авторов, современные каракалпаки считаются потомками именно … восточных групп печенегов (Иванов 1935: 11). Это, в первую очередь, подтверждается тем, что печенеги имеют родственные связи с кангарами (канлы в составе родоплеменной структуры современных каракалпаков), а также с черными клобуками, которые во многих литературных сведениях и в средневековых источниках приводятся как предки каракалпаков. Г.А. Феодоров-Давыдов полагает, что, вероятно, имя «кангар» и его варианты было распространенным названием печенегов или их части в ту эпоху, когда они кочевали в Азии. В Восточной Европе по каким-то причинам это имя уступило место имени «печенеги» (Феодоров-Давыдов 1966: 135). Подтверждением тому являются работы Константина Багрянородного, П. Сумо, Н. Аристова, А. Щербак, С. Толстова, И. Маркварт, С. Плетневой, С. Кляшторного и т.д.

П.П. Иванов отмечает, что в процессе своего постепенного передвижения из бассейна Аральского моря на запад кыпчаки встретились на своем пути с восточной ветвью печенегов, находившейся между Волгой и Яиком... Дальнейшее соседство обоих народов, совместное участие их в походах, так же, как общность их языков и одинаковый в общем уровень культурно-экономического развития должны были явиться несомненными факторами их сближения. Родственные отношения между печенегами и половцами уже к концу XII в. охватывали собою не только территориально близкие между собою части этих народов, но даже те печенежские роды, которые носили название черных клобуков и действовали обычно в союзе с русскими (Иванов 1935: 14-15).

Существенным доказательством постепенного объединения печенегов с кыпчаками является список кыпчакских племен, приводимый Нувейри и характеризующий этнический состав кыпчаков, впитавших в себя в результате завоевания областей Приаралья местное население этой территории (Жданко 1950: 113). В сведениях (первой половины XIV в.) ан-Нувейри, заимствовавший данные из арабской летописи, сообщается о следующих 11 кыпчакских родах: токсоба, иета, буржоглы, бурды, кангуоглы (или кангароглы), анжоглы, дурут, карабароглы, джузнан, карабирклы, котян (Шаниязов 1974: 76). В списке имя «кара-боркли» идентичен по своей семантике слову «каракалпак». Другое племя кыпчаков, упоминаемое наряду с караборкли – «кангуоглы», – также, несомненно, местного происхождения. Это «канглы» – видоизмененное и тюркизированное «кангар», одно из наименований печенегов, с последующим смешением с кыпчаками (Жданко 1950: 113).

Движение кыпчаков на юг, на Сырдарью начинается примерно в X веке, а возможно, и раньше. В XI веке в Приаралье огузское население сменяется кипчакским (Ягодин 1991: 175), а сырдарьинские и приаральские степи получают наименование Дешт-и-Кипчак. К началу 1030-х гг. половцы уже окончательно овладевают среднеазиатскими степями и вытесняют отсюда огузов, и среднеазиатские степи начинают упоминаться как «степи Кыпчаков» (Расовский 2012: 150).

Кипчаки, оседавшие на Устюрте, попадали под сильное культурное воздействие Хорезма. В кипчакскую кочевую среду ислам на Устюрте так же, как в других районах кипчакского ареала, проникает лишь во второй половине XIV в. (Ягодин 1991: 177-178).

На территории сырдарьинских и приаральских степей в Золотоордынский период происходит межкультурное взаимодействие двух различных между собой оседлых и кочевых народов, в результате чего происходит процесс изменения в этническом составе местного населения, в языке и трансформации материальной культуры народов Приаралья.

После распада Золотой Орды в государствах кочевых узбеков произошла дальнейшая перегруппировка кочевников Дешт-и Кыпчака: старые родоплеменные объединения, союзы племен распались и возникли новые объединения. Надо отметить, что по своему этническому составу кипчаки позднего средневековья были уже весьма разнородными: они смешались как с домонгольскими тюркоязычными племенами (кимак, тюрк, печенег, канглы, уз и др.), так и с отюреченными монгольскими племенами (Шаниязов 1974: 12).

Т. Жданко отмечает, что в придворных хрониках Муниса и Агахи при описании войн и завоевательных походов ханов имеется много ценных материалов о расселении и о родоплеменном составе каракалпаков, которые с конца XVIII – начала XIX в. в результате различных поражений в войнах в основной своей массе переселились с Сырдарьи и Жаныдарьи в Хорезм, в пределы Хивинского ханства (Жданко 1950: 20).

Т. Жданко также приводит сведения информаторов, где говорится, что вначале ктай-кыпшаки располагались на западном берегу Кегейли, а кенес-мангыты – на восточном. В период маловодья от недостатка воды по условиям орошения страдали больше земли правого, восточного берега. Тогда представители кенес-мангытов с помощью ханских чиновников получили западный берег, а ктай-кыпшаки вынуждены были уступить свои земли и переселиться на восточный берег Кегейли (Жданко 1950: 38).

Л. Толстова приводит сведения информаторов, где говорится, что каракалпаки с Едиля переселились в Хорезм и на побережье Аральского моря, а оттуда, вследствие недостатка земель (пашен и пастбищ), одни в долину Зерафшана, другие в Жийдели Байсун (южный Узбекистан) (Толстова 1961: 36). В другой работе Л.С. Толстовой говорится, что, согласно преданиям, каракалпаки поселились на территории Бухарской области 180-200 лет назад. Местами своего прежнего обитания они считают крепость Ширик-кала, берега Сырдарьи и Жаныдарьи, откуда они ушли в сторону Чимбая, Нур-Аты и Кенимеха. Произошло это во времена Маман-бия (Толстова 1961: 44).

Вышеуказанные факты указывают, что происхождение термина «каракалпак» связано с приходом кимаков-кыпчаков в Приаралье. Этот, несомненно, тюркский термин, до того нигде на востоке не встречавшийся, представляет собой заимствование из половецкого языка русскими. Термин «черные клобуки», происходящий из половецкого (кыпчакского) языка, первоначально использовался пришельцами из Прииртышья в отношении огузско-печенежских племен Приаралья и Сыр-Дарьи и отражал особенности их головного убора.

Заключение

Расселение кыпчаков в Восточное Приаралье привело к кыпчакизации языка части огузо-печенежских племен. Именно смешанные огузо-печенежские племена, подвергшиеся кыпчакизации, считаются предками каракалпаков.

Кыпчакский фактор оказал значительное влияние на формирование кыпчакской группы языков у других тюркских этносов, развитие литературы и фольклора, а также на формирование материальной культуры каракалпаков.

В целом можно отметить, что большинство тюркоязычных этнических групп (гунны, тюрки, огузы, печенеги, кипчаки, канглы и др.) в различные времена поселились на территории Приаралья и способствовали формированию новых народностей. Они оставили свои следы в культуре народов, формировавшийся на данной территории. Среди них надо особо отметить кипчаков, которые играли немаловажную роль в этнокультурных контактах населения Приаралья. Именно особый хозяйственно-культурный тип данного региона, основанный на полуоседлом комплексном скотоводческо-земледельческо-рыболовном хозяйстве, является основным фактором, который повлиял на расселение родоплеменных групп каракалпаков.

Этнический состав кыпчаков в период средневековья, где фигурируют названия родоплеменных групп, в различных средневековых источниках предоставлялось по-разному. В целом есть все основания, что кипчаки играли существенную роль в формировании каракалпакского народа и являются одним их основных этнических компонентов в этногенезе каракалпаков.

Acknowledgements

We extend our sincere gratitude to our academic advisor M. Karlybayev, as well as to the editorial team and peer reviewers for their invaluable scholarly support in preparing this article.

Алғыс білдіру

Мақаламызды ғылыми сүйемелдеу барысында көрсеткен қолдауы үшін ғылыми кеңесші М. Қарлыбаевқа, сондай-ақ редакцияға және рецензенттерге алғысымызды білдіреміз.

Благодарности

Выражаем благодарность научному консультанту М. Карлыбаеву, а также редакции и рецензентам в научном сопровождении нашей статьи.

Список литературы

Абдуманапов Р. *Кипчаки в этногенезе кыргызов.* Бишкек. 2015. 200 с.

Аристов Н. *Труды по истории и этническому составу тюркских племен.* Отв. ред. акад. В. Плоских. Бишкек: Илим. 2003. 460 с.

Ахинжанов С. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана.* Алматы: Гылым. 1995. 296 с.

Багрянородный К. *Об управлении империей.* Москва: Наука. 1991.

Жданко Т. *Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX – начале XX века.* Москва – Ленинград: АН СССР. 1950. 178 с.

Жирмунский В. *Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки.* Москва – Ленинград: АН СССР. 1962. 437 с.

Задыхина К. *Узбеки дельты Амударьи. ТХАЭЭ. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945-1948 гг*. Москва: АН СССР. 1952.

Иванов П. *Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков.* Сборник Института востоковедения. том VII. Москва – Ленинград. 1935.

Камалов С. *Қарақалпақлардың халық болып қәлиплесиўи ҳәм оның мәмлекетлигиниң тарийхынан.* Нукус. 2001 ж.

Каюмов А. *Этническая ситуация на территории южного Узбекистана в XIX – начале XX века (по материалам Сурхан-Шерабадской долины).* Автореферат диссер. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ташкент. 2011.

Кляшторный С. *История Центральной Азии и памятники рунического письма*. СПб. Санкт-Петербург. 2003. 560 с.

Кумеков Б., Кузембаев Н. Кипчакский фактор в Золотой Орде. *Journal of history.* 2022. No.3(106), с.41-53

Кыдырниязов М. *Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв.* Нукус: Каракалпакстан, 1989. 176 с.

Пилипчук Я., Сабитов Ж. *Очерки этнополитической истории кыпчаков.* Астана: “Ғылым” баспасы, 2015. 248 с.

Плетнева С. *Кочевники Средневековья.* Москва: Наука. 1982. 188 с.

Расовский Д. *Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии.* (Работы разных лет). Москва: ЦИВОИ. 2012. 237 с.

Сумо П. *Исторические рассуждения о происхождении народов, населявших в средние века Польшу, Россию и земли между Каспийским и Черным морем, также Европейскую Турцию на севере от Дуная.* Москва. Универ. Тиграфия. 1846.

Толстов С. Город гузов (Историко-этнографические этюды). *Советская этнография*. 1947. No.3, с.55-103

Толстов С. *К вопросу о происхождении каракалпакского народа.* Краткие сообщения ИЭ им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Вып. II., Москва – Ленинград. 1947. С. 69-75

Толстова Л. Каракалпаки Бухарской области Узбекской АССР (п материалам полевых исследований 1960 г.). *Советская этнография.* 1961. No.5, с.45–52

Толстова Л. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской АССР. *Советская этнография*. 1961. No.3, с.34–44.

Феодоров-Давыдов Г. *Кочевники восточной Европы под властью золото-ордынских ханов. Археологические памятники*. Москва: Московский университет. 1966. 276 с.

Хамидов Ҳ. *Қарақалпақ тили тарийхының очерклери.* Нөкис. Қарақалпақстан. 1974. 360 б.

Шаниязов К. *К этнической истории узбекского народа (историко-этнографические исследования на материалах кипчакского компонента).* Ташкент: «ФАН». 1974. 344 с.

Щербак А. *Печенежский язык // Языки мира / Тюркские языки.* Под редакцией Тенишева Э. Бишкек: «Кыргызстан». 1997 г. С.107–110.

Ягодин В. *Стреловидные планировки Устюрта (Опыт историко-культурной интерпретации).* Ташкент: ФАН. 1991. 206 с.

References

Abdumanapov R. *Kipchaki v jetnogeneze kyrgyzov.* Bishkek: 2015. 200 p. (in Russian)

Akhinzhanov S*. Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana*. Almaty: Gylym. 1995. 296 p. (in Russian)

Porphyrogenitus K. *Ob upravlenii imperiei.* Moscow: Nauka Publishing House. 1991. (in Russian)

Zhdanko T. *Ocherki istoricheskoj jetnografii karakalpakov. Rodoplemennaja struktura i rasselenie v XIX – nachale XX veka.* USSR Academy of Sciences. Moscow – Leningrad: USSR Academy OF Sciences. 1950. 178 p. (in Russian)

Zhirmunsky V. *Narodnyj geroicheskij jepos. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki.* Moscow – Leningrad: USSR Academy OF Sciences. 1962. 437 p. (in Russian)

Zadykhina K. *Uzbeki delty Amudari. TKhAEE. Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1945-1948 gg*. No USSR Academy OF Sciences. 1952. (in Russian)

Ivanov P. *Ocherk istorii karakalpakov*. Materials on the history of the Karakalpaks. Collection of the Institute of Oriental Studies. Vol.VII. Moscow – Leningrad. 1935. (in Russian)

Kamalov S. *Qaraqalpaqlardıń xalıq bolıp qáliplesiwi hám onıń mámleketliginiń tariyxınan.* Nukus. 2001. (in Uzbek)

Kayumov A. *Jetnicheskaja situacija na territorii juzhnogo Uzbekistana v XIX – nachale XX veka (po materialam Surhan-Sherabadskoj doliny).* Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Tashkent. 2011. (in Russian)

Klyashtorny S. *Istorija Central'noj Azii i pamjatniki runicheskogo pis'ma*. St. Petersburg. 2003. 560 p. (in Russian)

Kumekov B., Kuzembayev N. Kipchakskij faktor v Zolotoj Orde. *Journal of History.* 2022. No.3(106), pp.41–53. (in Russian)

Kydyrniyazov M.-Sh. *Material'naja kul'tura gorodov Horezma v XIII-XIV vv.* Nukus: Karakalpakstan. 1989. 176 p. (in Russian)

Pilipchuk Ya., Sabitov Zh. *Ocherki jetnopoliticheskoj istorii kypchakov.* Astana: «Gylym» Publishing House. 2015. 248 p. (in Russian)

Rasovsky D. Polovcy. *Chernye klobuki: pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Vengrii.* (Raboty raznyh let). Moscow: TSIVOV. 2012. 237 p. (in Russian)

Sumo P. *Istoricheskie rassuzhdeniia o proiskhozhdenii narodov, naseliavshikh v srednie veka Polshu, Rossiiu i zemli mezhdu Kaspiiskim i Chernym morem, takzhe Evropeiskuiu Turtsiiu na severe ot Dunaia.* Moscow: at the University. Printing houses. 1846.

Tolstov S. Gorod guzov (Istoriko-jetnograficheskie jetjudy). *Soviet Ethnography.* 1947. No.3, pp.55–103. (in Russian)

Tolstov S. *K voprosu o proishozhdenii karakalpakskogo naroda. Kratkie soobshhenija IJe im*. N. Mikluho-Maklaja. Issue. II. Moscow – Leningrad. 1947. Pp.69–75. (in Russian)

Tolstova L. Karakalpaki Buharskoj oblasti Uzbekskoj ASSR (p materialam polevyh issledovanij 1960 g.). *Soviet Ethnography.* 1961. No.5, pp.69–75. (in Russian)

Tolstova L. Materialy jetnograficheskogo obsledovanija gruppy «karakalpak» Samarkandskoj oblasti Uzbekskoj ASSR. *Soviet Ethnography.* 1961. No.3, pp. 34-44. (in Russian)

Feodorov-Davydov G.A. *Kochevniki vostochnoj Evropy pod vlast'ju zoloto-ordynskih hanov. Arheologicheskie pamjatniki*. Moscow: Publ. Moscow University. 1966. 276 p. (in Russian)

Hamidov H. *Qaraqalpaq tili tariyxınıń ocherkleri.* Nukus: Karakalpakstan. 1974. 360 p. (in Karakalpak)
Shaniyazov K. *K jetnicheskoj istorii uzbekskogo naroda (istoriko-jetnograficheskie issledovanija na materialah kipchakskogo komponenta)*. Tashkent: «FAN». 1974. 206 p. (in Russian)
Shcherbak A. *Pechenezhskii iazyk // Iazyki mira / Tiurkskie iazyki.* Pod redaktsiei Tenisheva E. Bishkek: "Kyrgyzstan". 1997. Pp. 107-110. (in Russian)
Yagodin V.N. *Strelovidnye planirovki Ustjurta* (Opyt istoriko-kul'turnoj interpretacii). Tashkent: FAN. 1991. 206 p. (in Russian)

Information about authors

Madatbay M. Davletiyarov **–** Senior Researcher, Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. Address: 179A Amir Temur Street, Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan, 230100. https://orcid.org/0009-0003-6571-993X, madat.davlet@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Мәдәтбай Мақсетбаевич Давлетияров **–** Өзбекстан Ғылым академиясының Қарақалпақстан бөлімі Қарақалпақ гуманитарлық ғылымдар ғылыми-зерттеу институтының аға ғылыми қызметкері. 230100, Өзбекстан, Қарақалпақстан Республикасы, Нөкіс қаласы, Әмір Темір көшесі 179А. https://orcid.org/0009-0003-6571-993X, madat.davlet@gmail.com

Сведения об авторах

Мадатбай Махсетбаевич Давлетияров **–** старший научный сотрудник Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана. 230100, Узбекистан, Республика Каракалпакстан, г. Нукус, ул. Амир Темура, 179А. https://orcid.org/0009-0003-6571-993X, madat.davlet@gmail.com

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 16.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.09.25

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.42.52

Сведения о башкирах до монгольского завоевания

А. Салихов✉
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия
✉*ahatsalihov@mail.ru*

Аннотация. История этногенеза народов постоянно вызывает большой интерес исследователей. Первые письменные упоминания об этносе, сведения, касающиеся его быта, описания мест расселения способствуют раскрытию этапов сложения народа и выявлению полной картины этнической истории. Целый ряд всемирно известных ученых уделяли большое внимание истории происхождения башкирского народа. Данный вопрос разносторонне рассматривается в работах Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова, С.И. Руденко, А.-З.В. Тогана, являющихся ведущими исследователями истории и этногенеза башкир. На основании сведений, содержащихся в трудах средневековых авторов, в других известных письменных источниках, материалов археологических исследований указанными учеными были изучены различные важные этапы развития этноса. Для изучения географии расселения древних башкирских родов упомянутые ученые привлекли широкий пласт китайских, арабских, персидских и иных источников.

В данной статье, используя сравнительно-исторический метод, анализируются основные взгляды ведущих ученых о местах расселении башкир. В качестве основных источников привлечены сочинение арабского путешественника Ибн Фадлана (X в.) и словарь тюркских языков Махмуда Кашгари (XI в.). Дневник путешествий Ибн Фадлана содержит наиболее раннюю подробную информацию о языке, обычаях, месте расселения башкир. Описания арабского путешественника показывают, что в начале X в. основная масса башкир, являющихся одним из тюркских этносов, придерживалась традиционных верований. Однако, по его словам, одним из сопровождавших их делегацию проводников был башкир мусульманского вероисповедания. В записках Ибн Фадлана зафиксированы гидронимы, позволяющие очертить границы проживания различных этносов. Следует отметить, что в описанных им башкирских землях до сих пор продолжают жить башкиры, сохранившие использовавшиеся в то время названия водных объектов. В сочинении Ибн Фадлана четко очерчены западные границы проживания башкирских родов.

Другим важным письменным источником является «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари, содержащий сведения о языках наиболее крупных тюркских родов. Он содержит описания башкирского языка, являющегося наиболее близким к языку кипчаков. Как известно, и в настоящее время башкирский язык по общепринятой современной классификации тюркских языков входит в

©Салихов А., 2025

кипчакскую подгруппу тюркских языков. Примечательно, что в рассматриваемом словаре, являющемся важным лексикографическим исследованием, имеется карта расселения тюркских народов, которая также сопровождается текстовым описанием. По данным М. Кашгари, башкиры проживали западнее реки Иртыш. Таким образом, рассмотренные источники позволяют сказать, что башкиры до периода завоеваний Чингис-хана проживали на территории между Волгой и Иртышом, включающей и Южный Урал.

Ключевые слова: история тюркских народов; этногенез башкир; Урало-Поволжье; Ибн Фадлан; Махмуд Кашгари; караякуповская культура; Ислам

Для цитирования: Салихов А. Сведения о башкирах до монгольского завоевания. *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. T.1, no.1, c.42-52. https://doi.org/10.65076/3105 -0042.2025.1.42.5 52

Information about the Bashkirs before the Mongol conquest

A. Salikhov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia

Abstract. The history of the ethnogenesis of peoples constantly arouses great interest among researchers. The first written mentions of the ethnic group, information concerning their way of life, and descriptions of places of settlement help to reveal the stages of the formation of the people and reveal the full picture of ethnic history. A number of world-famous scientists have paid great attention to the history of the origin of the Bashkir people. This issue is examined in many ways in the works of leading researchers of the history and ethnogenesis of the Bashkirs, such as R.G. Kuzeev, N.A. Mazhitov, S.I. Rudenko, A.-Z.V. Togan. Based on the information contained in the works of medieval authors, in other well-known written sources, and archaeological research materials, the aforementioned scientists have studied various important stages of the development of the ethnic group. To study the geography of the settlement of the ancient Bashkir clans, the scientists have drawn on a wide range of Chinese, Arabic, Persian, and other sources.

In this article, the analysis of the main views of leading scientists on the places of Bashkir settlements is made using the comparative historical method. Widely known published sources are used. They are the work of the Arab traveler Ibn Fadlan (10th century) and the dictionary of the Turkic languages of Mahmud Kashgari (11th century). The travel diary of Ibn Fadlan contains the earliest, detailed information about the language, customs, and places of settlement of the Bashkirs. The descriptions of the Arab traveler show that at the beginning of the 10th century, the majority of the Bashkirs, who were one of the Turkic ethnic groups, adhered to traditional beliefs. However, one of the guides accompanying their delegation was a Bashkir of the Muslim faith. In the notes of Ibn Fadlan, the hydronyms are clearly recorded, allowing us to outline the boundaries of residence of various ethnic groups. It should be noted that the Bashkir lands he described are still inhabited by Bashkirs who have retained the hydronym names used at that time. Ibn Fadlan's work clearly outlines the western boundaries of the Bashkir clans. Another important written source is the "Dictionary of Turkic Languages" by Mahmud Kashgari, which contains clear information about the languages of the largest Turkic clans. It contains descriptions of the

Bashkir language, which is the closest to the Kipchak language. It is commonly known that the Bashkir language is included in the Kipchak subgroup of Turkic languages according to the generally accepted modern classification of Turkic languages, even at present. It is noteworthy that the dictionary contains a map of the settlement of the Turkic peoples, which is also accompanied by a text description in question. According to M. Kashgari, the Bashkirs lived West of the Irtysh River.
Thus, the sources considered allow us to say that the Bashkirs lived in the territory between the Volga and the Irtysh, including the Southern Urals, before the period of conquests of Genghis Khan.
Keywords: History of the Turkic peoples; ethnogenesis of the Bashkirs; Ural-Volga region; Ibn Fadlan; Mahmud Kashgari; Karayakup culture; Islam

For citation: Salikhov A. Information about the Bashkirs before the Mongol conquest. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, c.42-52. https://doi.org/10.65076/3105 -0042.2025.1. 42.52

Моңғол жаулауына дейінгі башқұрттар туралы мәліметтер

А. Салихов
Ресей ғылым академиясының Уфа федераль ғылыми орталығының
Тарих, тіл және әдебиет институты, Уфа, Ресей

Аңдатпа. Халықтардың этногенезінің тарихы зерттеушілер арасында үнемі үлкен қызығушылық тудырады. Этнос туралы алғашқы жазбаша анықтамалар, олардың тұрмыс-тіршілігіне қатысты мәліметтер, қоныстанған жерлерін сипаттау сол халықтың қалыптасу кезеңдерін ашуға және этникалық тарихтың толық сипатын тануға көмектеседі. Башқұрт халқының шығу тарихына әлемге әйгілі бірқатар ғалымдар ерекше назар аударған. Бұл мәселе башқұрттардың тарихы мен этногенезінің негізгі зерттеушілері Р.Г. Күзеева, Н.А. Мажитова, С.И. Руденко, А-З. Тоған еңбектерінде жан-жақты қарастырылған. Жоғарыда аталған ғалымдар ортағасырлық авторлардың еңбектерінде, басқа да белгілі жазба деректерде, археологиялық зерттеу материалдарында қамтылған мәліметтерге сүйене отырып, этникалық топтың дамуының әртүрлі маңызды кезеңдерін зерттеді. Олар ежелгі башқұрт руларының қоныстану географиясын зерттеу үшін кең көлемде қытай, араб, парсы және т.б. дереккөздерін қолданды.
Бұл мақалада салыстырмалы тарихи әдісті пайдалана отырып, башқұрттардың қоныстанған жерлері туралы белгілі ғалымдардың негізгі пікірлеріне талдау жасалған. Мақалада негізгі дереккөздер ретінде ғылыми жұртшылыққа кеңінен танымал араб саяхатшысы Ибн Фадланның (10 ғ.) еңбегі мен Махмұд Қашқаридің (11 ғ.) «Түркі тілдерінің сөздігі» алынған. Ибн Фадланның саяхат күнделігінде башқұрттардың тілі, әдет-ғұрпы, қоныстанған жері туралы ең ерте, егжей-тегжейлі мәліметтер бар. Араб саяхатшысының суреттемелері 10-ыншы ғасырдың басында түркі этностарының бірі башқұрттардың көпшілігінің дәстүрлі наным-сенімдерді ұстанғанын көрсетеді. Дегенмен, оның айтуынша, олардың делегациясымен бірге келген жолсеріктердің бірі мұсылман дініндегі башқұрт болған. Ибн Фадланның жазбаларында әртүрлі этникалық топтардың мекендеу шекарасын белгілеуге мүмкіндік беретін гидронимдер анық жазылған. Айта кету керек, ол сипаттаған башқұрт жерлерін әлі күнге дейін башқұрттар мекендейді және олар сол кездегі гидронимдерді сақтап қалған. Ибн Фадлан еңбегінде башқұрт руларының батыс шекаралары анық көрсетілген.

Тағы бір маңызды жазба дереккөз – ең ірі түркі тайпаларының тілдері туралы нақты мәліметтерді қамтитын Махмұд Қашқаридің «Түркі тілдерінің сөздігі». Онда қыпшақ тіліне ең жақын тіл ретінде башқұрт тілінің сипаттамасы берілген. Қабылданған қазіргі түркі тілдерінің классификациясы бойынша, қазіргі кезде де башқұрт тілі түркі тілдерінің қыпшақ тобына кіреді. Маңызды лексикографиялық зерттеу болып табылатын қарастырылып отырған сөздікте түркі халықтарының таралу картасы бар, оған мәтіндік сипаттама да беріледі. М. Қашқаридың көрсетуінше, башқұрттар Ертіс өзенінің батысында өмір сүрген.
Сонымен, зерттеліп отырған дереккөздер башқұрттар Шыңғысханның жаулап алу кезеңіне дейін Еділ мен Ертіс аралығындағы аумақта, соның ішінде Оңтүстік Оралда өмір сүргенін айтуға мүмкіндік береді.
Түйін сөздер: Түркі халықтарының тарихы; башқұрттардың этногенезі; Орал-Еділ регионы; Ибн Фадлан; Махмұд Қашғари; Қараякуп мәдениеті; Ислам

Введение

История происхождения и формирования народов является одной из актуальных проблем исторической науки, которая часто затрагивается в трудах историков и этнологов. Ранние этапы появления на исторической арене башкир зафиксированы в трудах многих восточных средневековых авторов. Данные материалы неоднократно использовались в качестве основных источников при проведении монографических исследований по истории Башкортостана и башкирского народа. Для выявления новых различных письменных документов историки продолжают вести поисковые работы в архивах и библиотеках. Некоторые из ранее выявленных материалов в свете достигнутых на современном этапе научных изысканий подвергают сравнительно-историческому и междисциплинарному анализу.

Целью данной статьи является установление географии расселения башкирского народа до начала завоеваний Чингис-хана. Для раскрытия данной проблемы были поставлены следующие задачи: во-первых, изучить взгляды ведущих ученых о ранних этапах истории башкир; во-вторых, сделать анализ основных письменных источников X-XI вв., описывающих башкир, их обычаи и места проживания.

Материалы и методы

Основными материалами для данной статьи стали труды ведущих исследователей истории башкирского народа, а также опубликованные источники – переводы рукописей средневековых восточных ученых, таких как Ибн Фадлан (X в.) и Махмуд Кашгари (XI в.). Для проведения исследования использован сравнительно-исторический метод.

Литературный обзор

Историю башкирского народа изучали многие известные российские и зарубежные ученые, в том числе Р. Кузеев, Н. Мажитов, А.-З. Валиди Тоган, С. Руденко и другие

(История Башкортостана 1996; Кузеев 1974; Мажитов 2023; Мажитов, Султанова 1994; Руденко 2006; Тоган 2005). В данной статье на основе указанных исследований и ряда источников изучается вопрос расселения башкир до нашествия Чингис-хана.

Результаты

Один из ведущих востоковедов XX столетия А.-З. Валиди, изучив труды древних и средневековых авторов, допускал возможность проживания в I в. н.э. предков башкирских племен гайна, табын, бурач, сувын на нынешних землях и прилегающих территориях. Он пишет, что на основе сравнения названий родов из географии Птолемея в форме пагарите, гуйини, тавини, воруски, соновини с названиями башкир и его родов гайна, табын, бурач и сувын, можно утверждать, что они с начала христианского летосчисления живут на современной территории расселения. Опираясь на путевые заметки Ибн Фадлана (922 г.), ученый пишет, что жившие на Уральских горах башкиры соседствовали на юге по Могаджарским горам с огузами, по Яику – с печенегами, на западе по рекам Сок и Черемшан – с булгарами. По его мнению, народная этимология о происхождении названия народа «башкурт» (курт+баш) имеет очень древнее происхождение (Тоган 2005: 17–23).

Однако археологи Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, в целом соглашаясь со многими выводами А.В. Тогана по истории башкир, считали, что племена, отмеченные на карте Птолемея и имеющие близкие к башкирским родам названия, расположены далеко от Урала (Мажитов, Султанова 1994: 122).

Известный этнограф Р.Г. Кузеев считал, что местом первоначального района расселения древних башкир в Приуралье была территория Бугульмино-Белебеевской возвышенности от левобережья р. Белой на севере и востоке до левых притоков Волги на западе с прилегающими с юга степями по рекам Самара, Иргиз, Камелик и Каралык (Кузеев 1974: 151).

Подобного мнения придерживались авторы коллективной монографии «История Башкортостана с древнейших времен до 60 гг. XIX в.», которые писали, что «наиболее вероятной территорией расселения башкир должны быть степь и лесостепь Заволжья и Южного Приуралья между Волгой, Самарой, Уралом, южными отрогами Уральских гор, а также Бугульминско-Белебеевская возвышенность». Данные сведения, по их словам, согласуются с данными арабских авторов X в. Истахри, Ибн Хаукаля (История Башкортостана 1996: 94).

Н.А. Мажитов, опираясь на результаты анализа сочинений Ибн Фадлана (X в.) и карты Идриси (XII в.), также поддерживает аналогичную точку зрения. Он проводит сравнительный анализ с данными археологических исследований и приходит к выводу, что территория Древней Башкирии охватывала и лесостепные районы Южного Зауралья, в которых имеются памятники караякуповской (кушнаренковской) культуры IX–X вв., являющиеся предметами культуры ранних башкир. По данным ученого, указанная культура полностью вписывается в границы Исторической Башкирии того времени, в пределах которой невозможно увидеть кого-либо, кроме башкир (История Башкортостана 1996: 93; Мажитов, Султанова 1994: 145).

Н. Мажитов и А. Султанова, анализируя материалы бахмутинской, турбаслинской и кушнаренковской культур VI-VIII вв. в бассейне рек Белой и Средней Камы, делают вывод о приходе и образовании нового, смешанного в культурном и этническом отношении населения, имевшем важное значение в формировании этноса и культуры башкирского народа IX–X вв. (Мажитов, Султанова 1994).

Еще в 1977 г. в своей монографии Н.А. Мажитов утверждал, что кушнаренковским и караякуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса на Южном Урале. По его мнению, развитие населения этих культур привело к сложению качественно новой культуры, которая примыкает к башкирской культуре XIX – начала XX в. В числе примеров указаны совпадение орнаментальных комплексов башкир и керамики кушнаренковской и караякуповской культур, совпадение башкирских родовых тамг с тамгами на кушнаренковских сосудах (Мажитов 2023: 183).

История географического изучения Башкортостана и прилегающих территорий с древнейших времен до начала XX столетия рассмотрена в книги А. Псянчина «Башкортостан на старых картах. История географического изучения и картографирования» (Уфа, 2001). В ней приведена классификация картографических источников, в которой интересующий нас период назван как арабо-персидский этап (X-XIII вв.). По его мнению, достоверные сведения содержатся в трудах Ибн Руста («Книга драгоценных камней»), Ибн Фадлана («Путевые заметки»). В данной книге также кратко рассматриваются сочинения Махмуда Кашгари (1074) и Идриси (ок. 1099-1162 или 1165) (Псянчин 2001: 13–17).

В 2023 г. в Уфе коллективом авторов под руководством Ю.М. Юсупова и Р.Р. Асылгужина был подготовлен «Атлас народов Башкортостана. Историко-краеведческое издание», в котором были собраны известные карты указанного региона, даны их описания, выдержки из исторических сочинений. В работе использованы многие важные исторические источники, в частности приведена карта Идриси (XII в.), на которой обозначено место проживания башкир (Юсупов, Асылгужин 2023: 11–12).

Многие исследователи средневековой истории народов Евразии часто обращаются к данным путевых записей Ибн Фадлана, самая известная копия которой хранится в библиотеке Равза г. Мешхед Ирана. Одним из известных научных переводов на русский язык является книга А. Ковалевского «Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.» (Харьков, 1956).

Башкиры неоднократно упоминаются в сочинении Ибн Фадлана. Так, первое упоминание содержится в пояснении названия книги: «Это – Книга Ахмеда ибн Фадлана Ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн Сулеймана, Хашимида, посла ал-Муктадира к царю сакалиба, в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, русов, сакалиба, башкир и других [народов] по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положениях (Ковалевский 1956: 121, 345).

Рассказывая о пройденном пути, Ибн Фадлан описывает территорию проживания башкир. Так, при переправе через реку Йаганды (Чаган), вытекающую у подножия Мугоджарских гор, делегация ал-Муктадира, опасаясь нападения башкир, в целях

защиты в начале переправила вооруженный авангард. Это наиболее южные окраины мест, где они ожидали встречу с башкирами. Позже они переправились через Джам (Эмба), Джахыш (Сагыз), Узил (Уил), Анхата (Анкаты), Вабна (Малая Анкаты). Эти реки для членов делегации были очень большими реками. После этого они встретились с печенегами, которые, по мнению ибн Фадлана, были беднее гузов. Потом они достигли реки Джайх (Яик, ныне Урал), которая на самом деле намного больше ранее упомянутых рек. После, переправившись через реки Джаха (Чеган), Ирхиз (Иргиз), Бачаг (Мача) Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кюнджюлю (Кондурча), прибыли в страну башкир (Ковалевский 1956: 130).

Описывая башкир, Ибн Фадлан сообщает, что их уже сопровождал один из башкир, принявший Ислам и служивший им (Ковалевский 1956: 130).

В его путевых заметках достаточно подробно описываются мировоззрение и быт башкир, в которых легко можно увидеть наличие тюркского верования. Например, башкиры поклонялись двенадцати господам: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый больший из них» (Ковалевский 1956: 131). Подобные верования до сих пор можно встретить среди немусульманских тюркских народов Сибири.

Пройдя башкирские земли, делегация ал-Муктадира переправилась через Джеремсан (Большой Черемшан), Уран (Урень), Урам (Урем), Байнах (Майна), Ватыг (Утка/Удга), Нийасна (Неясловка), Джавхыз (Гаушерма) и прибыла на землю сакалиба (Ковалевский 1956: 131).

Как видно, Ибн Фадлан подробно зафиксировал путь, пройденный делегацией. Отрадно отметить, что названия рек легко идентифицируются с современными названиями рек Урало-Поволжья. На указанных территориях и ныне проживает башкирское население.

Другим трудом, в котором подробно рассматривается расселение тюрков, является сочинение известного тюркского лингвиста XI в. Махмуда Кашгари «Диван-и лугат ат-тюрк». В данном исследовании перечислены крупные тюркские племена. По словам автора, в ней перечислены «главные племена», небольшие роды приведены только у туркмен-огузов. В словаре даны названия родов, тамг, являющихся знаком собственности. Кроме этого, М. Кашгари дал подробные сведения о территориях проживания всех языческих и мусульманских тюркских племен и отметил их на круглой карте, составленной им самим (Кашгари 2010: 74–75). В XI в. восточнее Рума жили печенеги, затем – кипчаки, затем – огузы, затем – емеки, затем – башкиры, затем – басмылы, затем – кайы, затем – ябаку, затем – татары, затем – кыргызы, и эти последние – вблизи Чина (Кашгари 2010: 73).

Махмут Кашгари отдельно отметил племена, живущие на территориях с севера на юг. Он пишет, что «затем следуют чигили, затем – тухси, затем – ягма, затем – ограки, затем – чаруки, затем – чомулы, затем – уйгуры, затем тангуты, затем – кытаи, они и есть Чин, затем тавгачи, – они и есть Мачин (Кашгари 2010: 73).

С еще большей подробностью в «Диван-и люгат ат-тюрк» М. Кашгари описаны языки тюркских народов того времени. Автор ясно говорит, что самый правильный язык у тех, кто знает только один язык, не смешивался с персами и не привык жить в городах. Он

отмечает, что согдийцы, кенчеки, аргу имеют два языка, они смешивались с жителями городов и имеют мягкое произношение (Кашгари 2010: 73, 76).

М. Кашгари выделил хотанцев, тибетцев и некоторых из тангутов, которые являлись переселенцами в тюркские страны (Кашгари 2010: 76).

Каждое из таких племен, как чомулы, каи, ябаку, татары и басмылы, имеет особое наречие и вместе с тем хорошо владеет и тюркским языком (Кашгари 2010: 76).

По данным «Диван-и люгат ат-тюрк», кыргызы, кипчаки, огузы, тухси, ягма, чигили, ограки, чаруки говорят на чистом и единственном тюркском языке, к которым близки языки емеков и башкир. Язык булгар, сувар, печенегов является тюркским с одинаково усеченными концами слов (Кашгари 2010: 76).

Большой интерес представляет такая классификация тюркских языков: самым легким является огузский, самым правильным – язык ягма, тухси и жителей от долин Или, Иртыша, Оби, Волги до страны уйгуров, самым красноречивым – жителей хаканийских владений и их соседей.

Обсуждение

В данной статье достаточно широко использованы труды известных этнографов и историков, всесторонне изучавших проблемы ранней истории башкирского народа, а также немногочисленные письменные памятники о расселении башкирских родов до начала монгольских завоеваний. Основными документальными сведениями, к которым обращались исследователи, являются труды восточных авторов, среди которых наиболее подробным и часто используемым источником является дневник путешествий Ибн Фадлана (X в.). Некоторые ученые, например, археологи Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова, в качестве дополнительного материала по рассматриваемой теме обращаются к результатам археологических исследований. В данной работе, соглашаясь со многими положениями своих предшественников, с целью определенного расширения источниковой базы исследования нами привлечены данные «Словаря тюркских языков» Махмуда Кашгари. На основе сочинений Ибн Фадлана и Махмуда Кашгари, содержащих более конкретные сведения о расселении многих тюркских этносов, делается вывод о том, что до начала эпохи завоеваний Чингис-хана башкиры проживали на большой территории от Волги до Иртыша, включавшей и Южный Урал. Для установления более конкретных границ расселения башкирских родов требуются дополнительные исследования, в том числе с привлечением результатов археологических исследований. Например, с привлечением данных о чияликской культуре, существовавшей на Южном Урале с конца IX (самого начала X в.) и до начала XV века (Гарустович 2015: 181–198).

Заключение

Таким образом, можно сказать, что в течение XX столетия проблема этногенеза и расселения башкир вызывала большой интерес ученых, которые в своих монографических исследованиях привлекали широкий круг письменных и археологических источников.

Вопрос территории проживания башкир затрагивается во всех крупных трудах ведущих историков и этнографов (Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, С.И. Руденко, А.-З.В. Тоган и др.). В данной статье для рассмотрения этого вопроса в качестве опубликованных источников были привлечены труды указанных авторов, а также сочинения известных средневековых авторов Ибн Фадлана (X в.) и Махмуда Кашгари (XI в.). В трудах средневековых ученых наряду с другими тюркскими народами были достаточно ясно и подробно описаны и башкиры. Их сведения дают основание говорить о том, что башкиры до начала завоеваний Чингис-хана проживали на широкой территории между Волгой и Иртышом, включающей и Южный Урал.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Авторы благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Список литературы

Атлас народов Башкортостана. Историко-картографическое издание. Р. Асылгужин, Ю. Юсупов, А. Бердин, Г. Камалова, Л. Самситова, Е. Данилко, М. Пилипак, Т. Аюпов, М. Мурзабулатов. Уфа: Самрау. 2023. 149 с.

Гарустович Г.Н. *Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале*. Уфимский археологический вестник. 2015. Вып.15, с.181–198.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа: Китап, 1996. 520 с.

Кашгари Махмуд. *Диван лугат ат-турк* (Свод тюркских слов): в 3 т. Пер. с араб. А.Р. Рустамова; под ред. И. Кормушина; прим. И. Кормушина, Е. Поцелуевского, А. Рустамов; Ин-т востоковедения РАН; Ин-т языкознания РАН. Москва: Восточная литература. 2010. Т.1. 461 с.

Ковалевский А. *Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Статьи, переводы, комментарии. Харьков: Издательство Харьковского Ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета им. А.М. Горького. 1956. 348 с.

Кузеев Р.Г. *Происхождение башкирского народа.* Этнический состав и история расселения. Москва: Наука. 1974. 571 с.

Мажитов Н.А. *Южный Урал в VIII-XIV вв.* Отв. ред. А.К. Амброз. 2-е изд. Ред. И.И. Бахшиев. Уфа: Белая река. 2023. 240 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. *История Башкортостана с древнейших времен до XVI в*. Уфа: Китап. 1994. 360 с.

Псянчин А.В. *Башкортостан на старых картах: история географического изучения и картографирования.* Уфа: Гилем. 2001. 161 с.

Руденко С.И. *Башкиры: Историко-этнографические очерки.* Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Тоган А.В. *Башҡорттар тарихы (автор ҡулъяҙмаһынан тәржемә).* Тулыландырылған 2-се баҫмаһы. Өфө: Китап, 2005. 304 б.

References

Atlas narodov Bashkortostana. Istoriko-kartograficheskoe izdanie. R. Asylguzhin, Yu. Yusupov, A. Berdin, G. Kamalova, L. Samsitova, E. Danilko, M. Pilipak, T. Ayupov, M. Murzabulatov. Ufa: Samrau Publ. 2023. 149 p. (in Russian).

Garustovich G. *Chiyalikskaya arheologicheskaya kul'tura epohi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale*. Ufa archaeological bulletin. 2015. Is.15, pp. 181–198. (in Russian).

Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do 60-h gg. 19 v. Ufa: Kitap Publ.1996. 520 p. (in Russian).

Kashgari Mahmud. *Divan lugat at-turk* (Svod tiurkskikh slov): v 3 t. Per. s arab. A.R. Rustamova ed. I.V. Kormushin, approx. I.V. Kormushina, E.A. Potseluevsky, A.R. Rustamov; In-t vostokovedeniia RAN; In-t iazykoznaniia RAN. Moscow: Oriental Literature Publ. 2010. Vol.1. 461 p. (in Russian).

Kovalevskij A.P. *Kniga Ahmeda Ibn Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg.* Stat'i, perevody, kommentarii. Kharkov: Publishing House of the Kharkov Order of the Red Banner of Labor of the Gorky State University. 1956. 348 p. (in Russian).

Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda.* Etnicheskij sostav i istoriya rasseleniya. Moscow: Nauka Publ. 1974. 571 p. (in Russian).

Mazhitov N.A. *Yuzhnyj Ural v VIII–XIV vv.* Otv. red. A.K. Ambroz. 2-e izd. Red. I.I. Bakhshiev. Ufa: Belaya Reka Publ. 2023. 240 p. (in Russian).

Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do XVI v.* Ufa: Kitap Publ. 1994. 360 p. (in Russian).

Psyanchin A.V. *Bashkortostan na staryh kartah: istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya.* Ufa: Gilem Publ. 2001. 161 p. (in Russian).

Rudenko S.I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki.* Ufa: Kitap Publ. 2006. 376 p. (in Russian).

Togan A.V. *Başҡorttar tarihy* (avtor ҡuläşmahynan tärjemä). Tulylandyrylğan 2-se baçmahy. Ufa: Kitap Publ. 2005. 304 p. (in Bashkir).

Information about the authors

Akhat G. Salikhov – Leading Research, candidate of historical Scienses (PhD), Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Oktyabr Ave., 72, 450054, Ufa, Russian Federation. https://orcid.org/0000-0002-7994-4711, ahatsalihov@mail.ru

Автор туралы меліметтер

Ахат Ғөбәй улы Салихов – жетекші ғылыми қызметкер, тарих ғылымдарының кандидаты, Ресей Ғылым академиясының Уфа федераль ғылыми орталығының Тарих, тіл және әдебиет институты, Октябрь даңғылы, 71, 450054, Уфа, Ресей. https://orcid.org/0000-0002-7994-4711, ahatsalihov@mail.ru

Сведения об авторе

Ахат Губаевич Салихов – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, проспект Октября, 71, 450054, Уфа, Российская Федерация. https://orcid.org/0000-0002-7994-4711, ahatsalihov@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 13.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

WORLD HISTORY – ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.91

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.53.68

Тюркизмы и монголизмы в труде эмира Рукн ад-дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра»

С. Тулеубаева
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
samaltu@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка представить заимствованные слова в труде яркого представителя мамлюкской эпохи – эмира Рукн ад-Дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара (умер в 1325 г.) «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» («Сливки мыслей по летоисчислению хиджры»), важную историческую хронику XIV в. по раннемамлюкскому периоду. Ценность сочинения заключается в том, что автор сам является очевидцем многих событий. Занимая высокие посты в мамлюкском государстве, он владел складывающейся ситуацией на внутренней и внешней арене, имел прямой доступ к информации. Труд «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» впервые был издан Д. Ричардзом в полном объеме в оригинале на арабском языке в 1998 г. На данный момент он практически не переведен на другие языки мира. Осуществлен перевод отдельных его фрагментов на русский язык. Однако сочинение имеет широкое хождение среди мамлюковедов различных стран и служит одним из основных источников по мамлюкской эпохе. Как следует из названия, излагаемые сведения расположены в хронологическом порядке и основываются на мусульманском календаре – хиджре. Они включают известия о смерти известных личностей мусульманского мира, ключевые события, имевшие место в описываемый период в регионе Северной Африки, Ближнего Востока, а также кратко охватывают историю Хулагуидов, Золотой Орды и др. Помимо своей исторической значимости рассматриваемый труд представляет интерес и с точки зрения языка и стиля изложения. В ходе осуществления полного перевода издания Д. Ричардза на русский язык нами в арабском тексте были выявлены заимствования из различных языков. Они по большей части представляют собой персизмы, тюркизмы и монголизмы в силу предмета самого сочинения. Что касается персизмов, то они выступают органичной частью лексики арабского языка мамлюкской эпохи. Цель настоящего исследования – показать наличие тюркизмов в тексте «Зубды» и обосновать их применение. При этом, по нашим наблюдениям, здесь их количество представляется большим, по сравнению с другими источниками по истории мамлюков и мамлюкско-монгольским взаимодействиям (Абу-ль-Фида и др.). Полагаем, это обстоятельство, прежде всего, объясняется тюркским происхождением автора, который вкрапливает в текст повествования отдельные слова и термины без их перевода на арабский язык. И если некоторые из них понятны разноязычным читателям и исследователям в силу их осведомленности об исторических терминах в области мамлюковедения (как, например, санджак, хан, каган и др.), то смысл других в контексте предложения может понять лишь тюркоязычный человек (например,

©Тулеубаева С., 2025

«сұйық» – жидкость, «намазлық» – коврик для совершения молитвы и др.). С учетом данного факта представляется важным составить полный глоссарий подобных тюркизмов именно в сочинении Рукн ад-Дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра». Подобные попытки ранее предпринимались отдельными исследователями, в частности, из арабских стран. Но часто в силу невладения ими одного из современных тюркских языков, ими выявляются лишь основные термины, касающиеся мамлюкской эпохи. В то время как в тексте средневековых хроник можно обнаружить и обычные слова тюркского происхождения. Считаем, что поднимаемая проблематика носит ярко выраженный междисциплинарный характер и может стать предметом дискуссий среди историков, востоковедов–арабистов, языковедов, тюркологов и казаховедов. Поставленная в исследовании цель претворялась методом прямого обращения к оригиналу произведения на арабском языке и текстовой выборки тюркизмов и монголизмов, а также выявления контекста их употребления. Выявление тюркизмов в данном труде важно не только для характеристики его языка и стиля, но и определения места и влияния тюрков в исламской цивилизации на примере мамлюков.

Ключевые слова: мамлюки; монголы; татары; Египет; средневековье; раннебахритский период; историческая хроника; заимствования; монголизмы; тюркизмы

Для цитирования: Тулеубаева С. Тюркизмы и монголизмы в труде эмира Рукн ад-дина Байбарса аль-Мансури ад–Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра». *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Т.1, no.1, с.53-68. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.53.68

Turkisms and Mongolisms in the work of Emir Rukn ad–din Baybars al-Mansuri al-Dawadar "Zubdat al-fikra fi tarih al-hijra"

S. Tuleubayeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article attempts to present borrowed words in the work of a prominent representative of the Mamluk era – Emir Rukn al-Din Baybars al-Mansuri al-Dauadar (died 1325), "Zubdat al-fikra fi tarih al-hijra" ("Cream of thoughts on the reckoning of the hijra"), an important historical chronicle of the 14th century for the Early Mamluk period. The value of the composition lies in the fact that the author himself is an eyewitness to many events. Occupying high posts in the Mamluk state, he owned the emerging situation in the internal and external arenas and had direct access to information. The work "Zubdat al-fikra fi tarih al-hijra" was first published in full in the original in Arabic in 1998 by D. Richardz. At the moment, it has not been translated into other languages in the world. Some of its fragments were translated into Russian. However, the composition is widely used among Mamluk scholars of various countries and serves as one of the main sources for the Mamluk era. As the name suggests, the information presented is arranged in chronological order and is based on the Muslim calendar – hijra. They include news of the death of famous personalities of the Muslim world, key events that took place in the described period in the region of North Africa, the Middle East, and also briefly cover the history of the Hulaguids, the Golden Horde, etc. In addition to its historical significance, the work in question is also of interest in terms of language and presentation style. During the complete translation of D.

Richards' publication into Russian, we identified borrowings from various languages in the Arabic text. They are for the most part Persians, Turkisms and Mongolisms by the subject matter of the composition itself. As for the Persians, they act as an organic part of the vocabulary of the Arabic language of the Mamluk era. The purpose of this study is to show the presence of Turkisms in the text of "Teeth" and to justify their use. At the same time, according to our observations, here their number seems to be large, in comparison with other sources on the history of the Mamluks and the Mamluk–Mongol interactions (Abul–Fida, etc.). We believe that this circumstance is primarily explained by the Turkic origin of the author, who intersperses individual words and terms into the text of the story without translating them into Arabic. And if some of them are understandable to multilingual readers and researchers due to their awareness of historical terms in the field of mamluk studies (such as, for example, sanjak, khan, kagan, etc.), then the meaning of others in the context of the sentence can only be understood by a Turkic–speaking person (for example, "syyyk" – liquid, "spread" – a rug for prayer, etc.). Given this fact, it seems important to compile a complete glossary of such Turkisms in the work of Rukn al–Din Baibars al–Mansuri al-Dawadar, "Zubdat al–Fikra fi Tarih al–hijra." Similar attempts have previously been made by individual researchers, in particular from Arab countries. But often, due to their lack of possession of one of the modern Turkic languages, they reveal only the basic terms relating to the Mamluk era. While in the text of medieval chronicles, you can find ordinary words of Turkic origin. We believe that the raised issues are of a pronounced interdisciplinary nature and can become the subject of discussion among historians, orientalists–Arabists, linguists, Turkologists, and Kazakh scholars. The goal set in the study was implemented by directly referring to the original work in Arabic and a text sample of Turkisms and Mongolisms, as well as identifying the context of their use. The identification of Turkisms in this work is important not only for characterizing its language and style, but also for determining the place and influence of the Turks in Islamic civilization using the example of the Mamluks.
Keywords: Mamluks; Mongols; Tatars; Egypt; the Middle Ages; Early Bachrian period; historical chronicle; borrowing; Mongolisms; Turkisms

For citation: Tuleubayeva S. Turkisms and Mongolisms in the work of Emir Rukn ad-din Baybars al-Mansuri al-Dawadar "Zubdat al–fikra fi tarih al–hijra". *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, pp.53-68. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.53.68

Әмір Рукн ад-дин Байбарс әл-Мансури ад-Дауадардың «Зубдат әл-фикра фи тарих әл-Һиджра» еңбегіндегі түркизмдер мен моңғолизмдер

С. Төлеубаева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада мәмлүк дәуірінің жарқын өкілі – әмір Рукн ад-Дин Байбарс әл-Мансури ад-Дауадардың (1325 жылы қайтыс болған) XIV ғасырдағы маңызды тарихи хроника болып саналатын «Зубдат әл-фикра фи тарих әл-хиджра» («Хиджраның жылнамасы бойынша ойлардың кілегейі») еңбегіндегі кірме сөздерді ұсынуға әрекет жасалады. Шығарманың құндылығы автордың өзі көптеген оқиғалардың куәгері болуында. Мәмлүк мемлекетінде жоғары қызмет атқара отырып, ол ішкі және сыртқы аренада қалыптасқан жағдай бойынша хабардар болып, ақпаратқа тікелей

қол жеткізе алды. «Зубдат әл-фикра фи тарих әл-хиджра» еңбегі алғаш рет 1998 жылы араб тілінде толық көлемде жарық көрді. Оны жарыққа шығарған Д. Ричардз болды. Қазіргі уақытта ол іс жүзінде әлемнің басқа тілдеріне аударылмаған. Оның жекелеген үзінділерін орыс тіліне аудару жүзеге асырылды. Алайда, шығарма әр түрлі елдердің мәмлүктанушылары арасында кеңінен таралған және мамлюк дәуірі бойынша негізгі дереккөздердің бірі болып табылады. Атауы бойынша баяндалатын мәліметтер хронологиялық тәртіппен орналастырылған және мұсылман күнтізбесі – хиджраға негізделеді. Олар мұсылман әлемінің белгілі тұлғаларының өлімі туралы хабарды, Солтүстік Африка, Таяу Шығыс өңірінде сипатталған кезеңде орын алған негізгі оқиғаларды қамтиды, сондай-ақ қысқаша түрде Хулагуидтер, Алтын Орда және т.б. тарихты қамтиды. Өзінің тарихи маңыздылығынан басқа, қаралып отырған еңбек тіл және баяндау стилі тұрғысынан да қызығушылық тудырады. Д. Ричардздың басылымын орыс тіліне толық аудару барысында біз араб тіліндегі мәтінде әртүрлі тілдерден алынған кірме сөздерін анықтадық. Олар көбінесе шығарманың тақырыбына байланысты персизмдерді, түркизмдерді және моңғолизмдерді қамтиді. Персизмдерге келетін болсақ, олар мәмлүк дәуіріндегі араб тілі лексикасының органикалық бөлігі болып табылады. Осы зерттеудің мақсаты – «Зубда» мәтінінде түркизмдердің бар екенін көрсету және олардың қолданылуын негіздеу. Біздің байқауымызша, олардың саны мәмлүктер тарихы мен мәмлүк-моңғол өзара іс-қимылы бойынша басқа да дереккөздермен (Абу-л-Фида және т.б.) салыстырғанда көп болып көрінеді. Бұл жағдай, ең алдымен, автордың араб тіліне аударылмаған жекелеген сөздер мен терминдерді баяндау мәтініне қосатыны оның түркі тегімен түсіндіріледі деп ойлаймыз. Егер олардың кейбіреулері мәмлүктану саласындағы тарихи терминдерді (мысалы, санджак, хан, қаған және т.б.) білетіндіктен әртүрлі тілді оқырмандар мен зерттеушілерге түсінікті болса, онда басқаларының мағынасын тек түркітілдес адам ғана түсінеді (мысалы, «сұйық» – сұйық, «намазлық» – намаз жасауға арналған кілем және т.б.). Осы фактіні ескере отырып, Рукн ад-Дин Байбарс әл-Мансури ад-Дауадардың «Зубдат әл-фикра фи тарих әл-хиджра» шығармасында түркизмдердің толық глоссарийін құру маңызды болып табылады. Мұндай әрекеттерді бұрын жекелеген зерттеушілер, атап айтқанда, араб елдерінің өкілдері жасаған еді. Бірақ олардың қазіргі түркі тілдерінің бірін білмеуінен олар мәмлүк дәуіріне қатысты негізгі терминдерді ғана анықтайды. Ал ортағасырлық хроникалар мәтінінде түркі текті қарапайым сөздерді де табуға болады. Қарастырылып отырған мәселе пәнаралық сипатқа ие және тарихшылар, шығыстанушы-арабтанушылар, тілшілер, түркітанушы мен қазақ филологтары арасында пікірталас тақырыбына айналуы мүмкін деп есептейміз. Зерттеуде қойылған мақсат туындының араб тіліндегі түпнұсқасына тікелей жүгіну және түркизмдер мен моңғолизмдердің мәтіндік іріктемесі, сондай–ақ олардың қолданылу контекстін анықтау әдістері арқылы жүзеге асырылады. Бұл еңбектегі түркизмдерді анықтау тек оның тілі мен стилін сипаттау үшін ғана емес, сонымен қатар мәмлүктер мысалында түркілердің ислам өркениетіндегі орны мен ықпалын айқындау үшін де маңызды.

Түйін сөздер: мәмлүктер; моңғолдар; татарлар; Египет; орта ғасыр; ерте бахриттік кезең; тарихи хроника; кірме сөздер; моңғолизмдер; түркизмдер

Введение

Эпоха правления мамлюков в Египте и на Ближнем Востоке продолжает привлекать к себе внимание представителей академических кругов различных стран в силу своей

временной протяженности и сопричастности к истории многих народов. Тем более, если учесть то обстоятельство, что мамлюки в период своего правления играли решающую роль в ключевых событиях в мировом и региональном масштабе (отпор монгольским войскам, борьба с крестоносцами). Мамлюки определили последующий ход развития как мусульманского, так и отчасти христианского мира.

К мамлюкской теме обращаются в самых различных аспектах (политический, военный, дипломатический, социально–экономический, культурный и др.). При этом исследователи опираются на первичные и вторичные источники. Первые, несомненно, представляют особую важность. Среди них – труд яркого представителя мамлюкской эпохи эмира Рукн ад-Дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара (умер в 1325 г.) «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» («Сливки мыслей по летоисчислению хиджры»), важная историческая хроника XIV в. по раннемамлюкскому периоду. Ценность сочинения заключается в том, что сам автор является очевидцем многих описываемых событий. Занимая высокие посты в мамлюкском государстве, он владел складывающейся ситуацией на внутренней и внешней арене, имел прямой доступ к информации. В этой связи видится необходимым подробнее остановиться на его личности с опорой, прежде всего, на материалы, имеющиеся на арабском языке и основывающиеся на сведениях известных арабских историков Абу аль-Фида (1273-1331), аль-Макризи (1364-1442), Ибн Тугри (1410-1470), Ибн Иййаса (1448-1523), а также современных исследователей.

Полное имя автора – Рукн ад-Дин Байбарс аль-Мансури ан-Насыри альХата'и ад-Дауадар аль-Мисри (ركن الدين المنصوري الناصري الخطائي الدوادار المصري). Родился около 645 г. по хиджре (1247 г. по григорианскому летоисчислению). Еще ребенком в 659 г. по хиджре (1261 г. по григорианскому летоисчислению) он попал в Египет вместе с евнухом Муджахид ад-Дином Каймазом аль-Маусыли, который был слугой у правителя Мосула Бадр ад-Дина Лю'лю'. Там его определили к мамлюкам эмира Каляуна аль-Альфи, и он жил в каирском районе аль-Бундуканиййин. Он посещал медресе, где учил Коран и знакомился с оновами религии. Когда его устаз Каляун направился в Шам в том же году в сопровождении аббасидского халифа, которого султан аз–Захир Байбарс возвеличил в Каире, после того как Багдад был захвачен монголами, он попал под опеку жены Каляуна, госпожи Каткатыя (матери аль-Ашрафа Халиля), в группу маленьких детей. В 666 г. по хиджре (1272 г. по григорианскому летоисчислению), в бытность правления султана аз-Захира Байбарса он участвует во взятии Антакии. В том же году по приказу Каляуна аль-Альфи он возвышается от мамлюка, получающего жалование ***(аль-джамикия),*** до мамлюка, наделенного ***икта':*** Спустя два года он участвует при завоевании столицы Малой Армении Сис. Позже он был назначен ответственным за ***«шарабхану»*** (винную трапезу) во дворце эмира Зейн ад-Дина Кетбуги. Также принимал участие во второй битве при Хомсе (680 г./1281 г.), где был держателем султанской казны при султане аль-Мансуре Каляуне.

В 681 г./1283 г. он был удостоен чина эмира, а через год поднялся до ***«эмира табльханы»*** (эмир второй степени, у ворот которого бьют в барабаны и дуют в трубы). Султан Каляун передал ему надел эмира 'Изз ад-Дина Айбека аль-Афрама, который возвысился до чина эмира сотников. В 685 г./1286 г. он был направлен в аль-Карак,

чтобы доставить сыновей покойного султана аз-Захира Байбарса аль-‘Адиля Бадр ад-Дина Сулямиша и Наджм ад-Дина Хадра в Каир. Затем он был назначен заместителем султана в аль-Караке.

После смерти султана Каляуна, который освободил Триполи, его сын султан аль-Ашраф Халиль решил продолжить борьбу своего отца против укреплений крестоносцев в землях Шама и направил весть своим наместникам там о том, чтобы они готовились к бою по взятию Акки. Аль-Мансури также присоединился к этому походу во главе караковского войска и встретился с султаном в Газе. В битве он проявил храбрость, а также стратегические навыки и маневренность при захвате стены Акки, что позволило мусульманам проникнуть в город. После взятия Акки аль-Мансури попросил султана освободить его от наместничества в аль-Караке и позволить ему присоединиться к его дружине, на что получил разрешение. В 619 г./1291 г. он уже принимает участие в составе эмиров этой дружины во взятии румейской крепости.

Во время правления султана ан-Насыра Мухаммада аль-Мансури становится эмиром высшей инстанции – эмиром первой степени (эмир сотников и один из предводителей тысячников). В его подчинении находились сто или тысяча всадников из числа эмиров ниже чином. В это же время он назначается смотрителем делопроизводства ***(назыр диуан ал-инша’).*** Полагаем, что такого авторитета он достиг благодаря своим достижениям на военном поприще, стратегическому видению и аналитическому складу ума. В указе о его назначении также упоминались его выдающиеся литературные способности как человека пера.

Так укреплялись позиции аль-Мансури на государственной службе, он привлекался к принятию важных политических решений. Не случайно, что ему было доверено стать мамлюкским историком и вести хронику происходящих событий внутри государства, а также освещать то, что происходило в близлежащих странах. Как отмечалось выше, для этого имелась благодатная почва – правление мамлюков пришлось на весьма богатый историей период, когда вершились судьбы целых регионов и различных народов, когда шла борьба между религиями, цивилизациями, разворачивалось ожесточенное противостояние за гегемонию на Ближнем Востоке.

Аль-Мансури за свое относительно долгое пребывание во дворце мамлюков стал свидетелем многочисленных событий – низложения султана ан-Насыра и его изгнания в аль-Карак и возвышения на султанском троне аль-‘Адиля Кетбуги и Хусам ад-Дина Ляджина, гибели последнего и возвращения ан-Насыра и его повторного прихода к власти, падения Шама и Дамаска и их захвата монгольским правителем Газаном при битве «Уади аль-Хазандар» в сентябре 1299 г. Когда султан принимал участие в данном сражении, аль-Мансури замещал его в Каире. В 1302 г. он занимает должность эмира по вопросам хаджа ***(амир аль-хадж).*** Позже, в 1303 г., он принимал участие в битве Шукхуб, которая закончилась поражением монголов и их отступлением из Шама.

Аль-Мансури сыграл важную роль и в событиях 1309 г., когда султан ан-Насыр Мухаммад отправился в Хиджаз под предлогом совершения хаджа, а на самом деле прибыл в аль-Карак и оставался там какое-то время, чем воспользовался Байбарс аль-Джашангир и захватил трон. После возвращения ан-Насыра в Каир его власть была восстановлена,

а противник казнен. Именно аль-Мансури вел переговоры между ан-Насыром и аль-Джашангиром и уговаривал последнего вернуть власть законному правителю. Когда аль-Джашангир пытался убежать после этого с награбленным богатством из султанской казны, аль-Мансури нагнал его в Ахмиме и вернул захваченное султану ан-Насыру.

Позже аль-Мансури получает должность заместителя султана в Доме правосуди***я (Дар ал-‘адль)*** и смотрителя Больницы аль-Мансури ***(Бимаристан аль-Мансури).*** Имеются сведения, что он был смотрителем тюрем ***(назыр аль-ахбас).*** А в 1311 г. он занимает самый высокий пост в государстве после султана – должность заместителя султана ***(наиб ас-сальтана).*** Он пользуется любовью и большим почетом у правителя ан-Насыра, однако последний в августе 1312 г. приказывает схватить его вместе с другими эмирами по обвинению в причастности к эмиру Кара Сункару, который поднял бунт в Шаме, и заключает его под стражу в крепости аль-Джабаль. Затем он отправляет его в тюрьму в аль-Караке, где он проводит около пяти лет. После этого он был освобожден и возвращен во дворец в 1318 г. Аль-Мансури прожил довольно долгую жизнь и умер в 725 г. по хиджре (1325 г. по григорианскому летоисчислению), в возрасте около восьмидесяти лет.

Аль-Мансури также основал медресе ханафитского мазхаба, которое было известно под именем ***«ал-мадраса ад-дауадария»*** и находилось за воротами Зууайля (باب زويلة). Известный египетский мамлюкский историк черкесского происхождения Ибн Иййас (1448-1523) пишет, что «эмир Байбарс ад-Дауадар был успешным в своих действиях, прославился как благородный ученый, факих, грамматист, сочинял стихи, автор труда «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра», в котором он собрал много полезных сведений». Также он упоминает его известный бейт:

«Умный несчастлив в раю из-за своего ума,

А невежда в несчастье наслаждается…» (электронный ресурс Baybarsal–Mansuri, на ар.яз.).

Аль-Мансури принадлежит еще несколько трудов различного содержания:

– «ат-Тухфа аль-мамлюкийя фи ад-дауля ат-туркийя» («Мамлюкское сокровище в тюркском государстве»), который основывается на «Сливках мысли», но охватывает лишь бахритский период – 647-709 гг. по хиджре (по другим источникам 647-721 гг.). Его рукопись хранится в Вене,

– «Мухтар аль-ахбар» («Избранные сведения») – краткая история государства Аййубидов и мамлюкского государства до 702 г. по хиджре. На рукописи данного сочинения имеется приписка, которая гласит, что книга была собрана писцом при диуане аль-Мансури – коптским священником аш-Шамсом бен аль-Акбаром Хибатуллой (الشمس بن الأكبر هبة الله),

– «ал-Лата’иф фи ахбар аль-халя’иф» («Милые вещи по сведениям халифов») – произведение из нескольких частей,

– «Мауа‘из аль-абрар» («Проповеди благочестивых») – религиозное сочинение о суфизме, не имеющее отношения к истории (по другим сведениям, содержит толкование Корана).

Материалы и методы

Что касается труда Б. ад-Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих альхиджра», то он служит важным достоверным источником для историков последующих поколений, которые основываясь на нем, могли интерпретировать события прошлых лет и веков. Все они отмечают высокий слог автора, выдающиеся языковые способности, его мастерство историка в подаче материала. Ад-Дауадар был современником девяти султанов, лично принимал участие в многочисленных войнах и битвах, что позволяет рассматривать его как живого очевидца тех дней. По мнению крупнейшего мамлюкского историка Ибн Тугри, труд «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» считается лучшим источником по эпохе правления султана аз-Захира Байбарса.

«Сливки мысли» включают 11 частей и охватывают период с 650 по 709 гг. по хиджре. Автор писал свой труд до самой своей смерти. Исследователи отмечают, что он резко обрывается. Рукопись сочинения хранится в Британской библиотеке в Лондоне.

Труд «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» впервые был отредактирован известным востоковедом Д.С. Ричардзом и издан Ассоциацией немецких востоковедов в полном объеме в оригинале на арабском языке в 1998 г. (الأمير ركن الدين بيبرس المنصوري الدوادار 1998, на ар.яз.). На данный момент он практически не переведен на другие языки мира. Осуществлен перевод отдельных его фрагментов на русский язык. Так, в конце XIX в. вышел перевод его последних частей, осуществленный В.Г. Тизенгаузеном (Рукн эд-Дин Бейбарс аль-Мансури аль-Масри 1884). В сети Интернет можно обнаружить и другие анонимные переводы, возможно, осуществленные посредством различных электронных служб перевода, но все они носят незавершенный характер. Несмотря на данное обстоятельство, сочинение имеет широкое хождение среди мамлюковедов различных стран и служит одним из основных источников по мамлюкской эпохе. Как следует из названия, излагаемые сведения расположены в хронологическом порядке и основываются на мусульманском календаре – хиджре. Они включают известия о смерти известных личностей мусульманского мира, ключевые события, имевшие место в описываемый период в регионе Северной Африки, Ближнего Востока, а также кратко охватывают историю Хулагуидов, Золотой Орды и др.

В данной работе на основе обращения к оригиналу произведения на арабском языке использовались методы текстологического анализа, выборки отдельных слов и терминов.

Литературный обзор

К «Сливкам мысли» в своих исследованиях обращаются все современные мамлюковеды, среди них, в частности, видный израильский ученый Р. Амитай (Amitai 2008). Сегодня источник введен в научный оборот и на постсоветском пространстве. Его упоминание мы находим в трудах российских (Порсин 2018), казахстанских (Саки 2020), украинских (Пилипчук), беларусских (Филиппов 2021) авторов и др. А. Филиппов, давая оценку сочинения, отмечает: «Данный источник занимает особое место, так как

это единственная историческая хроника по раннебахритскому периоду, написанная представителем мамлюкской элиты, занимавшем высшие посты в государственном аппарате… хроника описывает значительный временной период… Вместе с тем описываемый в «Сливках мысли» хронологический период практически полностью соответствует времени жизни автора, что существенно снижает искажения, которые возникают в мамлюкских хрониках при переносе реалий времени автора на отдаленные от его жизни исторические события» (Филиппов 2021: 13-14).

Изучению и изданию рукописи рассматриваемого труда посвящена докторская диссертация египетского ученого З.М. Ата, представленная на защиту в 1972 г., на тему:

"مخطوط "زبدة الفكرة في تاريخ الهجرة" تأليف بيبرس الدوادار. تحقيق الجزء التاسع مع دراسة لخصائص الكتابة التاريخية في العصر المملوكي"

(«Рукопись «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» автора Байбарса ад-Дауадара. Издание девятой части с исследованием особенностей исторического письма в мамлюкскую эпоху»). На основании данного изыскания в 2019 г. была опубликована монография (Зубда 2019).

В 2016 г. в рамках издания 8-й части «Зубды», осуществленного известным ливанским ученым, д. Умаром Абдуссалямом ат-Тадмури на основе версий Ибн Фурата и аль-Йафи'и с Венской и Парижской рукописей и включающего события 501-538 и 621-649 гг. по хиджре, также представлены и важные сведения, касающиеся биографии автора и его труда (Зубда 2016).

Нам также удалось найти сведения о том, что труд «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» стал предметом изучения в рамках магистерской диссертации арабского исследователя Мухаммада Салима Бакра Ба Амера, который, помимо лондонского варианта, также опирался на рукопись, имеющуюся в библиотеке Каирского университета (саудовский электронный ресурс King Abdulaziz University). Работа была осуществлена под руководством д. Хасана Хабаши Мухаммада и защищена в Университете им. Короля Абдельазиза (Саудовская Аравия).

Что касается собственно исследований по поднимаемой в настоящей статье проблематике, то среди них важно выделить такие труды, как «Альянс между Менгу Тимуром и Абагой: проблема интерпретации источника и перевода персидских и тюркских терминов в арабских текстах (на примере «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I», составленного В.Г. Тизенгаузеном)» Д. Зайнуддинова (Зайнуддинов электронный ресурс), «Тюркский язык в официальном делопроизводстве Улуса Джучи в XIII столетии» Л.Ф. Абзалова (Абзалов электронный ресурс) и др.

Среди работ арабских авторов следует выделить исследование

А.А. Абдульхафиза «Словарь имен мамлюкских султанов и эмиров в Египте и Шаме» (Абдульхафиз), А.М. Абдуддаима «Цивилизационное влияние монголов на государство мамлюкских султанов» (Абдуддаим 1989) и М.А. Дахмана «Словарь исторических терминов мамлюкской эпохи» (Дахман 1990).

Результаты

Особого внимания заслуживает язык рассматриваемого сочинения. Это – средневековый арабский литературный язык с характерным для него витиеватым стилем, в частности, в описании церемониала, при восхвалениях правителей и др. При этом следует заметить, что использования некоторых слов и грамматических форм весьма отличаются от того, что мы обнаруживаем в современном арабском языке.

При работе с текстом нам также удалось обнаружить немало заимствований из различных языков – персидского, монгольского, китайского и тюркских, что связано с ходом исторических событий той эпохи и имевшими место контактами между народами и странами. Ниже приводим примеры лишь некоторых из них.

Таблица 1. Примеры тюрко-монгольских заимствований в «Зубдат аль-фикра»
Table 1. Examples of Turkic-Mongolian borrowings in Zubdat al-Fiqr

Заимствования	Арабский вариант	Перевод (комментарии)
Орда	الأردو	
Отақ	وطاق	палатка/шатер
Йазақ/жасақ	اليزك	отряд
Жарлық	يرليغ	ярлык
Таблхана	طبلخانة	дабыл қағу орны/ место, где бьют в барабаны
Атабек	الأتابك	
Хан/Қаған	كان/قان	Здесь мы наблюдаем наличие двух форм, одна из которых в написании противоречит законам арабского языка, где не допускается наличие двух букв «алиф» подряд (قان). Возможно, автор таким образом имел цель разграничить слова «хан» и «каган»
Ильхан	إلخان	
Құрылтай	قوريلتاي	
Сұйық	سونيق	
Байрақ	بيرق/بيدرق	
Тамға	طمغات	
Тұмар	طومار	
Санджак	سنجق (صنلجق)	санджак/знамя
Қарауыл	قراغول	Охрана
Намазлық	نمزلوق	коврик для намаза

Это – помимо многочисленных личных имен и названий родов, племен и др.:

• Қыпшақ (القبجاقي)

• Сегіз (سكز)
• Жандарбек (جندريك)
• Айбек (أيبك)

Данные имена и названия широко представлены в работе А.А. Абдульхафиза «Словарь имен мамлюкских султанов и эмиров в Египте и Шаме» (Абдульхафиз).

Среди заимствований из других восточных языков в труде «Зубда» также можно обнаружить китаизмы и персизмы.

Примеры китаизмов:

пайцза (بايزة) – в переводе с китайского означает «табличка/дощечка». Так называли пластину из дерева или металла с надписью, которую выдавали китайские, монгольские и золотоордынские правители разным лицам.

Примеры персизмов:

фирман (فرمان) – королевский мандат или указ, изданный сувереном в исламском государстве

зертхана (زردخانه)

хатун (الخاتون) – ??? (перс–согд/монг/тюрк) – происхождение данного слова вызывает много споров среди ученых.

Многие реалии мамлюкской эпохи, касающиеся быта и воинского дела, передаются словами персидского происхождения. Часть из них компактно собрана как в отдельных электронных ресурсах (قائمة_ألقاب_ومصطلحات_مملوكية), так и представлена в исследованиях мамлюковедов различных стран, как было рассмотрено выше. В т.ч., в «Словаре исторических терминов мамлюкской эпохи» М.А. Дахмана (Дахман 1990). Касательно персизмов важно заметить, что их количество в данном труде весьма значительное, и они уже составляют собственно основу лексики средневекового арабского языка мамлюкской эпохи, обозначающей различные понятия, и являются ее неотъемлемой частью. В свое время академик В.В. Бартольд так объяснял их происхождение в арабском языке в данный период: «В наиболее культурном из государств, на которые распалась Монгольская империя, в Персии делопроизводство монгольского периода считалось образцовым. В противоположность древности, когда мировые державы подвергались влиянию бюрократической организации и финансового делопроизводства Египта, теперь образцом для мусульманских стран служила Персия, в том числе и для Египта, где в этот период арабские названия должностей заменяются персидскими» (цитата по: Зайнуддинов электронный ресурс).

Обсуждение

Проведенно исследование вносит лепту в текстологическое изучение средневековых арабоязычных исторических источников по мамлюкской эпохе на предмет наличия

в них вкраплений из различных языков и усиливает проблему важности владения исследователями не только арабского, но и персидского и тюркского языков при чтении и разборе подобных трудов. Это ранее подчеркивал и татарский ученый Д.Р. Зайнуддинов, анализируя перевод сочинения Ибн Халдуна, сделанный В. Тизенгаузеном, когда говорил: «В связи с этим перед переводчиком подобных текстов стоит сложная задача. Ему необходимо фактически хорошо знать не только арабский язык и культуру, но также язык и культуру тюрков и персов. Незнание последних ведет к ошибкам или некомпетентности в переводе» (Зайнуддинов электронный ресурс). Мы разделяем и его мнение о том, что «в дальнейшем необходимо издавать словари мамлюкских терминов и для русскоязычных читателей», и, если смотреть шире, – важность их составления для исследователей, не владеющих арабским и персидским языками, на их родных языках.

В свою очередь, хотим заметить, что классическая исламская цивилизация всегда строится на трех основных элементах – арабском, персидском и тюркском, каждый из которых играл ключевую роль на том или ином этапе и в той или иной сфере. Арабский язык был языком Священного писания, языком завоевателей, затем превратился в язык государственного делопроизводства, науки и образования. Позже, когда персы стали выдвигаться на государственные должности (в т.ч., вторую позицию везиря в государстве) и играть большую роль в научной и переводческой деятельности, он обогатился различными терминами и понятиями из персидского языка, касающимися не только политической, социальной и экономической жизни государства, но и быта (например, названия многих камней в арабском языке персидского происхождения). Тюрки сначала выступили в исламской цивилизации в лице «людей пера» в интеллектуальной сфере (деятельность выдающихся ученых по различным сферам – выходцев из территории нынешней Центральной Азии, в т.ч., Абу Наср аль-Фараби и др.), а затем – в качестве «людей меча», когда были представлены в наемной гвардии халифов (гулямы, кулы, мамлюки). Тюркизмы в арабский язык стали проникать именно с укреплением их позиций в политической и военной сферах при мамлюках. Таким образом, классическая подготовка специалистов по исламской цивилизации требует знания трех языков – арабского, персидского и одного из тюркских.

На основе вышеизложенного можно заключить, что сочинение «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» эмира Рукн ад-Дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара представляет собой не только важный исторический источник по раннебахритскому периоду истории мамлюков и мамлюкско–монгольским связям, но и весьма интересен с точки зрения своего языка и представляет интерес для широких научных кругов, поскольку содержит немало заимствований, представленных персизмами, тюркизмами, монголизмами, китаизмами и др. Прямое вкрапление к текст тюркизмов без перевода на арабский язык и толкования является еще одним свидетельством этнической принадлежности автора (тюрок, говорящий на кыпчакской группе языков), что важно учитывать при работе с данным трудом. Порой нетюркоязычный читатель и исследователь может извлечь их смысл, исходя из контекста, иногда же может столкнуться с трудностями понимания. При этом, полагаем, что аль-Мансури привносит подобные тюркизмы как осознанно, так и неосознанно. Все это также подтверждает факт сохранения родного языка среди

мамлюков, который позже получает статус лингва франка, литературного языка, на нем осуществлялась официальная переписка. Это, по разным классификациям, – мамлюкско-кыпчакский, мамлюкско-египетский, или золотоордынско-египетский, он же в целом именуемый «тюркский» язык кыпчакской группы, к которому восходит и современный казахский язык.

Исследование также позволяет заметить, что современный казахский язык не подвергся значительным изменениям с точки зрения лексики на протяжении всей истории своего развития, и уже в XIII-XIV вв. получает то основное лексическое оформление, которое мы обнаруживаем в нем сегодня.

Заключение

В работе была предпринята попытка подчеркнуть важность критического пересмотра переводов средневековых арабоязычных исторических источников, осуществленных исследователями и учеными предыдущих поколений, которые, несомненно, проделали в свое время колоссальный труд и представили источниковедческую основу для лиц, не владеющих арабским языком.

На основании обращения к собственно историческому источнику «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра» на языке оригинала (арабском) и текстологического анализа выявляются отдельные тюркоязычные вкрапления, которые представлены в источнике без перевода и интерпретации и не содержатся в имеющихся глоссариях по мамлюкской эпохе.

Относительно тюркизмов, обнаруженных в труде эмира Рукн ад-Дина Байбарса аль-Мансури ад-Дауадара «Зубдат аль-фикра фи тарих аль-хиджра», можно заметить, что они составляют основу и современного казахского языка, существование которого можно констатировать, начиная лишь с XV в. Вместе с тем, казахофон абсолютно легко воспринимает значение и звучание тюркизмов в средневековом труде, что дает основание заключить, что языки кипчакской группы тюркских языков не претерпели больших изменений с момента своего формирования и выделения в отдельные национальные языки. Полагаем, что данный вопрос носит ярко выраженный междисциплинарный характер и может стать темой обсуждения как культурологов, историков, тюркологов, так и филологов-казаховедов.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Автор мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Автор благодарит за научно-редакторское сопровождение статьи.

Список литературы

Абзалов Л.Ф. Тюркский язык в официальном делопроизводстве Улуса Джучи в XIII столетии. *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2008. Т.150, кн.8, с.176-182.

عبد الحافظ، عبد الله عباية. معجم أسماء سلاطين وأمراء المماليك بمصر والشام (من خلال ما ورد على عملاتهم وفي الوثائق والمصادر التاريخية). القاهرة: دار النيل. ١٦١ ص.

عبد العزيز، محمود، عبد الدايم. تأثيرات المغول الحضارية على دولة سلاطين المماليك. مجلة المؤرخ المصري، ١٩٨٩، العدد ٣، ص. ١٠٩-١٥٠.

Amitai R. Mamluks of Mongol origine and their role in early political life. *Mamluk Studies Review*. 2008. Vol.12, no.1, pp.119-137.

بيبرس الدوادار .

https://ar.wikipedia.org/wiki/بيبرس_الدوادار. Дата обращения 10.01.2022.

دهمان، محمد أحمد. معجم الألفاظ التاريخية في العصر المملوكي. بيروت: دار الفكر المعاصر، دمشق: دار الفكر، ١٩٩٠. ١٦٠ ص.

الدوادار، الأمير ركن الدين بيبرس المنصوري. زبدة الفكرة في تاريخ الهجرة. تحقيق دونالد ريتشارد. بيروت، ١٤١٩هـ/١٩٩٨م. ٥٠٩ ص.

Зайнуддинов Д.Р. Альянс между Менгу Тимуром и Абагой: проблема интерпретации источника и перевода персидских и тюркских терминов в арабских текстах (на примере «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I», составленного В.Г. Тизенгаузеном). *Золотоордынское обозрение.* 2015. No.1, с.95-105.

زبدة الفكرة في تاريخ الهجرة. حوادث (٥٠١-٥٢٨ هـ) و(٦٢١-٦٤٩ هـ). نصوص تاريخية لم تنشر من قبل للأمير ركن الدين بيبرس المنصوري الدوادار (حوالي ٦٥٠ – ٧٢٥ هـ). تحقيق أستاذ دكتور عمر عبد السلام تدمري. صيدا – بيروت: المكتبة العصرية، ٢٠١٦م. ٢٢٣ ص.

زبدة الفكرة في تاريخ الهجرة. تأليف بيبرس الدوادار (الجزء التاسع). تحقيق الدكتورة زبيدة محمد عطا. طبعة مخة ٢٠١٩ م. الجيزة: عين للدراسات والبحوث الإنسانية والاجتماعية، ٢٠١٩. ٣٨٤ ص.

قائمة ألقاب ومصطلحات مملوكية .

https://ar.m.wikipedia.org/wiki/قائمة_ألقاب_ومصطلحات_مملوكية. Дата обращения 05.03.2025.

al-Mansuri Baybars. https://en.wikipedia.org/wiki/Baybars_al–Mansuri. Дата обращения 20.01.2022.

аль-Масри Рукн эд-Дин Бейбарс аль-Мансури. Сливки размышления по части летописания хиждры. V. Из летописи Рукнеддина Бейбарса. Перевод В.Г. Тизенгаузена. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том I. *Извлечения из сочинений арабских.* СПб, 1884. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Baibars_al_mansuri/text1.phtml?id=12577. Дата обращения 05.08.2021.

Пилипчук Я. Меч ислама: тюркская гвардия в Египте. Часть 2. https://realnoevremya.ru/articles/105622–yaroslav–pilipchuk–o–mamlyukah. Дата обращения 05.08.2021.

Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII - XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2018. 276 с.

Саки К. Юрта на вершине пирамиды. Нур-Султан, Фолиант, 2020. 160 с.

تفاصيل الوثيقة .

https://www.kau.edu.sa/Show_Res.aspx?Site_ID=306&Lng=AR&RN=2950 Дата обращения 20.01.2022.

Филиппов А. Становление государства мамлюков в Египте во второй половине XIII века. Минск, «ИВЦ Минфина». 2021. 352 с.

References

Abzalov L. Tjurkskij jazyk v oficial'nom deloproizvodstve Ulusa Dzhuchi v XIII stoletii. Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. *Gumanitarnye nauki.* 2008. Vol.150, kn.8, pp. 176-182. (in Russian)

Abdulhafiz Abulllah Atyjjja. Mudzham asma salatyn wa umara al-mamalik bimysr ua-sh-sham (min hilali ma warada ala amairihim ua fi-l-wasaik wa-l-masadir at-tarihija). Qairo, Dar an-Nil. 161 p. (in Arabic)

Abdulaziz Mahmud, Abduddaim. Tasirat al-magul al-hadarija ala daulat salatyn al-mamlik. Madzhallat al-muarrih al-misrijju. 1989. No.3, pp.109-150. (in Arabic)

Amitai R. Mamluks of Mongol origine and their role in early political life. Mamluk Studies Review. 2008. Vol.12, no.1, pp.119-137. (in English)

Dahman, Muhammad Ahmad. Mudzham al-alfaz at-tarihija fi-l-asr al-mamlukiy. Beirut: Dar al-fikr al-muwasyr, Damask: Dar al-fikr. 1990. 160 p. (in Arabic)

ad-Dawadar, al-amir Rukn ad-Din Baybars al-Mansuri. Zubdat al-fikra fi tarih Al-hidzhra. Tahkik Dunald Richardz. Beirut. 1998. 509 p. (in Arabic)

ad-Dawadar Baybars. https://ar.wikipedia.org/wiki/بيبرس_الدوادار. Data obrashcheniya 10.01.2022. (in Arabic)

Zainuddinov D.R. Alians mezhd Mengu Timurom i Abagoi: problema interpretatsii istochnika i perevoda persidskikh i tiurkskikh terminov v arabskikh tekstakh (na primere «Sbornika materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh. Tom I. sostavlennogo V.G. Tizengauzenom). (in Russian). The Golden Horde Review. 2015. No.1, pp.95-105.

Zubdat al-fikra fi tarih al-hidzhra. Hauadis (501-538 h) wa (621-649 h). Nusus tarihija lam tunshar min kabl lil amir Rukn ad-Din Baybars al-Mansuri ad-Dawadar (hawalay 650 - 725 h). Tahkik ustaz duktur Umar Abdussalam Tadmuri. Saida – Beirut, al-Maktaba al-asriya. 2016. 223 p. (in Arabic)

Zubdat al-fikra fi tarih al-hidzhra. Taalif Baybars ad-Dawadar (al-dzhuz at-tasi). Tahkik ad-duktura Zubayda Muhammad Ata. Tabaat 2019. Giza, Ain liddirasat wa-l-buhus al-insanija wa-l-idzhti-maijja. 2019. 384 p. (in Arabic)

Qaimat alkab wa mustalahat mamlukiya.https://ar.m.wikipedia.org/wiki/قائمة_ألقاب_ومصطلحات_مملوكية Data obrashcheniya: 05.03.2025. (in Arabic)

al-Mansuri, Baybars. https://en.wikipedia.org/wiki/Baybars_al–Mansuri. Data obrashcheniya 20.01.2022. (in Arabic)

al-Masri, Rukn ed-Din Baybars al-Mansuri. Slivki razmyshleniya po chasti letopisaniya hizhdry. V. Iz letopisi Rukneddina Bejbarsa. Perevod V.G. Tizengauzena. Sbornik materialov, otnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy, tom I. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. SPb, 1884. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Baibars_al_mansuri/text1.phtml?id=12577. Data obrashcheniya 05.08.2021. (in Russian)

Pilipchuk YA. Mech islama: tyurkskaya gvardiya v Egipte. CHast' 2. https://realnoevremya.ru/articles/105622–yaroslav–pilipchuk–o–mamlyukah. Data obrashcheniya 05.08.2021. (in Russian)

Porsin A.A. Istoriya Zolotoj Ordy konca XIII - XIV vekov v trude Rukn ad-Dina Bejbarsa al-Mansuri «Zubdat al-fikra». Kazan, Institute of the History of the Years. Black. R a marjania. 2018. 276 p. (in Russian)
Saki K. Yurta na vershine piramidy. Nur-Sultan, Foliant. 2020. 160 p. (in Russian)
Tafasyl al-uasika. King Abdulaziz University. https://www.kau.edu.sa/Show_Res.aspx?Site_ ID=306&Lng=AR&RN=2950. Data obrashcheniya 20.01.2022. (in Arabic)
Filippov A. Stanovlenie gosudarstva mamlyukov v Egipte vo vtoroj polovine XIII veka. Minsk, «IVC Minfina». 2021. 352 p. (in Russian)

Information about author

Samal A. Tuleubayeva **–** Acting Professor, Department of Oriental Studies, Doctor of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, st. Satpayev, 2, 010008, Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0000–0003–0002–8401, samaltu@mail.ru

Автор туралы мәліметтер

Самал Абайқызы Төлеубаева– Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті шығыстану кафедрасының профессоры м.а., филология ғылымдарының докторы, доцент. Сәтпаев көш., 2, 010008, Астана, Қазақстан. https://orcid.org/0000–0003–0002–8401, samaltu@mail.ru

Сведения об авторе

Самал Абаевна Тулеубаева **–** и.о. профессора кафедры востоковедения, доктор филологических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010008, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0000–0003–0002–8401, samaltu@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 14.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.09.25

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.69.89

Природно-климатический фактор в истории Золотой Орды и государств-наследников

Т. Хайдаров✉
Институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан
Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия
✉timkh2000@yandex.ruў

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние природно-климатического фактора на историю Золотой Орды и государств-наследников. В российской историографии в следствии относительного небольшого числа письменных источников. Достаточно давно сложились практика использовании в исторических исследованиях данных, полученных в ходе палеоклиматологических и палеогенетических исследований. В исследовании был широко реализован такой междисциплинарный подход. Комбинация данных, взятых из различных письменных источников, позволила закрыть некоторые лакуны в истории средневековых тюркских государств. Предложенная статье концепция экономико-культурных политий, позволила обосновать закономерность появление на пространствах Евразии Золотой Орды. Причем не последнюю роль в последующих политических процессах сыграли «Чёрная смерть», повторные вспышки чумы и других чумоподобных эпидемий, вызванные Малым ледниковым периодом масштабный голод и падежи скота. В условиях масштабного похолодания XIV-XVI вв. исчезновения политического, технологического и культурного лидера региона Золотой Орды явилось стало закономерным результатом. Применение данных палеоклиматических исследований позволило хронологически очертить основные этапы этого процесса. Возрастание или падение роли во второй половине XV – начала XVI вв. того или иного наследника Золотой Орды был во многом предопределен успехом адаптации своей военной стратегии к быстро меняющемся климатическим условиям. Поэтому одним из важнейших факторов становится преодоление массовое сокращение населения засчёт технологического перевооружения и создание эффективной системы управления. Особенно это ярко проявилось в московско-казанском противостоянии. Не смотря на численное и технологическое превосходство над татарских оппонентом, Московского государство вынуждено было отказаться от совершения масштабных походов. Постепенно перейдя к тактике возведения на захваченных территориях новых укреплений и проведению в зимний период в глубине вражеской территории рейдовых операций. Казань вследствие, близости к ресурсной базе, даже не смотря на более архаичную систему управления и перманентный политический кризис, смогла достаточно длительный период эффективно отражать московскую экспансию. Большую роль в этом процессе сыграли наступившие в начале XVI в. природно-климатические изменения обострили зависимость противоборствующих сторон от имеющихся в наличии ресурсов. Наступившее потепление заставило

©Хайдаров Т., 2025

Московское государство вернуться к тактике организации больших походов. Однако, без консолидации всех имеющихся в наличие ресурсов и возведения новых опорных пунктов в Поволжье одержать победу в противостоянии с Казанью и в Поволжье было бы невозможно.
Ключевые слова: палеоклиматология; Малый ледниковый период; событие Мияке; Чёрная смерть; Золотая Орда

Для цитирования: Хайдаров Т. Природно-климатический фактор в истории Золотой Орды и государств-наследников. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Т.1, no.1, с.69-89. https:

//doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.69.89

The natural and climatic factors in the history of the Golden Horde and the Successor States

T. Khaydarov
Scientific Institute for the Study of the Jochi Ulus, Astana, Kazakhstan
Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Abstract. This article examines the influence of the natural and climatic factors on the history of the Golden Horde and the successor states. In Russian historiography, as a result of the relatively small number of written sources. The practice of using data obtained in the course of paleoclimatological and paleogenetic studies in historical research has been established for a long time. This interdisciplinary approach was widely implemented in the study. The combination of data taken from various written sources made it possible to close some gaps in the history of medieval Turkic states. The concept of economic and cultural policies proposed in the article made it possible to substantiate the pattern of the appearance of the Golden Horde in Eurasia. Moreover, the "Black Death", repeated outbreaks of plague and other plague-like epidemics caused by the Little Ice Age, large-scale famine, and livestock deaths, played an important role in subsequent political processes. In the conditions of the large–scale cooling of the XIV–XVI centuries, the disappearance of the political, technological, and cultural leader of the Golden Horde region was a natural result. The application of paleoclimatic research data has made it possible to chronologically outline the main stages of this process. The rise or fall of the role of one or another heir of the Golden Horde in the second half of the XV–early XVI centuries was largely predetermined by the success of adapting its military strategy to rapidly changing climatic conditions. Therefore, one of the most important factors is overcoming the massive population decline, taking into account technological re-equipment and creating an effective management system. This was especially evident in the Moscow-Kazan confrontation. Despite the numerical and technological superiority over the Tatar opponent, the Muscovite state was forced to abandon large-scale campaigns. Gradually moving to the tactics of erecting new fortifications in the occupied territories and conducting raid operations deep in enemy territory during the winter period. Kazan, due to its proximity to the resource base, even despite the more archaic management system and permanent political crisis, was able to effectively reflect Moscow's expansion for a fairly long period. A major role in this process was played by the natural and climatic changes that occurred at the beginning of the 16th century. The warring parties' dependence on available resources increased. The coming warming forced the Moscow state to return to the tactics of organizing large campaigns. However, without the consolidation of all available resources and the construction of new

strongholds in the Volga region, it would have been impossible to win the confrontation with Kazan and in the Volga region.
Keywords: paleoclimatology; Little Ice Age; Miyake event; Black Death; Wolf minimum; Golden Horde

For citation: Khaydarov T. The natural and climatic factors in the history of the Golden Horde and the Successor States. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, c.69-89.
https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.69.89

Алтын Орда мен Мұрагер мемлекеттер тарихындағы табиғи-климаттық фактор

Т. Хайдаров
Жошы Ұлысын зерттеу институты, Астана, Қазақстан
Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

Аңдатпа. Бұл мақалада табиғи-климаттық фактордың Алтын Орда мен Мұрагер мемлекеттердің тарихына әсері қарастырылады. Орыс тарихнамасында жазбаша дереккөздердің салыстырмалы түрде аз болуына байланысты. Палеоклиматологиялық және палеогенетикалық зерттеулер барысында алынған деректерді тарихи зерттеулерде қолдану тәжірибесі бұрыннан қалыптасқан. Зерттеуде мұндай пәнаралық тәсіл кеңінен жүзеге асырылды. Әр түрлі жазбаша дереккөздерден алынған мәліметтер жиынтығы ортағасырлық түркі мемлекеттерінің тарихындағы кейбір лакундарды жабуға мүмкіндік берді. Мақалада ұсынылған экономикалық және мәдени саясаттың тұжырымдамасы Еуразия кеңістігінде Алтын Орданың пайда болу заңдылығын негіздеуге мүмкіндік берді. Сонымен қатар, кейінгі саяси процестерде кішігірім мұз дәуірінен туындаған "Қара өлім", оба мен басқа да оба тәрізді эпидемиялардың қайталануы маңызды рөл атқарды.жаппай аштық пен мал өлімі. XIV – XVI ғасырлардағы жаппай салқындау жағдайында Алтын Орда аймағының саяси, технологиялық және мәдени көшбасшысының жойылуы табиғи нәтиже болды. Палеоклиматтық зерттеулердің деректерін қолдану осы процестің негізгі кезеңдерін хронологиялық тұрғыдан анықтауға мүмкіндік берді. Алтын Орданың белгілі бір мұрагері көбінесе өзінің әскери стратегиясын тез өзгеретін климаттық жағдайларға бейімдеудің сәттілігімен анықталды. Сондықтан маңызды факторлардың бірі-халықтың жаппай қысқаруын жеңу, технологиялық қайта жарақтандыру және тиімді басқару жүйесін құру. Бұл әсіресе Мәскеу-Қазан қақтығысында айқын көрінді. Татар қарсыласынан сандық және технологиялық артықшылыққа қарамастан, Мәскеу мемлекеті ауқымды жорықтардан бас тартуға мәжбүр болды. Біртіндеп басып алынған аумақтарда жаңа бекіністер салу және қыста жау аумағының тереңдігінде рейдтік операциялар жүргізу тактикасына көшу. Қазан ресурстық базаға жақындығына байланысты, тіпті архаикалық басқару жүйесі мен тұрақты саяси дағдарысқа қарамастан, Мәскеу экспансиясын ұзақ уақыт бойы тиімді түрде көрсете алды. Бұл процесте XVI ғасырдың басында пайда болған үлкен рөл атқарды. табиғи-климаттық өзгерістер қарама-қарсы тараптардың қолда бар ресурстарға тәуелділігін күшейтті. Жылыну Мәскеу мемлекетін үлкен жорықтарды ұйымдастыру тактикасына қайта оралуға мәжбүр етті. Алайда, барлық қолда бар ресурстарды шоғырландырмай және Еділ бойында жаңа тірек пункттерін орнатпай, қазан мен Еділ бойында қарсыластықта жеңіске жету мүмкін болмас еді.
Түйінді сөздер: палеоклиматология; кіші мұз дәуірі; Мияке оқиғасы; Қара өлім; Алтын Орда

Введение

Исследование влияния природно-климатического факторов на эволюцию государственных институтов и экономического развития Улуса Джучи и государств-наследников в XIV-XVI вв. для современной мировой историографии представляет одну из интереснейших задач. Входе многочисленных палеогенетических и палеоклиматологических исследований последних лет была особа подчеркнута роль вышеуказанного фактора в политических процессах на афроевразиатском пространстве. В то же время, плоть до сегодняшнего дня территория Улуса Джучи практически не подвергалась системному анализу. Отчасти, это было вызвано тем, что практически не существует единого корпуса нарративных источников. Информация разбросана в многочисленных документах на русском, арабском, персидском, греческом и латинском языках. Не последнюю роль в предоставлении информации о событиях XIV-XVI вв. занимают тексты литературных произведений. Поскольку средневековые авторы при передаче информации старались использовать популярные ветхозаветные, античные и коранические сюжеты. Поэтому без знаний реалий того периода данный тип источника очень сложен для анализа и интерпретации. Исходя из этого было принято решение, использовать для заполнения пробелов, происходивших на территории Улуса Джучи и государств-наследников в XIV – XVI вв. процессов, соединить воедино данные палеоклиматологических, палеогенетических и источниковедческих исследований.

Литературный обзор

Тема изменения климата традиционна для российской исторической науки. В определенном смысле это вызвано крайне ограниченным по сравнению с Западной Европой и Ближним Востоком корпусом письменных источников. Именно поэтому в российские исследователи еще в дореволюционный период делали акцент на развитие идей европейских исследователей и работа по представленным в русских и среднеазиатских средневековых источниках косвенным данным. Примером чему является дальнейшее развитие идей немецкоязычных исследователей Г. Хейзера, Э. Брюкнера и Г. Стикера, выделявших территорию России в отдельный природно-климатический регион (Häser 1865; Brückner 1890; Sticker 1908). Одной из первых оригинальных работ по истории климата созданных в дореволюционной период в России стало, опубликованная в 1908 г. монографическое исследование М.П. Боголепова (Боголепов 1908). В ней исследователь сделал акцент на осмысления влияния изменений климата на исторические события. В качестве доказательной базы автор привлекал климатические исследования венского профессора Э. Брюкнера. Последний с помощью многочисленных данных, полученных из письменных и природно-климатических источников, смог выдвинуть гипотезу о происходящих в природе каждые 35½ лет крупных климатических изменениях. При этом, согласно точке зрения самого М.А. Боголепова, наиболее сильные колебания климата на европейском континенте приходились на Великую Русскую равнину. В целом, для климата данной части Евразийского континента были характерны резкие чередования: зимой – сильнейших морозов и оттепелей, осенью – раннее наступление холодов, весной – поздних заморозков. Причём, по мнению отечественного

исследователя, наиболее резкие колебания проявлялись в годы близкие к 3, 6, 7 и 9-му десятилетию каждого века. Зачастую такие климатические изменения проявлялись в форме масштабных засух и сильных похолоданий. Именно последние оказывали непосредственное влияния на все крупнейшие политические события. Так, одной из самых неблагоприятных с климатических точек зрения периодов в истории России была вторая половина XIV в. Этот период отметился чередованием крупных засух и политических кризисов. Среди последних М.А. Боголепов выделял: московско-тверское противостояние, нашествие Ольгерда и татар на Северо-восточную Русь, Куликовская битва, возвышение империи Тамерлана и Белой Орды, приход к власти в Золотой Орде хана Токтамыша (Боголепов 1908: 4).

Климатическая гипотеза М.А. Боголепова легла в основу взглядов крупного советского ученого А.Л. Чижевского (Чижевский 1930). Уже в самом начале своей научно-исследовательской деятельности в 1915 г. исследователь стремился доказать свой главный тезис: *«Периодичность вспышек эпидемий и пандемий, эпизоотий, эпифитий находится в прямой связи с возмущениями физических факторов внешней («космотеллурической») среды»* (Чижевский 1976: 6). В 1930 г. ограниченным тиражом вышло исследование, посвященное эпидемиям, где на основе собранного из исторических хроник статистического материала советским учёным доказывалось существование теснейших связей коллективных реакций живых организмов с периодической активностью Солнца или с почти неуловимыми изменениями во внешней среде. Фактически этой монографией А.Л. Чижевский завершает формирование хорошо обдуманной концепции *«эпидемических катастроф»*. В итоге, ему удаётся достаточно полно представить изменения, происходившие в человеческом социуме. Наиболее показательным примером в данном случае выступает одна из самых страшных за всю историю человечества эпидемия *«Черной смерти»* (mors nigra). По замечанию ученого, практически все очевидцы событий отмечали восточное происхождение эпидемии средневековой чумы и сопровождавшие весь период эпидемии масштабные природные и космические явления (положение небесных тел, землетрясения, параллельные эпидемии сифилиса и холеры, туманы и вредные испарения). В своих изысканиях А.Л. Чижевский (Чижевский 1976: 160) признавал значение трудов основоположника советской теории природной очаговости эпидемических заболеваний Д.К. Заболотного (Заболотный 1922).

Дальнейшее развитие идей А.Л. Чижевского о влиянии климата и солнечной активности на развитие человеческих сообществ получили в трудах Л.Н. Гумилева (Гумилев 1966). Правда опубликованы они в массе своей были в 1960-х и 1970-х гг., то есть тогда, когда в СССР представителями естественно-научного направления стала определять научная повестка и тематика гуманитарных исследований. В результате такого взаимодействия, Л.Н. Гумилевым была сформулирована знаменитая пассионарная теория этногенеза. Согласно ей окружающая среда – ландшафт, природа, климат и интенсивность взаимодействия с представителями различных культур и этносов – напрямую влияет на формирование наций, этносов, их культуры, политических традиций и государственности.

Суть теории в том, что «исходный человеческий материал» примерно одинаков в любой точке земного шара.

Л.Н. Гумилев считал, что на человечество воздействуют три вида энергии:
• энергия солнца;
• энергия распада внутри земли, вызывающая тектонические явления;
• энергия космоса (Гумилев 1994: 55).

Фактически Л.Н. Гумилев создал теоретическую основу современных российских междисциплинарных исследований. При этом методологическую основу заложили, опубликованные в 1980-е годы, монографии С.И. Бараша (Бараш 1989), Е.П. Борисенко и В.М. Пасецкого (Борисенко, Пасецкий 1988). Главным достоинством последних стали представленные в данных исследованиях оформленные в форме хронологических таблиц данные климатических изменений за несколько последних тысячелетий. Фактически, советским исследователям удалось предугадать на несколько десятилетий раньше основной вектор развития западной научной мысли в области создания единых баз данных исторических событий. В начале 1990-х годов, когда в российской историографии стал наблюдаться постепенный отказ от догмата марксистской теории тема история климата получила второе дыхания. Большую роль здесь сыграли исследования, посвященные Золотой Орды и территории Великой Монгольской империи (Артюхин 2009; Измайлов 2009; Кульпин-Губайдуллин 1998; Schamiloglu 1993). В этих работах особо выделялось роль Малого ледникового периода.

Если мы говорим о современной западной историографии, то в отличие от российской, основной акцент был сделан на осмысление эпидемий в истории. Такой подход был сформулирован еще в 1930-ые годы выпускником Новороссийского университета, видным британским экономическим историком М.М. Постан (Postan 2015). Последний на основании данных демографических потерь удалось хронологически очертить возникновение и основные направления распространения эпидемий чумы в конце XIV-XV вв. Если добавить сюда основанные на полевых исследованиях группы Ву Литена, К. Мейера и Р. Поллитцера (Lien-teh et al. 1936, Pollitzer 1954) сформировавшиеся в 1930-1950-ых годах в западной историографии теоретические выводы относительно начального периода *«Черной смерти»* то становиться понятна логика рассмотрения данного исторического факта в контексте монгольских завоеваний и последующего ускоренного развития Великого Шёлкового пути. Причём видимую роль в теоретических взглядах западных историков стали играть последние открытия в области биологии и экологии чумной бактерии и основных видов переносчиков чумных блох. В отличие от советских коллег, где естественно-научные дисциплины в следствии политических воззрений начинали определять часть тематики исследований гуманитарных наук, западные историки постарались биологическую часть исследования встроить в общий теоретический контекст темы.

Такой исследовательский поход позволил в середине 1970-ых годов опубликовать базовые для современной историографии *«Черной смерти»* фундаментальные монографии Й. Бирабена и В. Макнилла (Biraben 1975, McNeill 1976). В этих работах под влиянием новых открытий в области биологии чумной бактерии (Y. pestis) попытались реконструировать целостную картину протекания в Евразии Второй пандемии чумы. Несмотря на продолжающиеся доминирование в теоретических взглядах, установившихся со времен Средних веков мифологем (точка исхода «Чёрной смерти» в Крыму, черные крысы основные распространители болезни), обоим исследователям все

же удалось представить на суд широкой публике достаточно точную хронологическую последовательность событий. Большую роль в естественно-научном повороте в западной историографии сыграла публикации в 1997 г. книги экологиста Джареда Даймонда (Diamond 1997). Именно в этом исследовании в первые в западной историографии был поставлен вопрос о влиянии роли климата на развитии человеческих социумов и живых организмов.

Именно, отталкиваясь от теоретических изысканий Дж. Даймонда во конце 1990-ых годов были опубликованы крупнейшие исследования в области исторической демографии и «Черной смерти» М. Банчи и Д. Хэрлихи (Bacci 1998; Herlihy 1997). Правда основной акцент они сделали не на собственном протекании эпидемии средневековой чуму, а на последствия, вызванные данным бедствием. Что, касается вопроса с началом «Чёрной смерти», то здесь, как и в случаях с работами предшественников нужно говорить о продолжении фактического доминировании средневековых мифологем. При этом новые открытия в области биологии позволили начать очень быстрый экстенсивный рост формирования новых теоретических конструкций начального периода «Чёрной смерти». Это значительной степени предопределило в начале 2000-ых годов наметившийся рост споров вокруг природы возбудителя «Чёрной смерти» (Cantor 2001; Skott et al. 2001).

Окончательно данный вопрос был снят сначала на уровне историков. Когда в середине 2000-ых годов были опубликованы фундаментальные монографии О. Бенедиктова, Дж. Келли и М. Бэйли (Benedictow 2004; Kelly 2005; Bailie 2006). Представленные широкой публики выводы требовали ускорить работы как по новому прочтению уже опубликованных источников, так и поиску истоков «Чёрной смерти» на пространствах Евразии. Фактически речь шла о необходимости проведения крупных междисциплинарных исследований, где учитывались во время подведения итогов, как данные, полученные в результате лабораторных исследований человеческих остатков, так и данные текстологического анализа вновь водимых в научных оборот письменных источников. Именно этот исследовательский запрос от западных историков привел к тому, что, начиная с конца 2000-ых годов в исследовательскую практику историков стали привлекаться данные междисциплинарных исследований в области палеогенетики и палеоклиматологии. Международная кооперация в конечном итоге позволила не только вписать территорию стран СНГ общую историческую картину исторического прошлого, но и активно начать использовать научные наработки российских исследователей. В частности, теоретическая концепция А.Л. Чижевского о влиянии солнечной активности на эпидемическую картину в историческом прошлом человечества, активно использовалась в самом значимом для западной историографии исследовании середины 2010 г. труде профессора белфасткого университета Брюса М.С. Кэмпбелла (Campbell 2016).

Актуализация темы «Черной смерти» в свете предстоящего 670 летнего юбилея начала в Западной Европе Второй пандемии чумы привели к тому, что именно работы археo- и палеогенетиков стали самыми востребованными среди научной общественности. За развернувшимся между исследовательскими группами университета Копенгагена Э. Виллерслёва и Института истории человека (Йена, Германия) Й. Краузе (Rasmussen et al. 2015; Spyrou et al. 2016; Spyrou et al. 2018) научным диспутом наблюдал весь научный мир.

Не смотря на все признанные научным сообществом открытия, широкое применение в архео- и палеогенетических исследованиях выше озвученного экспериментального метода молекулярной биологии поставил перед ученными дилемму в датировке полученных результатов. Поэтому для разрешения возникшей коллизии необходимо было прибегнуть к другим научно-исследовательским методам. Наиболее перспективным здесь видится работа с методикой исторической климатологии (дендрохронологический, изотопный и споро-пыльцевой анализ). Применение их в конечном итоге позволяет не только более четко очертить временной промежуток протекания крупной эпидемической вспышки, но и определить лишь по косвенным данным не зафиксированные средневековыми авторами крупные эпидемии и климатические изменения. Ярким примером подобного исследования можно считать статью исследовательской группы Швейцарского федерального исследовательского института WSL (Бирменсдорф, Швейцария) У. Бюнтгена (Schmid et al. 2015; Camenisch 2016). Именно его исследования показали перспективность палеоклиматических исследований.

Основой его исследований лежит изучение данных ледяных, почвенных, ледяных или древесных кернов. В которых смотрится соотношение определенных слоев, характерных для холодного или теплого, влажного или засушливых периодов. Благодаря этим данным в научном мире удалось разрешить загадки возникновения Сахары, катастрофы Бронзового века, гибель Римской империи и других крупных государственных образований в Древности. Однако, главным достижением использования палеоклиматологических методов видится полный пересмотр устоявшиеся за последние десятилетия картины изменения в истории климата.

Материалы и методы

Традиционно считалось, что наибольшую опасность в истории несли извержения вулканов и последовавшее за этим наступление длительного похолодания климата. Изучения данных палеоклиматических исследований указали на большую роль грозовых фронтов. Изменения прохождение последних зачастую и определяло функционирование целых географических регионов. Однако, это была лишь видимая часть айсберга глобальных изменений.

Подводная же часть айсберга – изменение всей микрофлоры планеты. Последнее зачастую проявляется виде спонтанных мутации в геноме, уже существующих и взаимодействующие со всеми живыми существами, микроорганизмов (бактерий и вирусов). Из-за длительности протекания любой организм даже с потерями может адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды. В то время как современные палео– и археогенетики указали на практическое мгновенное появление крайне опасных для человека штаммов уже существующих микроорганизмов. Исходя из этого, рассматривать извержения вулканов в качестве основной причины глобальных катастроф все же не стоит.

Зачастую вызванные ими изменения климата лишь ускоряли процесс проникновения в человеческих организм уже мутировавших штаммов микроорганизмов. Что становилось последним шагом на пути возникновения масштабных пандемий в истории человечества. Так, например, чума Юстиана привела к исчезновению доминирующей

силы античного мира – Римской империи. Черная смерть – погубившая порядка 60 млн. человек и явившая Рубиконом между феодализмом и капитализмом. Испанка – убившая только за один теплый сезон 1919 года до ста миллионов человек.

Скорее всего в качестве точек отчета начала пандемий все же стоит брать событие имевшее планетарное значение, но в отличие от извержения вулканов мгновенно проявившееся. Под последним стоит понимать обозначенное дендрохронологами событие Мияке. В 2013 году специалистами методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в древесных кольцах японского кедра были обнаружены в районе 774/775 годов существенные скачки атмосферной концентрации радиоактивного изотопа углерода (углерод-14). Физики показали, что скачок такой интенсивности в 774 году всё-таки можно объяснить сильнейшей солнечной вспышкой (Miyake et al. 2012; Büntgen U. et al. 2018). Глянциологи при изучении антарктичеких и гренландских ледяных кернов после обнаружения изотопов бериллия ^{10}Be и хлора ^{36}Cl полностью подтвердили эту гипотезу.

Если исходить из гипотезы А.Л. Чижевского о влияние солнечных вспышек на все земные процессы (эпидемии, войны, голод, революции), то определение хронологии вспышек Мияки позволяет определить не только хронологию крупных исторических процессов, но и начало длительных климатических циклов в истории. К настоящему времени обнаружено несколько событий Мияке: около 12350 г. до н.э., в 7176, 5259 и 660 г. до н.э., 774 и 993 гг. Менее выражены вспышки были зафиксированы в районе 5410 г. до н.э., 1052 и 1279 гг. (Хантемиров 2023)

Результаты

Для истории современных народов Северной Евразии наибольший интерес вызывает солнечная вспышка 1279 года, которая в конечном итоге и привела к началу последнего крупного периода похолодания – Малый ледниковый период. Долгое время ученные спорили о точке отчета начала этого события в истории. В итоге, сошлись во мнении, что под последней следует понимать, произошедшее в 1257 г. извержение индонезийского вулкана Саламас. Однако, не о каких-то сопутствующее похолодания явления (голод, эпидемии, нашествие саранчи, обострение военно-политической ситуации) речи не шло. А вот после солнечной вспышки 1279 г. стали фиксироваться озвученные события. Начиная с 1279 года и до произошедшего венгерского похода хана Ногая в текстах русских летописях неоднократно встречаются указания на ухудшение климатической обстановки в ордынских степях. Последующее чередование эпидемий - голода – военно-политическое обострение были отмечен весь XIV век. Причем наиболее пиковые показатели пришлись на минимум Вольфа (1280-1350). Именно на этот период пришлись поход Ногая на Венгрию (зимой 1286-1287 гг.), обострение ордынско-генуэзских отношений в Крыму (1308-1309 и 1343-1346 гг.), Черная смерть.

Вторую пандемию чумы, иногда, называют «Чёрной смертью» по названию особо сильной вспышке 1346–1353 гг., бывшей лишь видимой частью «айсберга». Фактически финальной частью двигавшейся из глубин Евразии волны эпидемии средневековой чумы. Поэтому для поиска исходного временного промежутка начала «Чёрной смерти» важно было обнаружить в источниках указания на более ранние вспышки. В армянских колофонах XIV-XV вв. есть указания на протекания в 1320-ых г. на пространствах Передней и

Центральной Азии (Большая Персия) больших эпидемий. Это позволяет предположить, что именно этот хронологический период и нужно рассматривать в качестве нижней хронологической границы первой волны Второй пандемии чумы - «Чёрной смерти». Если рассматривать в качестве верхней хронологической границы указанного бедствия середину 1350-ых годов, то длительность протекания всей первой волны 2-й пандемии чумы до начала pestis secunda в 1356 г. (Slavin 2021) составили озвученные выше те же 30-35 лет. Таким образом «Чёрная смерть» охватила период с 1320 по 1353 гг., то есть от вспышек на территории Великой Армении до чумных эпидемий на территории Великого княжества Московского. В качестве определения хронологических границ последующих эпидемических волн 2-й пандемии, в качестве исходной точки, рассматривались произошедшие на пространствах Большой Персии крупные эпидемические вспышки, а заключительные – на пространствах Польши и Руси.

Третья волна было определена входе проведенных в 2013-2014 гг. прокси-климатические исследования группы Швейцарского федерального исследовательского института WSL. Основываясь на данных исследований, взятых в районе Каракумского хребта, осадочных пород и дендрохронологического анализа местной растительности было определено протекание в 1408/09 гг. на территории Великого княжества Московского и Золотой Орды второй по масштабам после *«Черной смерти»* крупной эпидемической вспышки чумы (Schmid et al. 2015). Полученные таким образом выводы очень хорошо коррелируются с данными представленные в исторических источниках. Проведенный нами анализ письменных источников показал, что за время протекания Второй пандемии чумы (1320 по 1850 гг.) было зафиксировано 17 эпидемических волн[1].

Конечно, же логично было исходя из показаний дендрохронологии отчитывать начало Второй пандемии чумы от события Мияке 1279 г. Однако, вполне очевидно, что если и происходили вспышки чумы, вызванные штаммов возбудителем «Черной смерти» 1.ANT, то скорее они не выходили за границы эпизотии. Если отталкиваться от выводов палеогенетиков и Ф. Славина, то первая эпидемическая вспышка «Черная смерти» произошла в районе озера Иссык-Куль в 1338/1339 гг. (Spyrou et. al 2022). Правда масштабов пандемии «Черная смерть» достигла 1342 г., то есть, когда крупная эпидемия была зафиксирована в крупных среднеазиатском торговом центре Баласагун. Только после это началось «победное шествие» по торговым трактам «Черной смерти» на Запад (Slavin 2023).

Для более глубинного понимания дальнейшего протекания Второй пандемии чумы нужно исходить не из принятого в современной историографии регионально-географического, а из культурно-экономического деления регионов. Последнее, уже сейчас активно внедряется в изыскания историков (Benedictow 2021; Belich 2022; Хайдаров 2021). Согласно этому теоретическому конструкту, базирующиеся на единых культурных и мировоззренческих позициях, народы могут посредством ведения общей экономики выстроить единое для всех политическое объединение – экономико-культурная полития (далее ЭКП). Где наиболее сильный, в культурном плане, элемент

[1] Вторая пандемическая волна – вторая половина 1350–1390/91 гг.; третья волна – начало 1390 – конец 1410-х гг.; четвертая – 1419 – начало 1450-х гг.; пятая – середина 1450 – середина 1480-х годов; шестая – конец 1480-1500 гг.; седьмая – 1510–1540 гг.; восьмая – 1540-1570 гг.; девятая – 1570–1600 гг., десятая – 1600–1630-е гг., одиннадцатая – 1630-1660-е гг., двенадцатая – 1660-1690-е, тринадцатая – 1690-1720-е гг., четырнадцатая – 1720-1750-е гг., пятнадцатая – 1750-1780-е, шестнадцатая – 1780-1820-е гг., наконец, семандцатая волна – 1820-1850-е гг.

будет определять развитие остальных членов политии. Это не мешает сосуществованию, в рамках неё, конкурирующих друг с другом и со своими собственными политическими центрами государственных образований[2].

Если исходить из информации, посвященной развитию торговых отношений во всём тогда известном мире, то среднее расстояние между границами одной ЭКП могло составлять 80/90 дней пути следования торгового каравана или же порядка 45 – 50 км/сут. Простой математический расчёт позволяет говорить нам о примерно 3000 км диаметре одной ЭКП (Хайдаров 2021). Без учета Юга Африки, Мезоамерики и Океании мы смогли определить порядка 12 ЭКП задействованных в эпидемическом процессе Второй пандемии чумы[3]. По нашему глубокому убеждению, именно в рамках ЭКП в различные исторические промежутки времени появлялись государственные образования (империи), стремившиеся подчинить своей воли всю территорию политии. Именно поэтому изучение хронологии эпидемических вспышек чумы позволяет получить ключ к пониманию происходивших, начиная с XIV в., процессов по изменению государственных границ, основных торговых артерий и экономических районов. Чем выше была частота эпидемических вспышек в том или ином месте, тем более значимую роль в экономических процессах афроевразийского пространства занимал пострадавший от эпидемии регион, город или поселение. Полное прекращение в XVIII в. фиксации чумных эпидемии в Западной Европе и на большей части Российской империи мы напрямую связываем с изменением экономик и введением системного контроля со стороны властей, приведших к полному или частичному прекращению прямых контактов местного населения с природными резервуарами (очагами) чумы. Чего нельзя было сказать о регионах, где эти изменения не произошли. Но о полном исчезновении чумы из природы речь не идёт.

Большую роль в историю ЭКП наравне с эпидемиями играли голодные периоды. Так, последние в Золотой Орде были отмечены 1310-ые, 1360-ые, 1420 – 1430-ые годы. Долгое время исследователи привязывали данный факт исключительно к изменению уровня Каспийского моря и антропогенному фактору. Однако, исследование Сахары показали значительную роль в этом процессе границ продвижения атмосферных фронтов. Поскольку последние зачастую оказывают прямое воздействие на уровень выпадение осадков, то любое изменение движения последних зачастую сказывается на общем уровне доступных человеческих сообществам питательных веществ. Для большой части Золотой Орды, где определяющую роль в деятельности человека занимал баланс между выпавшими зимой и летом осадками, наступление после 1279 года климатических изменений стало практически катастрофой. Если ранее умеренное количество снега и умеренной холодной погодой зимой компенсировалось влажной и теплой погодой летом. То после, основное количество выпавших осадков стало приходиться на холодные зимние месяцы. В то время, как летом практически не фиксировалось выпадение необходимо количества дождей или продолжительным холодным влажным летом. В конечном итоге это приводило к неурожаям и вспышках в конце зимы из-за неправильного хранения хлеба антонинова жара среди оседлого населения. Основным

[2] Подробно о экономико-культурных политиях см. [43].

[3] Западно-средиземноморская, Ганзейская (Североморская), Английская, Имперская (Центральноевропейская), Балкано-Анатолийская, Русско-ордынская, Большая Персидская (Кавказско-Персидская), Ближневосточная, Монголо-Манжурская, Североиндийская, Южнокитайская, Тихоокеанская, с началом 16 века Мезоамериканская.

же бедствием же кочевников в этот период становится вызванный, обледенением пастбищ или обильным снегопадом, массовый падеж скота (джут). Наиболее пиковые голодные периоды приходятся на 1310, 1360, 1420 – 1440, 1483/1484, 1555/1556-ые годы.

Обсуждение

В русскоязычной историографии практически полностью отсутствует комплексные исследования в области изучения последствий протекания эпидемий. За исключением небольших обзоров со стороны Юлай Шамильоглу, И.Л. Измайлова и Т.Ф. Хайдарова (Шамильоглу 2009; Шамильоглу 2016; Schamiloglu 2018; Измайлов 2018; Хайдаров 2016; Хайдаров 2018), определивших в качестве последствий протекания «Черной смерти» в Золотой Орды исчезновение из обихода булгарского языка, деградация технологической сферы, деурбанизация, усиление исламизации, мы не можем назвать более других крупных теоретических работ для тюркских территорий стран бывшего СССР. В то время, как специалисты изучающие другие регионы уже давно сошлись во мнении, что одним из главным итогов пандемий считались: обострение военно-политической, религиозной и социальной обстановки, трансформационные процессы в области управления и технологического перевооружения (Cohn 2002). Для Великого княжества Московского такой анализ был проведен С.А. Нефедовым (Нефедов 2010).

Для понимания трансформационных процессов в распадающейся Золотой Орде необходимо учитывать уже озвученную выше хронологию эпидемических вспышек и голодных периодов. Исходя из этих данных можно очертить хронологию основные кризисов Улуса Джучи. Первый масштабный кризис разразился в 1280- 1290-ые годы. На эти годы пришлось противостояние Тохты и Ногая.

Второй кризис (1360-ые годы) – Великий голод и Великая замятня в Золотой орде.

Третий кризис (1420 – 1440-ые годы) – Становление Казанского ханства. Он пока комплексно мало изучен. Единственно, что известно широкой публики – это утверждение в Казани в 1437 г. Улуг-Мухаммеда и провозглашения независимого Казанского ханства. Меж тем история возникновения независимого Казанского ханства достаточно интересна и запутана, чтобы объяснять это в двух предложение.

Начнем с того, что истоки этого процесса надо искать во время Великой замятни. Когда в условиях эпидемий, голода и Великой замятни правитель Булгарского улуса Булат Тимур впервые после монгольского нашествия в 1230-ых годов попытался воссоздать на берегах Волги независимое государство. Это попытка, как известно закончилась неудачей.

Вторая попытка была более успешной. Если характеризовать процессы, происходившие в тот период на территории нарождавшегося ханства, то в районе 1400-ого года по археологическим данным фиксировался численный рост населения. Что позволило Казани очень быстро оказывать влияние на события в Золотой Орду.

Казалось бы, всё хорошо и всё должно хорошо закончиться. Должно было возникнуть во главе с местными Чигизидами восстановленное государство волжских булгар. Но в районе 1420-1440-ых годов начинается междоусобица между Улуг Мухаммедом с Бораком и Кичи-Мухамедом. Если учесть, что на 1430-ые годы начинается новый пик

похолодания (минимум Шперера), то становится понятна логика событий, приведших к закреплению в Казани Улуг-Мухаммеда, возникновению отдельного Крымского ханства и Большой Орды.

Поворотным моментом в истории Евразийских степей стало начавшееся во второй половине 1430-ых годов на фоне не прекращающего голода и эпидемических вспышек военное противостояние Улуга-Мухаммеда с Великим князем Московским Василием II. Отличительной чертой данного конфликта – борьба за расположенные в землях мордвы, черемисов, чувашей и удмуртов укрепленные места (города) аванпосты. При этом следует отметить формирование особой тактики ведения боевых действий. Так, в частности, казанская сторона старалась организовать вследствие ограниченности ресурсов зимние набеги на расположенные северо-западнее города Великого княжества московского. Способствует этому промерзание расположенных севернее Казани болот. При этом невозможно ходить по южной части, поскольку там степь и появляются ногайцы. Причем ногайцы начинают двигаться в районе 1483 года. Именно на этот год фиксируется очередное изменение климата.

Тактика Великого княжества Московского несколько отличалась от казанской. Москва старалась проводить летние военные кампании засчет, посаженных на речные суда, водные рати. Главной задачей, которых, зачастую становилось сковывания противника до подхода основных сил. И здесь у Москвы засчёт использования более технологичного вооружения было больше шансов выйти победителями. Именно водная рать позволило Москве не однократно брать верх над казанцами (1469, 1477, 1484, 1487). В то же время, это не означало, что казанцы были исключительно специалистами по зимней войне, а москвичи по войне летом. О чем свидетельствует знаковая для московско-казанского противостояния битва под Суздалем 1445 года.

Зачастую главную роль в определении победителя в том или ином противостоянии играл контроль над крупными базами снабжениями. Поэтому, привлечение на свою сторону умевших ходить на лыжах и воевать в условиях зимы финно-угорских народов, как и установления контроля за главными лесными городами в казанско-московском противостоянии зачастую становились одними из главных задач стратегических задач всех военных действий. Только после того как Москве удалось установить контроль над Хлыновом и Пермью, основывать по дороге в Казань новые города (Васильсурск и Свияжск) удалось склонить чащу во введении боевых действий. Причем в своих действиях московским государям приходилось учитывать климатическую нестабильность. Если в 1450 – 1460-ых годах московская рать опять вернулась к введению набегов в летний период, то в период с 1460 по 1545 год очень четко прослеживается использования зимних кампаний. С 1545 и по 1557 год опять происходит возврат к летним военным компаниям. Причем, как смогли убедиться московские воеводы – летние кампании могли закончится в короткий период. В 1467 году казанский поход завершился из-за разразившейся на фоне быстрого осеннего похолодания массового падежа лошадей. Осада 1530 года была завершена из-за начавшегося проливного дождя, потушившего все фитили в московском войске.

Именно климатические изменения привели к тому, что продолжилось резко падение урожайности в уже обедневших до этого сельскохозяйственных районах закамской зоны. В условиях наступившего политического хаоса 1420-ых годов именно Приказанье,

Казань и Горная сторона стали основными регионами проживания населения ханства. В то время, как остальная территория оказалась подверженной перманентными набегами ногайцев и переселением башкир. В то же время, именно климатические изменения привели к тому, Улуг-Мухаммед смог осесть, после длительных приключений, в Казани.

Эпидемический фактор зачастую также играл важную роль во взаимоотношениях между Москвой и Казанью. Первый раз он проявился себя накануне утверждения Улуга-Мухаммеда в качества правителя Казани в 1437 году. Второй раз он повлиял в 1467 году, когда в результате болезни скоропостижно скончался старший сын хана Махмуда Халиль.

Отвечая на один из излюбленных вопросов татарских интеллектуалов, причина падения Казани в 1552 году. То надо сразу же оговориться о происходивших в первой половине XVI в. процессах. Главные из которых затронули всю систему взаимоотношений внутри элиты Казанского ханства. Поскольку с утверждением в 1520-ых годах на казанском престоле представителей крымской династии Гиреев, усилилось влияние прогрессивной на тот момент времени Османской империи, старая ордынская клановая система оказалась тем фактором, который не способствовал внутренней стабилизации Казанского ханства. Перенимание османского законодательства, где главную роль отводилось султану и дивану или государю и государственному двору, привела к тому, что старые кланы помятую о своей важнейшей роли в государственном управлении Золотой Орды, оперившись на родственных связи в других татарских государствах-наследников, стали стремится к неподчинению центральной власти. Что вылилось в череду переворотов на Казанском престоле и постоянном поиске покровителя, укрепившейся на престоле группировки. При всем этом был упущен момент к структурным изменениям в управлении, экономике и сельском хозяйстве. Что сразу же отразилось на московско-казанском противостоянии.

В отличие от Казани Москва еще при Иване III смогла последовательно перейти к внедрению инноваций в системе управления, производства, сельского хозяйства и военном деле. В начале 16 века Москва смогла начать наступление на татарские территории и это в условиях обострившейся эпидемической обстановки. Как показали летописи именно на 1490 – 1520-ые годы приходиться очередное обострение эпидемической ситуации в более густонаселенных территориях Великого княжества Литовского. Прямым свидетельством чего становиться очередное обострение военно-политической обстановка на всем пространстве бывшей Золотой орды (гибель Большой Орды в 1502 г., московско-казанская война (1505 – 1507). Причем для Большой Орды – это был не первый эпидемический кризис. Большими эпидемиями в степи отметились 1428 – 1430, 1462, 1472, 1475 и 1493 годы. Масштабный джут был отмечен в 1434 – 1444, 1483/84, 1556/57 годах. Для Казанского ханства вспышка 1516 г. отметилась примирением казанского хана Абдула-Латифа с Москвой.

Заключение

Окончательный перелом в московско-казанском противостоянии пришелся примерно на 1520 – 1530-ые годы. В то время, как Казань очередной раз начинает страдать в начале 1530-ых годов от очередной эпидемии, проявившееся виде очередной смены власти. Москва как раз начинает концентрировать ресурсы необходимые для введения

экспансии. Стал фиксироваться рост численность людей. Возможно одним из важнейших факторов стала более адаптивной к суровому холодному климату высококалорийная кухня. Изменяется тактика, а главное – применение артиллерии, что связано с высоким уровнем технологического развития и металлургии, и прежде всего появляется сильная пехота. То есть главные козыри – технологичность, помноженная на численный перевес. Благодаря этому Москва стала постепенно брать вверх в военном противостоянии. Это особенно стало заметно в 1530-ом году, когда московская рать встала под Казанью и начался обстрел. Как раз в 1530-1533-ем году начинается потепление, отмечена страшная вспышка эпидемиологической активности, которая пронеслась и по всей Европе. О ней писал также и Нострадамус – для французов 1530 год был страшным.

Набранный Москвой темп развития привел к тому, что резкое изменения климата во второй половине XVI в. не только не остановили её экспансию, но в значительной мере ускорили её в направлении татарских государств.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Автор мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Автор благодарит за научно-редакторское сопровождение статьи.

Список литературы

Bacci M.L. *La popolazione nella storia D'Europa.* Roma-Bari. 1998. 306 p.

Bailie M.G.L. *New Light on the Black Death: The Cosmic Connection*. Tempus. 2006. 224 p.

Belich J. *The World the Plague Made: The Black Death and the Rise of Europe.* Princeton University Press. 2022. 640 p.

Benedictow O.J. *The Black Death 1346 – 1352: the complete history.* Woodbrige. 2004. 433 p.

Benedictow O.J. *The Complete History of the Black Death. Melton: Boydell & Brewer, Incorporated*. 2021. 1058 pp.

Biraben J.-N. *Les hommes et la peste en France et dans les pays européens etméditerranéens*. Paris, Mouton. 1975. Vol.1. 480 p.

Brückner E. *Klimaschwankungen seit 1700: nebst Bemerkungen über die Klimaschwankungen der Diluvialzeit.* Geographische Abhandlungen. 1890. Bd. 14. 343 p.

Büntgen U. et al. Tree rings reveal globally coherent signature of cosmogenic radiocarbon events in 774 and 993 CE*. Nature Communications.* 2018. Vol.9, pp. 1-7. DOI: https://doi.org/10.1038/s41467-018-06036-0

Camenisch Ch., Keller K.M. et al. The 1430s: a cold period of extraordinary of extraordinary internal climate variabillity during the early Spörer Minimum with social and economic impacts in north-western and central. *Europe. Climate of the Past.* 2016. Vol.12, no.11, pp.2107–2126. DOI: https://doi.org/10.5194/cp-12-2107-2016

Campbell B.M.S. *The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World.* Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 463 p.

Cantor N.F. *In the wake of the Plague: The Black Death and the World it Made*. New York. 2001. 256 p.

Cohn S.K.Jr. The Black Death: End of a Paradigm. *The American Historical Review*. 2002. Vol.107, no.3, pp. 703-738.

Diamond Ja. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies.* W.W. Norton. 1997.

Häser H. *Geschichte der epidemische Krankheiten. In: Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten*. Jena, 1865. Bd. 1–3. .

Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West.* Cambridge, MA Harvard: University Press. 1997.

Kelly J. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time.* Harper Collins Publishers, 2005. (in English)

Lien-teh Wu, Chun J.W.H., Pollitzer R., Wu C.Y. Plague. *A Manual for Medical and Public Health Workers.* Shanghai. 1936.

McNeill W.H. *Plagues and Peoples.* New York. 1976. 368 p.

Miyake F., Nagaya K., Masuda K., Nakamura T. *A* signature of cosmic-ray increase in AD 774–775 from tree rings in Japan. *Nature.* 2012. Vol.486, iss.7402, pp. 240–242. DOI: https://doi.org/10.1038/nature11123

Pollitzer R. *Plague.* Geneva. 1954.

Postan M.M. *Studies in English Trade in the 15th Century with Eileen Power*. Routledge. 2015. 464 p.

Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., et. al. Early Divergent Strains of Yersinia pestis in Eurasia 5,000 Years Ago. *Cell.* 2015. Vol.163, pp. 571–582. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cell.2015.10.009

Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey.* 1993. No.12(4), pp. 447–457.

Schamiloglu U. *Reflections on Regional Variation in the Impact of the Black Death on the Golden Horde. In: Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah (XIII–XVI vv.).* Kazan: Publishing House "Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2018. Pp. 23–24.

Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol.112(10), pp.3020–3025. DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.1412887112

Skott S., Duncan Ch.J. *Biology of Plague: Evidence from Historical Populations*. Cambrige. 2001. 420 p.

Slavin Ph. Out of the West: Formation of a Permanent Plague Reservoir in South-Central Germany (1349–1356) and Its Implications. *Past & Presen*t. 2021. Vol.252, pp. 3–51. DOI: https://doi.org/:10.1093/pastj/gtaa028

Slavin Ph. From the Tian Shan to Crimea: Dynamics of Plague Spread during the Early Stages of the Black Death, 1338–46. *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2023. Vol.66, pp.513–627. DOI: https://doi.org/10.1163/15685209-12341601

Spyrou M.A., Musralina L., Ruscone G.A.G. et. *al T*he source of the Black Death in fourteenth-century central. *Eurasia. Nature.* 2022. Vol.606 (7915), pp.1–7. DOI: https://doi.org/10.1038/s41586-022-04800-3

Spyrou M.A., Tukhbatova R.I, Feldman M., et. al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics. *Cell Host & Microbe*. 2016. Vol.19, pp.874–881. DOI: https://doi.org/10.1016/j.chom.2016.05.012

Spyrou M.A., Tukhbatova R.I, Wang Ch.-Ch., et. al. Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague*. Nature Communications.* 2018. No.9(2234). pp.1–10. DOI: https://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-944

Sticker G. *Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre.* Band 1: Die Pest. Giessen, A. Töpelmann. 1908, 1068 p.

Артюхин Ю.В. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой Орде и появление Азака. *Боспорские исследования*. 2009. Вып XVI. С.314–334.

Бараш С.И. *История неурожаев и погоды в Европы (по XVI в. н.э).* Ленинград: Гидрометеоиздат. 1989. 237 с.

Боголепов М.А. *О колебаниях климата европейской России в историческую эпоху.* С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. Москва. 1908. 114 с.

Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. *Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы.* Москва: Мысль. 1988. 522 с.

Гумилев Л.Н. Гетерохроность увлажнения Евразии в средние века*. Вестник Ленинградского университета.* 1966. No.18, с.81–90.

Гумилев Л.Н. *Сочинения. Конец и вновь начало.* М.: Библ. информ. об-ние "Танаис": ДИ-ДИК, 1994. 541 с.

Заболотный Д.К. *Организация и результаты обследования эпидемических очагов чумы.* Архив биологических наук. 1922. Т. XXII.

Измайлов И.Л. «*Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм. В: Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII-XVI вв.).* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2018. С. 25–48.

Измайлов И.Л. *Экологические катаклизмы. В: История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 682– 686.

Кульпин-Губайдуллин Э.С. *Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации.* Москва: Московский лицей, 1998. 240 с.

Нефедов С.А. *История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой смуты.* Москва: Издательский дом «Территория будущего». 2010. 376 с.

Хайдаров Т.Ф. Роль ордынско-русской политии и крупных эпидемических вспышек чумы в истории татар. *В: Золотоордынское наследие. Сборник статей Международной научной конференции, посвященной 700-летию со дня рождения средневекового поэта Сейфа Сарай и заседаний триптиха.* Казань: Изд-во «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстана. 2021. Вып. 4. С. 190–226.

Хайдаров Т.Ф*. Рубикон Золотой Орды. Золотоордынское обозрение.* 2016. Т.4, no.2, С. 314 –335.

Хайдаров Т.Ф. *Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.)*. Казань: Изд-во «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2018. 304 с.

Хантемиров Р. М. События Мияке: обзор современного состояния исследований. *Лесотехнический журнал.* 2023. Т.13, no.4(52), ч.2, с.174–211. DOI: https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2023.4/23.

Чижевский А.Л. *Земное эхо солнечных бурь.* Москва: Мысль. 1976. 240 с.

Чижевский А.Л. *Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца*. Москва: Изд.-во Всероссийского общества врачей-гомеопатов. 1930. 172 с.

Шамильоглу Ю. *Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество и цивилизация. В: Золотая Орда в мировой истории.* Казань: Изд-во «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2016. с. 670–694.

Шамильоглу Ю. *Черная смерть и ее последствия. В: История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV вв.* Казань: Изд-во «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2009. С.689-690.

References

Bacci M. *La popolazione nella storia D'Europa.* Roma-Bari, 1998. 306 p. (in Italian)

Bailie M.G.L. *New Light on the Black Death: The Cosmic Connection*. Tempus. 2006. 224 p. (in English)

Belich J. *The World the Plague Made: The Black Death and the Rise of Europe.* Princeton University Press. 2022. 640 p. (in English)

Benedictow O.J. *The Black Death 1346 – 1352: the complete history.* Woodbrige. 2004. 433 p. (in English)

Benedictow O.J. *The Complete History of the Black Death. Melton: Boydell & Brewer, Incorporated*. 2021. 1058 p. (in English)

Biraben, J.-N. *Les hommes et la peste en France et dans les pays européens etméditerranéens.* Paris, Mouton. 1975. Vol.1. 480 p. (in French)

Brückner E. *Klimaschwankungen seit 1700: nebst Bemerkungen über die Klimaschwankungen der Diluvialzeit.* Geographische Abhandlungen. 1890. Bd. 14. 343 p. (in German)

Büntgen U. et al. Tree rings reveal globally coherent signature of cosmogenic radiocarbon events in 774 and 993 CE. *Nature Communications. 2018*. Vol.9, pp. 1–7. https://doi.org/10.1038/s41467-018-06036-0 (in English)

Camenisch Ch., Keller K.M. et al. The 1430s: a cold period of extraordinary of extraordinary internal climate variabillity during the early Spörer Minimum with social and economic impacts in north-western and central Europe. *Climate of the Past.* 2016. Vol.12, no.11, pp. 2107–2126. DOI: https://doi.org/10.5194/cp-12-2107-2016 (in English)

Campbell B.M.S. *The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World.* Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 463 p. (in English)

Cantor N.F. *In the wake of the Plague: The Black Death and the World it Made*. New York. 2001. 256 p. (in English)

Cohn S.K.Jr. The Black Death: End of a Paradigm. *The American Historical Review.* 2002. Vol.107, no 3, pp.703–738. (in English)

Diamond Ja. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies.* W.W. Norton. 1997. (in English)

Häser H. *Geschichte der epidemische Krankheiten. In: Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten*. Jena. 1865. Bd. 1–3. (in German)

Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West. Cambridge, MA Harvard: University Press.* 1997. (in English)

Kelly J. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time.* Harper Collins Publishers. 2005. (in English)

Lien-teh Wu, Chun J.W.H., Pollitzer R., Wu C.Y. Plague. *A Manual for Medical and Public Health Workers.* Shanghai. 1936. (in English)

McNeill W.H. *Plagues and Peoples.* New York. 1976. 368 p. (in English)

Miyake F., Nagaya K., Masuda K., Nakamura T. A signature of cosmic-ray increase in AD 774–775 from tree rings in Japan. *Nature.* 2012. Vol.486, iss.7402, pp. 240–242. https://doi.org/10.1038/nature11123 (in English)

Pollitzer R. *Plague.* Geneva. 1954. (in English)

Postan M.M. *Studies in English Trade in the 15th Century with Eileen Power. Routledge.* 2015. 464 p. (in English)

Rasmussen S., Allentoft M., Nielsen K., et. al. Early Divergent Strains of Yersinia pestis in Eurasia 5,000 *Years Ago. Cell.* 2015. Vol.163, pp.571–582. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cell.2015.10.009 (in English)

Schamiloglu U. *Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde.* Central Asian Survey. 1993. No.12(4), pp. 447–457. (in English)

Schamiloglu U. *Reflections on Regional Variation in the Impact of the Black Death on the Golden Horde. In: Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah (XIII–XVI vv.).* Kazan: Publishing House "Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2018. Pp. 23–24. (in English)

Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences.* 2015. Vol.112(10), pp.3020–3025. DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.1412887112 (in English)

Skott S., *Duncan Ch.J. Biology of Plague: Evidence from Historical Populations*. Cambrige. 2001. 420 p. (in English)

Slavin Ph. Out of the West: Formation of a Permanent Plague Reservoir in South-Central Germany (1349–1356) and Its Implications. *Past & Present*. 2021. Vol.252, pp.3–51. DOI: https://doi.org/:10.1093/pastj/gtaa028 (in English)

Slavin Ph. From the Tian Shan to Crimea: Dynamics of Plague Spread during the Early Stages of the Black Death, 1338–1346*. Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2023. Vol.66, pp.513–627. DOI: https://doi.org/10.1163/15685209-12341601 (in English)

Spyrou M.A., Musralina L., Ruscone G.A.G. et. al The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia. *Nature.* 2022. Vol.606 (7915), pp.1–7. DOI: https://doi.org/10.1038/s41586-022-04800-3 (in English)

Spyrou M.A., Tukhbatova R.I, Feldman M., et. al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics. *Cell Host & Microbe.* 2016. Vol.19, pp.874–881. DOI: https://*doi.org/10.1016/j.chom.2016.05.012* (in English)

Spyrou M.A., Tukhbatova R.I, Wang Ch.-Ch., et. al. Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague. *Nature Communications*. 2018. No.9(2234), pp.1–10. DOI: https://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-944 (in English)

Sticker G. *Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre.* Band 1: Die Pest. Giessen, A. Töpelmann. 1908, 1068 p. (in German)

Artyuhin Yu.V. *Prirodnye kataklizmy kak odna iz prichin «Velikoj zamyatni» v Zolotoj Orde i poyavlenie Azaka.* Bosporan studies. 2009. Vol.XVI. Pp. 314–334. (in Russian)

Barash S.I. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evropy (po XVI v. n.e).* Leningrad: Gidrometeoizdat. 1989. 237 p. (in Russian)

Bogolepov M.A. *O kolebaniyah klimata evropejskoj Rossii v istoricheskuyu epohu. S prilozheniem materialov, izvlechennyh iz russkih letopisej.* Moscow., 1908. 114 p. (in Russian)

Borisenko E.P., Paseckij V.M. *Tysyacheletnyaya letopis' neobychajnyh yavlenij prirody.* Moscow: Mysl. 1988. 522 p. (in Russian)

Gumilev L.N. Geterohronost' uvlazhneniya Evrazii v srednie veka. *Bulletin of the Leningrad University.* 1966. No.18, pp.81–90. (in Russian)

Zabolotnyj D.K. *Organizaciya i rezul'taty obsledovaniya epidemicheskih ochagov chumy.* Archive of Biological Sciences. 1922. Vol. XXII. (in Russian)

Izmajlov I.L. *«Chernaya smert'» i krizis v Uluse Dzhuchi: ideal'nyj shtorm. Epidemii i prirodnye kataklizmy. In: Epidemics and natural disasters in the Golden Horde and adjacent territories (XIII–XVI centuries).* Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2018. Pp. 25–48. (in Russian)

Izmajlov I.L. *Ekologicheskie kataklizmy. In: The history of the Tatars from ancient times. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde) XIII – mid XV century*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009. Pp. 682–686. (in Russian)

Kul'pin-Gubajdullin E.S. *Ekologicheskij kriterij civilizovannosti. Zolotaya Orda: fenomen stepnoj gorodskoj civilizacii.* Moscow: Moscow Lyceum, 1998. 240 p. 2004. Pp. 127–158. (in Russian)

Nefedov S.A. *Istoriya Rossii. Faktornyj analiz.* Vol. 1. S drevnejshih vremen do Velikoj smuty. Moscow: Publishing house "Territory of the future". 2010. 376 p. (in Russian)

Khaydarov T.F. Rol' ordynsko-russkoj politii i krupnyh epidemicheskih vspyshek chumy v istorii tatar. In: *The Golden Horde heritage. Collection of articles of the International Scientific Conference dedicated to the 700th anniversary of the birth of the medieval poet Seif Sarai and meetings of the triptych.* Kazan: Publishing House "Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2021. Iss. 4. Pp. 190–226. (in Russian)

Khaydarov T.F. Rubikon Zolotoj Ordy. *The Golden Horde Review.* Kazan: Publishing House "Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. Vol.4, no.2, pp.314–335. (in Russian)

Khaydarov T.F. *Epoha «Chernoj smerti» v Zolotoj Orde i prilegayushchih regionah (konec XIII – pervaya polovina XV vv.).* Kazan: Publishing House "Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. 304 p.

Khantemirov R.M. Sobytiya Miyake: obzor sovremennogo sostoyaniya issledovanij. *Forestry engineering magazine.* 2023. Vol.13, no.4(52), part.2, pp.174–211. DOI: https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2023.4/23. (in Russian)

Chizhevskij A.L. *Zemnoe ekho solnechnyh bur'.* Moscow: Mysl. 1976. 240 p. (in Russian)

Chizhevskij A.L. *Epidemicheskie katastrofy i periodicheskaya deyatel'nost' Solnca.* Moscow: Publishing House of the All-Russian Society of Homeopathic Physicians. 1930. 172 p. (in Russian)

Shamil'oglu U. *Vliyanie Chernoj smerti na Zolotuyu Ordu: politika, ekonomika, obshchestvo i civilizaciya.* In: The Golden Horde in world history. Kazan: Publishing House of the Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. Pp. 670-694. (in Russian)

Shamil'oglu U. *Chernaya smert' i ee posledstviya In: The history of the Tatars from ancient times: in seven volumes.* Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde) XIII – mid XV centuries. Kazan: Publishing House "Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2009. Pp. 686-690. (in Russian)

Information about the author

Timuor F. Khaydarov – Chief Researcher, "Scientific Institute for the Study of the Jochi Ulus" Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B Pushkin str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State University, 49 Butlerov str., Kazan, 420012, Russian Federation, Volga Federal District, Republic of Tatarstan. https://orcid.org/0000-0003-1909-5727, timkh2000@yandex.ru

Автор туралы мәліметтер

Тимур Фаритұлы Хайдаров – бас ғылыми қызметкер, "Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты" шаруашылық жүргізу құқығындағы республикалық мемлекеттік кәсіпорны Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті, 010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Пушкин к-сі. 15Б.) Тарих ғылымдарының кандидаты, Қазан мемлекеттік университетінің тарих, философия және әлеуметтану кафедрасының доценті, 420012, Ресей Федерациясы, Еділ федералды округі, Татарстан Республикасы, Қазан қаласы, Бутлеров көшесі, 49-үй, https://orcid.org/0000-0003-1909-5727, timkh2000@yandex.ru

Сведения об авторе

Тимур Фаритович Хайдаров – главный научный сотрудник, кандидат исторических наук, «Научный институт изучения Улуса Джучи» Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина, 15 Б; кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного университета, 420012, Российская Федерация, Приволжский федеральный округ, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 49. https://orcid.org/0000-0003-1909-5727, timkh2000@yandex.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 20.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication 01.03.2025.

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Research Article
IRSTI 03.20.

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.90.104

Colonial Mediation in the Biographical Discourse of Kazakh Steppe Elites (mid-19th to early 20th Century)

Zh. Absattarova[a], Zh. Mazhitova[b]✉, J. Omurova[c]
[a]*Karaganda University of the name of academician E.A.Buketov, Karaganda, Kazakhstan*
[b]*JSC "Astana Medical University", Astana, Kazakhstan*
[c]*Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan*
✉ *zhanna013013@gmail.com*

Abstract. The subject of the author's research is the representation in the discourse of biographies of Kazakh titled nobles of the Russian intelligentsia's ideas about the integration of the indigenous population of Central Asia into the system of social communication on the outskirts of the empire. The imperial power delegated to its experts – public figures, officials, scientists – the right of paternalistic tutelage over the new subjects to form a community of colonial mediators and to fulfil the tasks of empire-building in the situation of ethno-cultural diversity characteristic of the peripheral regions. The aim of the study is to reveal the content of the discourse of personal biographies of representatives of the Kazakh steppe aristocracy, constructed in the memoirs of imperial experts and recording the inclusion of these figures in the process of colonial mediation in the Central Asian regions in the second half of the 19th – early 20th centuries. A discourse on the biographies of Ch. Valikhanov, I.A. Altynsarin, and G.B. Valikhanov as presented in the memoirs of the Russian Federation. Valikhanov in the memoirs of Russian intellectuals, mastered by the methods of metacriticism and deconstruction of texts, made it possible to shift the research 'optics' from the trivial perception of the actors of the Kazakh social movement as foreigners in the service of the Russian Empire to the reception of their complex, often dual identity, which manifested itself on the one hand in the adoption of behavioural conventions of the Russian society, on the other – in the preservation and subsequent strengthening of ethno-cultural features of their own people. In the course of the study of the discourse of biographies, it was established that the phenomenon of colonial mediation was determined by the specifics of the integration of the titled nobility into the administrative, educational and social structures of Russia in the Central Asian region. This process was carried out in accordance with the Eurocentric ideas of the educated circles of the Russian Empire, which were moulded into an understanding of the Asian periphery as 'Russia's own East' and the indigenous population as 'its own foreigners' in relation to whom a model of intellectual and moral guardianship should be implemented. Cultural regeneration by means of Russian education and upbringing had an external effect and created a situation of quasi-comfort for the prominent leaders of the steppe aristocracy. As biographers themselves had to admit in their memoirs, within the line of personal and socio-political biography of prominent Kazakhs, there was a clear tendency to strengthen the national-cultural component of identity, which was expressed in the revision of attitudes and life values formed as a result of Russian influence.

[a]©Absattarova Zh., Mazhitova Zh., Omurova J., 2025

Keywords: mediation; colonization; nobility; discourse; biographies; identity; intelligentsia; Empire; Asia; “foreigners”

For citation: Absattarova Zh., Mazhitova Zh., Omurova J. Colonial Mediation in the Biographical Discourse of Kazakh Steppe Elites (mid-19th to early 20th Century). *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, pp.90-104. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.90.104

Феномен колониального посредничества в дискурсе биографий элит Казахской степи второй половины XIX – начале XX вв.

Ж. Абсаттарова[a], Ж. Мажитова[b], Ж. Омурова[c]

[a]Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда Казахстан

[b]НАО «Медицинский университет Астана», Астана Казахстан

[c]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Предметом исследования авторов является репрезентация в дискурсе биографий казахской титулованной знати представлений российской интеллигенции об интеграции коренного населения Центральной Азии в систему социальной коммуникации на окраинах империи. Имперская власть делегировала своим экспертам – общественным деятелям, чиновникам, учёным – право патерналистской опеки над новыми подданными с целью формирования сообщества колониальных посредников и выполнения задач империостроительства в ситуации этнокультурного разнообразия, характерного для периферийных регионов. Цель исследования заключается в раскрытии содержания дискурса личных биографий представителей казахской степной аристократии, конструируемых в воспоминаниях имперских экспертов и фиксировавших включённость этих фигур в процесс колониального посредничества в центрально-азиатских регионах во второй половине XIX – начале XX вв. Дискурс биографий Ч.Ч. Валиханова, И.А. Алтынсарина, Г.Б. Валиханова в воспоминаниях российских интеллектуалов, осваиваемый методами метакритики и деконструкции текстов, дал возможность переместить исследовательскую «оптику» от тривиального восприятия акторов казахского общественного движения как инородцев на службе Российской империи к рецепции их сложной, часто дуальной идентичности, что проявлялось, с одной стороны, в принятии поведенческих конвенций русского социума, с другой – в сохранении и последующем укреплении этнокультурных признаков собственного народа. В ходе исследования дискурса биографий было установлено, что феномен колониального посредничества определялся спецификой интеграции титулованной знати в административную, образовательную и общественную структуры России в центрально-азиатском регионе. Данный процесс осуществлялся в соответствии с европоцентристскими представлениями образованных кругов Российской империи, которые отливались в понимание азиатской периферии как «собственного Востока России», а коренного населения – как «своих инородцев», по отношению к которым должна реализовываться модель интеллектуальной и моральной опеки. Культуртрегерство средствами русского образования и воспитания влекло за собой внешний эффект и создавало ситуацию квазикомфорта для выдающихся лидеров степной аристократии. Как вынуждены были признать сами биографы в своих воспоминаниях, в рамках линии личной и общественно-политической биографии выдающихся казахов наблюдалась

отчётливая тенденция к усилению национально-культурной компоненты идентичности, что находило выражение в пересмотре сложившихся в результате русского влияния установок и жизненных ценностей.
Ключевые слова: посредничество; колонизация; знать; дискурс; биографии; идентичность; интеллигенция; империя; Азия; «инородцы»

Для цитирования: Абсаттарова Ж., Мажитова Ж., Омурова Ж. Феномен колониального посредн редничества в дискурсе биографий элит Казахской степи второй половины XIX – начале XX вв. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Т.1, no.10, с.90-104. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.90.104

XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басындағы Қазақ даласының элита өмірбаянындағы дискурстың отаршылдық делдалдық феномені

Ж. Абсаттарова[a], Ж. Мажитова[b], Ж. Омурова[c]
[a]Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан
[b]КеАҚ «Астана медицина университеті», Астана, Қазақстан
[c]Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек, Қырғызстан

Аңдатпа. Ресейлік зиялы қауымның Орталық Азияның байырғы тұрғындарын империяның шетіндегі әлеуметтік коммуникация жүйесіне интеграциялау туралы Қазақ атақты дворяндарының өмірбаяндарының дискурстағы өкілдігі автордың зерттеу пәні болып табылады. Империялық билік өзінің сарапшыларына – қоғам қайраткерлеріне, шенеуніктерге, ғалымдарға отаршыл делдалдар қауымдастығын құру және перифериялық аймақтарға тән этномәдени әртүрлілік жағдайында империялық құрылыс міндеттерін орындау мақсатында жаңа субъектілерге патерналистік қамқоршылық құқығын берді. Зерттеудің мақсаты – XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында Орталық Азия аймақтарындағы отаршылдық делдалдық процесіне осы тұлғалардың енгізілуін тіркеген империялық сарапшылардың естеліктерінде құрылған қазақ дала ақсүйектері өкілдерінің жеке өмірбаяндары дискурсының мазмұнын ашу. Ш.Ш. Уәлиханов, Ы.А.Алтынсарин, Г.Б. Уәлихановтың өмірбаяндарының мета-критика және мәтіндерді деконструкциялау әдістерімен игерілген орыс зиялыларының естеліктеріндегі дискурсы зерттеу «оптикасын» қазақ қоғамдық қозғалысы актерлерінің Ресей империясының қызметіндегі бөтен адамдар ретінде тривиальды қабылдауынан олардың күрделі, жиі дуальды сәйкестігін қабылдауға, орыс қоғамының мінез-құлық конвенцияларын қабылдауға мүмкіндік берді. Бұл бір жағынан Ресей империясының қызметінде көрінді, екінші жағынан-өз халқының этномәдени белгілерін сақтау және кейіннен нығайтуында байқалды. Өмірбаяндар дискурсын зерттеу барысында отаршылдық Медиация феномені Орталық Азия аймағындағы Ресейдің әкімшілік, Білім беру және қоғамдық құрылымдарына титулды дворяндардың интеграциясының ерекшелігімен анықталғаны расталды. Бұл процесс Ресей империясының білімді топтарының еуроцентристік идеяларына сәйкес жүзеге асырылды, олар азиялық перифериияны «Ресейдің өзіндік шығысы», ал байырғы тұрғындарды «өздерінің шетелдіктері» ретінде түсінуге мүмкіндік берді, оларға қатысты зияткерлік және моральдық қамқоршылық моделі жүзеге асырылуы керек. Орыс білімі мен тәрбиесі арқылы мәдениеттану сыртқы әсерге алып келді

және дала ақсүйектерінің көрнекті көшбасшылары үшін квази-жайлылық жағдайын тудырды. Өмірбаяндардың өздері өз естеліктерінде мойындауға мәжбүр болғандай, көрнекті қазақтардың жеке және қоғамдық-саяси өмірбаяны аясында ұлттық-мәдени бірегейлік компоненттерін күшейтудің айқын тенденциясы байқалды, бұл орыс ықпалының нәтижесінде қалыптасқан көзқарастар мен өмірлік құндылықтарды қайта қарауда көрініс тапты.
Түйін сөздер: делдалдық; отарлау; дворяндар; дискурс; өмірбаян; бірегейлік; зиялылар; империя; Азия; «шетелдіктер»

Introduction

The implementation of Russia's imperial projects in Central Asia took various forms, with colonial mediation playing a significant role. This process involved the integration of local representatives, primarily from aristocratic families, into the administrative, socio-economic, and cultural initiatives of the Russian Empire in peripheral regions. It is essential to recognize that knowledge production in these ethnic peripheries was not solely the domain of Russian administrators. The effectiveness of imperial governance, particularly in the early stages of colonization, depended on the ability to establish relationships, negotiate, and make diplomatic concessions.

In its efforts to modernize Central Asia, Russia relied heavily on the support of local elites, who gradually assumed key roles as translators, military personnel, and officials. Unlike ordinary nomadic tribesmen, steppe aristocrats possessed higher levels of education, military training, financial resources, and a broader worldview. These attributes positioned them as intermediaries between the colonial administration and nomadic communities, compelling the imperial bureaucracy to acknowledge them as knowledge bearers – even if their expertise was considered "native" (Sartori, Chablay 2019: 38-39). At the same time, their engagement with the imperial government, participation in the Russian education system, and involvement in secular and military training were counterbalanced by a strong commitment to preserving their national identity.

An appeal to personal biographies and the construction of life trajectories of key figures within national elites in socio-political discourse, in our view, offers valuable insights into the phenomenon of colonial mediation in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries – an issue that this study seeks to explore. This approach is productive not only in examining the contributions of aristocratic community leaders to Russian imperial expansion and the factors behind their involvement in administrative and educational initiatives in the empire's eastern peripheries, but also in analyzing how imperial experts perceived this group and how steppe aristocrats constructed their self-identity within the context of cultural exchange. This perspective allows them to be understood as a consolidated community of the national intelligentsia.

Materials and methods

The source base of this article consists of published memoirs of Russian scholars, public figures, and politicians who reflected on their intellectual interactions with the leaders of

the steppe aristocracy over an extended chronological period (including N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, N.I. Ilminsky, N.I. Veselovsky, and others). The identification of key figures in biographies – prominent representatives of the Kazakh intelligentsia – was conducted based on two fundamental principles: first, that the subject of a biographical work is a product of their time, acting in accordance with its norms and rules; and second, that the biographer is also influenced by the conventions of their era, shaping their portrayal through the lens of contemporary institutions.

Adhering to these principles allowed us to shift the analytical focus from the purely event-driven nature of the sources to uncovering the emotional and intellectual dimensions of the biographies of iconic figures in Kazakh society – Ch.Ch. Valikhanov, I.A. Altynsarin, and G.B. Valikhanov. This approach helped clarify the circumstances surrounding their personal development, inner world, and behavioral practices, thereby defining their functional role as colonial intermediaries between imperial structures and ethnic communities in Central Asia during the second half of the nineteenth and early twentieth centuries.

Methodologically, this article is positioned at the intersection of modern historical approaches, including new biographical history and new cultural and intellectual histories. This framework necessitated the use of both the biographical method and the method of discourse deconstruction. The biographical method, developed by sociologists and widely applied in contemporary historical source studies (Pavlova 1995; Repina 2010), enabled an in-depth exploration of the "inner world" of biographical subjects. It facilitated the reconstruction of their engagement in historical processes and intellectual exchanges – both within their own group and with representatives of other communities. Additionally, this method allowed for a comparative analysis of perspectives from all "witnesses", who collectively contributed to shaping the biographical narratives of these figures.

The method of discourse deconstruction allowed for an analysis of the biographies of Kazakh intellectuals through the lens of metacriticism (Rusakova 2001: 47). This approach, based on the principle of reading as an experiential process, shifts the research focus from merely reconstructing historical events to assessing various states – personal experiences of the text's authors, the socio-cultural background of the era, and the subjectivity of biographical narrative figures.

Results

In the 18th and 19th centuries, Russia not only firmly pursued the imperial organization of its political and socio-cultural space ¬– implementing practices of domination and coercion over its subjects – but also sought to engage with the intellectual challenges of the Enlightenment, a movement that had unfolded across Western Europe. Within the Russian public sphere, this educational project materialized in the formation of a thinking class – the intelligentsia – which, by the 1830s-1840s, actively participated in the pan-European discourse on civilized and uncivilized peoples. An integral part of this discourse was a distinctly national segment: reflections on Russia's past, present, and future, its place and role in global and European contexts, and the mechanisms of cultural interaction amid the ethnic and religious diversity of territories undergoing internal colonization within the broader imperial framework.

During the era of Catherine II and her successors, a segment of Russia's political elite began

to identify itself as European, a worldview closely tied to the autocratic government's vision of Russia as a colonial empire. Since the formation of the centralized Moscow state, Russian sovereigns and the ruling class had been preoccupied with legitimizing their authority. In this context, the annexation of vast Central Asian territories – strategically positioned within Russia's geopolitical interests – served two key purposes. First, territorial expansion placed the Russian Empire on par with the European colonial powers. Second, the sheer scale of imperial expansion, first under the Moscow sovereigns and later the Russian emperors, provided a level of control over subjects that, to a significant extent, compensated for the autocracy's lack of legitimacy.

Within this framework, Russia – perceived by Western European intellectuals as part of the uncivilized world – sought to bridge this gap by constructing, in V. Tolz's terms, its "own East" (Tolz 2013), the possession of which functioned as a kind of passport to the civilized world. At the same time, it is important to recognize that the Russian Empire's military expansion into Central Asia in the 1860s-1870s, specifically into the Steppe Region and Turkestan, was not a spontaneous endeavor. It required clearly formulated strategies for the administrative governance of newly acquired territories and, more significantly, projects for the cultural integration of the numerically dominant indigenous population into the broader imperial framework.

It should be noted that scenarios and projects for the imperial colonization of the peripheries, particularly Central Asia, were developed and refined within Russian socio-political discourse. This discourse was shaped by Oriental scholars, bureaucrats at various levels, publicists, writers, and other intellectuals. Notably, since the 1840s, Russia's Asian periphery – conceived as an organically connected "own East" – became a central element of these discursive practices. The vision of Russia's role in shaping relations with this region was articulated by the orientalist and government official V.V. Grigoriev, who wrote: "...Can there be on earth a higher, nobler vocation for Russia than to preserve, organize, and enlighten the tribes of Asia… to elevate them, assimilate them, and merge them into one great, holy family?" (Grigoriev 1840: 7-8). As an advocate of orientalist ideology, Grigoriev believed that Russia's future depended on its people as bearers of knowledge who would "teach the rude children of forests and steppes to recognize the benefits of law, to value citizenship above the lures of self-willed freedom" (Grigoriev 1840: 7).

In the 1870s, the confidence of orientalist theorists in the Russian people's civilizing mission in the empire's eastern peripheries, including Central Asia – then at the center of the Russian Empire's colonial expansion – was reinforced by the widespread ideology of the "little motherland" and the theory of "small deeds" in Russian educated society. These concepts became integral to the cultural identity of the advanced nobility, though they remained somewhat incongruous elements within the broader imperial framework. The ideology of the "little motherland," in the context of territorial expansion through colonization, aimed to foster a sense of local territorial and national identity among the populations of remote regions, which was expected to later serve as the foundation of imperial identity. Meanwhile, the theory of "small deeds," which gained traction among the educated elite, promoted active engagement in studying the ethnography, lifestyles, cultural habits, economic structures, and legal systems of the diverse peoples inhabiting the Russian Empire.

Although Russia's political program in Central Asia was broad and largely unformalized, three fundamental principles clearly shaped the logic of its colonization efforts in ethnoregions.

These included: establishing an administrative and political system adapted to local conditions; integrating economic practices with a dominant focus on agriculture, which inherently involved initiating the sedentarization of the nomadic population; and erasing cultural differences to create a "greater Russian nation" through educational policies and economic-cultural management (Katkov 2009). Achieving this set of interrelated objectives in Central Asia required the creation of multiple channels of communication with the large indigenous population. The relationship between imperial authorities and local communities could not rely solely on direct violence and legal restrictions but necessitated more complex mechanisms of interaction and negotiation.

The central figures of this article are prominent military, state, and public figures of the Russian Empire – representatives of the aristocratic communities of the Kazakh Steppe: Chokan Valikhanov (1835-1865), Ibrai Altynsarin (1841-1889), and Gabdulkhai Valikhanov (1842-1903). A unifying characteristic of their identity was their belonging to the privileged stratum of Kazakh society and the emerging national aristocracy, whose formation took place during the 1860s-1870s. This period marked a rapid transformation in the status of the Kazakh Steppe within the Russian Empire, as it was increasingly integrated into the imperial system of governance and control.

Thus, the personal, professional, and socio-cultural identities of these future leaders of the steppe aristocracy were shaped within the context of a new imperial reality, which P. Sartori and P. Shabley define as a frontier space. This frontier status significantly influenced the dynamics between the indigenous population – numerically dominant in the region – and the imperial authorities, as well as the evolving society formed through migration.

It is possible to speak of the emergence of a Europeanized Kazakh intelligentsia that sought the most viable forms of coexistence between Kazakhs and other peoples of the steppe. On the one hand, they recognized the inevitability of imperial dominance over their people; on the other, they aspired to guide them through Russian culture toward the achievements of European civilization. This dual understanding drove the intelligentsia to explore forms of interaction between Kazakh and Russian social spheres that would promote enlightenment while preserving Kazakh cultural identity within the empire. It is important to note that this emerging elite embodied a fusion of traditional worldviews with European education (Mazhitova 2015: 32)

One of the defining characteristics of the socio-cultural landscape in frontier zones, including the Steppe Region, was the active involvement of the Russian central and regional intelligentsia in the imperial government's population policies. Orientalists, public figures, writers, publicists, secular bureaucrats, and church ministers – seeing themselves as "civilizers of the East" in line with the prevailing ideology – viewed their primary task as erasing cultural differences between the colonialists, whom they regarded as bearers of knowledge, and the indigenous peoples, to whom this knowledge was intended. The prominent orientalist and educator N.I. Ilminsky, who developed a system of education for indigenous peoples in their native languages, wrote: "It is necessary to start from the beginning with foreigners, and to look at the mass of foreigners as children who have gathered to study and to whom the teacher must teach elementary knowledge, develop their minds, and educate their religious feelings" (Ilminsky 1875: 6-7). Similarly, the Siberian liberal and regionalist N.M. Yadrintsev, who referred to the indigenous Asian population of Russia as "younger brothers", argued that "if they show their abilities, then universal human rights and the benefits of higher human existence cannot be denied to them" (Yadrintsev 2000: 8). The common thread among the Europeanized Russian intelligentsia in

their perception of so-called uncivilized peoples was the belief in "raising their own foreigners" – a process aimed at transforming and civilizing them while preserving their national and cultural identity (Gerasi 2013: 101).

For the biographers of our central figures, the ideal of "one's own foreigner" was shaped through direct interaction with a mentor – an educator and Kulturträger responsible for guiding their protégé's intellectual and cultural "maturation". N.I. Veselovsky, in a note preceding the publication of Ch.Ch. Valikhanov's articles and his friends' memoirs, compared Valikhanov to a brilliant meteor that briefly illuminated the field of Oriental studies. He also emphasized the pivotal role of Governor-General G.H. Gasfort, whose patronage served as a gateway for the young Kazakh into the Russian world (Veselovsky 1904: I). Recollections of Ch.Ch. Valikhanov's close friends, G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev, convey deep admiration for his exceptional abilities, yet also reflect a patronizing attitude, portraying him as a "maturing" foreigner initially constrained in his freedom of choice. Yadrintsev, for instance, recalled: "Chokan was brought to Omsk in the autumn of 1847 and did not know a word of Russian" (Yadrintsev 1904: VI). Similarly, Potanin noted that in his early years at the Siberian Cadet Corps, Chokan's command of Russian remained weak, but he spoke eloquently about Kyrgyz life, prompting Potanin to begin keeping his own ethnographic notes (Potanin 1968: 543). The construction of the "other" in Potanin's memoirs is particularly evident in his account of Valikhanov's early graduation from the Cadet Corps – a year ahead of his peers. Potanin reports this as a matter-of-fact event, without apparent recognition of its discriminatory nature: "Chokan graduated a year early because the final-year curriculum included specialized military sciences – tactics, fortification, artillery – and the government deemed it dangerous to introduce these subjects to foreigners" (Potanin 1968: 544).

In N.I. Ilminsky's memoirs, the story of Ibragim Altynsarin, grandson of Balgodzhi biy, provides a detailed account of the communicative environment that shaped the personal development of the young graduate of the Russian-foreign school, who began his service in 1859 as a junior interpreter for the Regional Administration. Notably, Altynsarin came under the patronage of the prominent Russian orientalist V.V. Grigoriev. As a translator in Grigoriev's service, he was introduced to the educated community, where he befriended N.I. Ilminsky and his circle, including Ilminsky's family. It was within this household environment that elements of exoticism and paternalism toward the "other" – perceived as progressing toward civilization—became most evident: "From morning until lunch, the ladies engaged in needlework while Altynsarin read works of fiction aloud to them. When he mispronounced a word or encountered an unfamiliar term, the listeners corrected and explained it to him, and the reading was constantly interrupted by conversation. Over time, Altynsarin became so accustomed to our company and so close to us that he accepted our invitation to stay for dinner, despite his extreme shyness and conscientiousness" (Ilminsky 1891: 21–22). Russian intellectuals generally portrayed the "maturation" of Kazakh aristocrats in their memoirs as a positive phenomenon. However, excessive guardianship often had negative emotional consequences for those introduced to an unfamiliar culture. For instance, when Altynsarin sought to meet with N.I. Ilminsky, he took leave from his duties under V.V. Grigoriev, citing the need to drink koumiss at the headquarters of Chulak Aybasov, fearing his patron's disapproval. During their meeting, he attempted to enact a humorous "recognition" scene, squatting in his caravan according to Kyrgyz custom. However, upon seeing Ilminsky, "...he became so agitated that he burst into shouting and screaming"

(Ilminsky 1891: 29). An essay on Ilminsky and Altynsarin's relationship, published in the Orthodox Evangelist in 1894, reflects the broader perception of Russian intellectuals regarding their role in shaping Kazakh elites. The editor of a series of articles on the topic wrote: "After their very first meeting, thanks to his unparalleled ability to win people's hearts, N.I. completely endeared himself to this young and handsome Kyrgyz, bringing him under his spiritual influence. Gradually, he educated and molded him into a remarkable figure in the field of Kyrgyz education in the Russian direction" (Episode from Enlightenment Activities 1894: 26).

The article by P.V. Bykov (Bykov 1891) provides a brief biographical account of the life and professional career of Russian military officer Gazi Bulatovich Valikhanov, a full member of the Imperial Russian Geographical Society and grandson of Sultan Gubaidulla, the last khan of the Great and Middle Kirghiz-Kaysak (Kazakh) hordes. His biography suggests a familiar pattern in which a steppe aristocrat was integrated into Russian society through guardianship and patronage from the empire's highest official bureaucracy. Notably, the patronage extended by senior regional officials to the descendants of the titled nobility served different objectives. G. Valikhanov's grandfather, Sultan Gubaidulla, had a contentious relationship with Russian authorities, openly resisting the imperial administration by refusing to accept gifts. As a result, he was exiled to Berezov in the Tobolsk province. In contrast, his son Bulat accepted gifts, obtained the rank of major, and, like many other steppe aristocrats, was encouraged by the West Siberian Governor-General G.H. Gasfort to have his son, Gazi, receive a Russian education at the Siberian Cadet Corps. It can be assumed that Gasfort's patronage was driven not only by benevolence but also by pragmatic concerns – specifically, mitigating the influence and authority of Gubaidulla's descendants within Kazakh society. The paternalistic approach to integrating aristocratic representatives followed a well-established model: offering them a Russian education with a shortened course in military sciences, assigning them to service in major Siberian cities, and, in G. Valikhanov's case, securing his continued work in St. Petersburg. Once their loyalty to the Russian government was confirmed, they were entrusted with more complex responsibilities, including personal assignments from the governor related to mediation in foreign environments. Unlike Ch. Valikhanov and I. Altynsarin, who were more inclined toward civil service, G. Valikhanov built his professional career in the military, which significantly shaped his social circle. While Ch.Ch. Valikhanov and I. Altynsarin received patronage primarily from Siberian regionalists focused on education and enlightenment, G. Valikhanov's connections were predominantly within the conservative military establishment. However, in the later years of his life, his social circle in St. Petersburg expanded to include politically engaged intellectuals such as Mambetali Seidalin, an economist and lawyer educated at St. Petersburg University, Aidarkhan Turlybaev, a graduate of the university's Law Faculty, and Shaimerden Kosshygulov. All three were later classified as politically unreliable due to their involvement in the Alash movement (Nurkina 2023: 235).

The Russian intelligentsia's interaction with prominent representatives of ethnic elites was expected by their patrons to result in the formation of a consolidated community of colonial intermediaries – educated in the European model, loyal to imperial power, yet maintaining ties with their native communities. These figures, embodying a hybrid identity, were intended to serve as cultural and political bridges. However, in reality, these interactions led to far more complex consequences.

Firstly, in the harmonious monologue of memoirists recounting the achievements of steppe aristocrats – whose successes were attributed to the support of Russian public and political

figures – the voices of subalterns gradually emerged. Over time, these figures developed sufficient professional competence to emancipate themselves from their mentors, formulate their own perspectives, and make independent decisions. It is evident that the historical and genealogical memory of the descendants of Kazakh steppe rulers significantly reshaped the imposed narratives of Russian imperial models for organizing the ethnocultural space of the Kazakh steppe. A close reading of memoirs by Russian authors, as well as articles, notes, and scholarly writings by Ch.Ch. Valikhanov, I.A. Altynsarin, and G.B. Valikhanov, reveals a broad and nuanced perspective among Kazakh intellectuals regarding cultural interaction within the ethnically diverse Central Asian region. For instance, N.I. Ilminsky recounts an incident from Altynsarin's tenure as a junior interpreter: when instructed to translate a short directive into the Horde, he rendered it in Kyrgyz. This provoked the senior translator's anger, leading him to cross out Altynsarin's translation and replace it with a version in Tatar, an event that Altynsarin later recounted to Ilminsky "with great chagrin" (Ilminsky 1891: 22). A. Mozokhin, a teacher at the Aktobe Russian-Kazakh school, described Altynsarin – not just as an inspector of public schools but as a universally respected figure – highlighting his professional openness: "Ibrahim Altynsarin was not only a superior to teachers, but a father, a sincere and kind friend… When talking to him, I almost always forgot that I was speaking to a Kyrgyz Mohammedan" (Altynsarin 1975: 327). Similarly, G.N. Potanin, in his memoirs about Ch. Valikhanov, recounted a statement in which Valikhanov explained why he could not marry a Russian woman: "He said he wanted to serve his Kyrgyz people, and for this, he must remain a Muslim… In fact, he was a rationalist in religious matters" (Potanin 1904: XXXIII). Contemporary accounts and scholarly research suggest that G.B. Valikhanov's worldview and identity did not conform to the conventional model of an educated foreigner in the service of the Russian state. As the first Kazakh to attain the rank of colonel in active military service, Valikhanov was apparently critical of the empire's cultural policies, which prioritized the Kazakh nomadic population while sidelining other indigenous groups in Central Asia. In a notable speech at a gathering marking the 300th anniversary of Siberia's incorporation into Russia, he advocated for the integration of Siberia's diverse populations: "All the foreign elements of Siberia must be united with the Russian element". He further underscored the feasibility of cultural interaction, observing: "The Kyrgyz people have already partly adopted the Russian language, and many Western Siberians speak Kyrgyz, and vice versa" (Celebration in St. Petersburg and Moscow 1882: 8).

Secondly, over time, the Russian intelligentsia's perception of the steppe aristocracy evolved, shifting from a paternalistic model of guardianship and mentorship to one of professional relationships and collaboration. Biographers of the selected figures, analyzing their professional integration, repeatedly noted the strong national and cultural self-awareness characteristic of this group – an identity that, in moments of crisis, often outweighed their emerging affiliation with the Russian military, public sphere, and academic community. According to G.N. Potanin, Ch. Valikhanov was deeply distressed by "the atrocities of the Russian troops against Chokan's co-religionists during the capture of Pishpek by M. Chernyaev's army" (Potanin 1904: XXIX–XXX). The shock was so profound that Valikhanov severed ties with Chernyaev, left for Verny in an attempt to rebuild his personal life, but died shortly thereafter (Potanin 1904: XXIX–XXX). Commenting on the rift between Valikhanov and Chernyaev, N.M. Yadrintsev suggested that "... Valikhanov shuddered, and a feeling of protest arose in him, in anticipation of the upcoming struggle in Central Asia" (Yadrintsev 1904: XXXXVIII). Yadrintsev's assessment of Ch.Ch.

Valikhanov in the final phase of his life is particularly striking: "In a moment of disillusionment, he retreats, like Pushkin's Aleko, to a nomadic yurt, where morals are simpler and purer... After the seductions of capitals and the bright lights... the gifted Kyrgyz returns to his hearth before his death, surrounded once more by the solemn silence of the steppe" (Yadrintsev 1904: XXXXVIII–XXXX). N.I. Ilminsky, in his correspondence with senior Russian officials – including the head of the Office of the Holy Synod, V.K. Sabler – emphasized the independence and high professional competence of I.A. Altynsarin. He highlighted Altynsarin's dedication to education, particularly his work as an inspector of Kyrgyz schools in the Turgai region, describing his contributions as "extremely beneficial for the regional school system, as he enjoyed the unwavering trust of both local Kyrgyz and Tatars, as well as Russians, whom he invited to teaching positions without distinction" (Letter from N.I. Ilminsky 1975: 300). According to Ilminsky, Altynsarin's perseverance, deep love for his people, and commitment to understanding their ethnographic and linguistic history played a crucial role in introducing and promoting the Kazakh alphabet based on Russian script. In practical terms, this initiative contributed to the rapprochement of the Russian and Kazakh peoples (Bibliographic News 1975: 301-305).

G.B. Valikhanov's contemporaries, primarily his military colleagues, observed that he maintained a strong sense of connection to his fellow tribesmen. His service in the Russian Empire did not erase his awareness of his noble lineage, which was reflected in his actions. After witnessing M. Chernyaev's brutal treatment of the Kazakh population during the capture of Pishpek, G. Valikhanov, in solidarity with his relative Ch. Valikhanov, resigned from service. As a result, he came under suspicion of harboring separatist sentiments. Major Popov, head of the Borokhodzir detachment, reported his encounters with G. Valikhanov to his superiors, citing his statements as follows: "Previously, these steppes were the homeland of great men—Tamerlane, Genghis Khan, Batu, and others—who once struck fear into Russia and even enslaved it..." In Popov's report, Valikhanov's words appeared to challenge "the power and significance of Russia" (Satenova 2013: 68).

Discussions

In both foreign and domestic historiography, several research strands on the phenomenon of colonial mediation in Central Asia can be identified from a long-term historical perspective.

Firstly, Western historiography has extensively explored the administrative, political, and socio-cultural integration of non-Russian peoples within the context of Russian colonization, with particular attention to the role of ethnic elites in this process (Kappeler 2000; Toltz 2013; Gerasi 2013; Khodarkovsky 2019; Sartori & Chablay 2019; Remnev & Suvorova 2013; Churkin 2023).

Secondly, in the research perspective of post-Soviet historians, the personal and political biographies of prominent representatives of the Kazakh intelligentsia, viewed as key actors in the anti-colonial movement in Central Asia, occupy a significant place. The biographies of figures from the socio-political and national movements, such as Ch. Valikhanov, I. Altynsarin, A. Baitursynov, M. Dulatov, A. Bukeikhanov, and G. Valikhanov, have been and continue to be the subject of extensive scholarly research (Asylbekov 2003; Abuev 2005; Aitmukhambetov 2010; Mazhitova 2015; Absattarova, Mazhitova 2024).

Thirdly, with the anthropological and linguistic "turns" of the late twentieth and early twenty-first centuries, a historiographical perspective emerged that embraced a non-linear

approach to studying the biographies of iconic historical figures. This shift led historians to conceptualize biographical narratives as discourse – texts shaped by specific historical contexts – while examining societal perceptions of the uniqueness and cyclicality of the life trajectories of individuals who played secondary roles in history (Dmitriev 2013; Ermekbai 2016; Churkin 2020). This approach opens up new possibilities for further exploring the phenomenon of colonial mediation in world history, including through the biographies of prominent representatives of the Central Asian national intelligentsia.

Conclusions

The Russian imperial administration, in its search for additional resources to organize the administrative-territorial structure and manage the cultural heterogeneity of the colonized regions of Central Asia, sought to involve representatives of local communities in governance. Engaging with these figures was intended to facilitate the development of new territories and implement population policies in ethnically and religiously diverse regions. This work was carried out by imperial experts – scientists, publicists, and officials – who played key roles in the socio-political and socio-cultural life of the Asian periphery and had direct contact with members of the Kazakh titled nobility. In their memoirs, these imperial experts, constructing the biographies of Ch.Ch. Valikhanov, I.A. Altynsarin, and G.B. Valikhanov, framed them through Eurocentric and orientalist lenses as "their own foreigners" – figures of exceptional talent and potential who could serve as colonial intermediaries between the imperial government and the vast indigenous population of Central Asia. The memoir discourse reflects Russian intellectuals' expectations regarding the maturation of high-ranking Kazakhs through Russian educational institutions and the imposition of continuous guardianship by a "man of power and culture". However, their later interactions with these figures challenged the standard assumption that socialization within the Russian system would inevitably lead to the erasure of cultural differences and the emergence of "new Russians" – assimilated officials fully aligned with imperial structures while operating within their native ethno-cultural environment. At the same time, the hopes of the Kazakh elites to develop a hybrid identity – an organic synthesis of Russian and Kazakh cultural elements – were also unfulfilled. Ultimately, while Kazakh aristocrats functioned as colonial intermediaries in the military, administrative, and educational spheres, by the final years of their lives, many experienced profound disillusionment with their chosen professional trajectory. Confronted with an identity crisis, they increasingly turned back to their cultural roots.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

References

Absattarova Zh.B, Mazhitova Zh.S. Қазақ ziialylary; әleumettik-mədeni səikestilik; Dala əlkesi; bilim beru saiasaty; otarlau*. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 2024. No.149(4), pp.177-193. (in Kazakh)

Abuev K.K. Sultan-Gazy Valikhanov. *In: Steppe region of Eurasia: Historical and cultural interactions and modernity.* Theses of reports and messages of the IV international scientific conference dedicated to the 170th anniversary of G.N. Potanin and Ch. Valikhanov. Pod red. A.P. Tolochko. Omsk: Omsk State University Publishing House. 2005. Pp. 139-144. (in Russian)

Aitmukhambetov A.A. *Kazakhskie sluzhashchie Rossiiskoi imperii: formirovanie, professionalnaia i obshchestvenno-politicheskaia deiatelnost v XIX – nachale XX vv*. (istoricheskii aspekt): Kazakh employees of the Russian Empire: formation, professional and socio-political activity in XIXth – early XXth centuries (historical aspect). Dissertation … Candidata of Historical Sciences". Semey, 2010. 346 p. (in Russian)

Asylbekov M.H., Seitov E.T. *Alikhan Bukeikhan – obshchestvenno-politicheskii deiatel i uchenyi*. Almaty. 2003. 148 p. (in Russian)

Bibliographic news. In: *I. Altynsarin. Collected Works in 3 vol.1.* Alma-Ata: Nauka Publ. 1975. Pp. 301-303. (in Russian)

Bykov P.V. G. Valikhanov. Biographical sketch. *Niva.* 1891. No.11, pp.258-259. (in Russian)

Veselovskaya N.I. Note. In: *Works of Chokan Chingizovich Valikhanov.* St. Petersburg: Tipography of the Main Department of Udeles. 1904. Pp. I-III. (in Russian)

Grigoriev V.V. *Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech, proiznesennaia ispravliaiushchim dolzhnost professorom V. Grigorevym*. Odessa. 1840. 18 p. (in Russian)

Jerasi R. *Okno na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii.* Moscow: New Literary Review. 2013. 548 p. (in Russian)

Dmitriev S.V. Chlen Russkogo geograficheskogo obshchestva general sultan Gazi Valikhanov. *Countries and Peoples of the East.* 2013. No.34, pp.311-323. (in Russian)

Yermekbay Zh.A. *R*usskii ofitser v Vostochnom Turkestane. *Izvestia Irkutsk State University. Series: History*. 2016. Vol.15, pp.137-145. (in Russian)

Ilminsky N.I. *Vospominaniia ob I.A. Altynsarine.* Kazan: Typo-lithography of V.M. Klyuchnikov. 1891. 396 p. (in Russian)

Ilminsky N.I. *O perevode pravoslavnykh khristianskikh knig na inorodcheskie iazyki: Prakticheskie zamechaniia N. Ilminskogo.* Kazan: University Printing House. 1875. 47 p. (in Russian)

Kappeler A. *Rossiia – mnogonatsionalnaia imperiia. Vozniknovenie. Istoriia. Raspad.* Moscow: Tradition: Progress-Tradition. 2000. 344 p. (in Russian)

Katkov M.N. *Ideology of ochranitelstvo.* Moscow: Institute of Russian Civilisation. 2009. 800 p. (in Russian)

Mazhitova Zh.S. *Institut biev: podkhody i interpretatsii v rossiiskoi i kazakhstanskoi istoriografii. Monograph.* Moscow: "KDU", "University book". 2015. 352 p.

Nurkina J.B., Churkin M.K., Amanzholuly A.E., Utegenov M.Z. Lichnaia i politicheskaia biografiia G. Valikhanova v imperskom kontekste rossiiskoi kolonizatsii KhIKh - nachala KhKh vv. *Bylye Gody.* 2023. No.18(1), pp.230-238. (in Russian)

Pavlova T.A. *Psikhologicheskoe i sotsialnoe v istoricheskoi biografii. In: Political history on the threshold of the XXIth century: Traditions and innovations.* Moscow. 1995. Pp. 86-92. (in Russian)

Pismo N.I. *Ilminskogo upravliaiushchemu kantseliariei sinoda V.K. Sableru ob I. Altynsarine* In: I. Altynsarin. Collected Works in 3 vol. 1. Alma-Ata: "Nauka" Publ. of the Kazakh SSR. 1975. Pp. 298-300. (in Russian)

Potanin G.N. Biograficheskie svedeniia o Ch. Valikhanove. In: *Works by Chokan Chingizovich Valikhanov.* St. Petersburg: Tipography of the Main Department of Udeles. 1904. pp. IV-XXXIV. (in Russian)

Potanin G.N. *Nashi mechty. In: Ch.Ch. Valikhanov.* Collected Works in 5 vol. Vol. IV. Alma-Ata: "Nauka" Publ. of the Kazakh SSR. 1968. Pp. 542-549. (in Russian)

Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnia 26 oktiabria 1581 goda. St. Petersburg: Tip. F. Eleonsky. 1882. 118 p. (in Russian)

Remnev A.V., Suvorova N.G. *Kolonizatsiia Aziatskoi Rossii: imperskie i natsionalnye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka:* monograph. Omsk: Publishing House "Nauka". 2013. 248 p. (in Russian)

Repina L. *Lichnost i obshchestvo, ili Istoriia v biografiiakh (vmesto predisloviia) In: History through personality. Historical biography today. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Society of Intellectual History; edited by L.P. Repina. 2nd editio*n. Moscow: Quadriga Publishing House. 2010. Pp. 5-16. (in Russian)

Rusakova O.F. Metodologicheskie strategii v sovremennykh istoricheskikh issledovaniiakh: shkola «Annalov» i «Novaia intellektualnaia istoriia *In: Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2001. Vol.2, pp.17-48. (in Russian)

Sartori P. Shablay P. *Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znanii v Kazakhskoi stepi.* Moscow: New Literary Review. 2019. 280 p. (in Russian)

Satenova M.R. Gazi Valikhanov i ego politicheskie vzgliady. *Otan tarikhy.* 2013. No.2 (62), pp. 65-71. (in Russian)

Toltz V. *Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period.* Moscow: New Literary Review. 2013. 336 p. (in Russian)

Khodarkovsky M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas kolonialnaia imperiia 1500s-1800s.* Moscow: New Literary Review. 2019. 352 p. (in Russian)

Churkin M.K. Reprezentatsii antikolonialnykh idei kazakhskoi intelligentsii Stepnogo kraia v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroi poloviny KhIKh - nachala KhKh v. *Vestnik of Omsk University. Series: Historical Sciences.* 2020. Vol.7, no.(27), pp. 22-28. (in Russian)

Churkin M.K. Model dialoga vlasti i obshchestva v travelogakh rossiiskikh puteshestvennikov KhIKh v. v Tsentralnuiu Aziiu. *Ural Historical Bulletin*. 2023. No.4 (81), pp. 16-23. (in Russian)

Epizod iz prosvetitelskoi deiatelnosti N.I. Ilminskogo. Pravoslavnyi blagovestnik. 1894. No.1, pp.26-31. (in Russian)

Yadrintsev N. *Biograficheskie svedeniia o Ch. Valikhanove.* In: Works of Chokan Chingizovich Valikhanov. St. Petersburg: *Tipography of the Main Department of Udeles.* 1904. pp. XXXV-XXXIX. (in Russian)

Yadrintsev N.M. *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie.* Tyumen: Yu. Mandrika Publishing House. 2000. 336 p. (in Russian)

Information about authors

Zhanar B. Absattarova – Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan and the Assembly of the People of Kazakhstan, E.A. Buketov Karaganda University, Universitetskaya str. 28, 100024, Karaganda, Kazakhstan. https://orcid.org/0009-0004-5428-1001, shanar77@mail.ru

Zhanna S. Mazhitova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences "Astana Medical University", Beibitshilik str, 49a, 010000, Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0000-0003-3712-2127, zhanna013013@gmail.com

Jamyikat O. Omurova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Frunze str, 547, 720033, Bishkek, Kyrgyzstan. https://orcid.org/0000-0002-7104-3708, jamyikat2012@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Жанар Базарбайқызы Абсаттарова– Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қазақстан тарихы және Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының аға оқытушысы, Университетская көшесі, 28, 100024, Қарағанды, Қазақстан. https://orcid.org/0009-0004-5428-1001, shanar77@mail.ru
Жанна Сабитбековна Мажитова – тарих ғылымдарының докторы, профессор, «Астана медицина университеті» КЕАҚ әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар кафедрасының профессоры, Бейбітшілік көшесі, 49а, 010000, Астана, Қазақстан. https://orcid.org/0000-0003-3712-2127, zhanna013013@gmail.com
Жамыйкат Орозбековна Омурова – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ж. Баласагүн атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Фрунзе көшесі, 547, 720033, Бішкек, Қырғызстан. https://orcid.org/0000-0002-7104-3708, jamyikat2012@gmail.com

Сведения об авторах

Жанар Базарбаевна Абсаттарова – старший преподаватель кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, ул. Университетская, 28, 100024, Караганда, Казахстан. https://orcid.org/0009-0004-5428-1001, shanar77@mail.ru
Жанна Сабитбековна Мажитова – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарлых наук НАО «Медицинский университет Астана», ул. Бейбитшилик, 49а, 010000, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0000-0003-3712-2127, zhanna013013@gmail.com
Жамыйкат Орозбековна Омурова – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033, Бишкек, Кыргызстан. https://orcid.org/0000-0002-7104-3708, jamyikat2012@gmail.com

Authors' Contributions

All the authors have made significant contributions to the preparation and writing of the article.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов***. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / ***Disclosure of conflict of interest information***. The author claims no conflict of interest

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 16.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ –
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.105.121

Кокум-бий – представитель управленческой элиты Казахского ханства

Р. Абдуманапов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
РГП ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи», Астана, Казахстан
manap@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию биографии Кокум-бия, значимой фигуры управленческой элиты Казахского ханства, происходившего из кыргызского племени карачоро. Исторические и генеалогические источники, касающиеся жизни Кокум-бия, характеризуются фрагментарностью и противоречивостью. Согласно сведениям Ч. Валиханова, Кокум-бий являлся ближайшим соратником казахского хана Ишим-хана, оказывая ему поддержку в период противостояния с Турсун-Мухаммад-ханом. Валиханов указывает, что после смерти Кокум-бия, Ишим-хан в знак признания его заслуг воздвиг в Ташкенте мавзолей с синим куполом, известный как «Көкемнің көк күмбезі» ("синий кумбез Кёкема"). Ряд исследователей отождествляют этот кумбез с мавзолеем Калдыргач-бия, входящим в единый погребальный комплекс с мавзолеем могольского Юнус-хана на территории Шейхантаурского кладбища. В настоящее время в мавзолее находится саркофаг с табличкой, указывающей на захоронение в нем Толе би. Однако, согласно датировке историков архитектуры, постройка мавзолея относится к первой половине XV века, что ставит под сомнение достоверность информации о захоронении в нем Кукем-бия и Толе би. Близкие связи Ишим-хана с кыргызскими племенами, выразившиеся в объявление его кыргызским ханом во времена его ухода в Моголистан, послужили основанием создания кыргызами отдельной историко-героической поэмы «Эр Эшим». Показательно то, что в этой историко-героической поэме, рассказывающей о жизни Эр Эшима, совсем не упоминается Кукем-бий. Все эти данные противоречат версии Ч. Валиханова о деятельности Кукем-бия во времена правления Ишим-хана. Согласно другой версии, Кукем-бий считается близким сподвижником казахского Тауке-хана. М. Тынышпаев указывает на то, что кыргызский бий Кокым Карачорин осуществлял управление отдельным «кыргызским алашем» в составе шести казахских. Данная версия, подкрепленная анализом широкого круга источников, представляется более обоснованной с исторической точки зрения и требует дальнейшего изучения. Анализ источников, связанных с историей Ташкента, позволяет также рассмотреть возможность отождествления Кукем-бия с правителем города середины XVIII века Кучук-бием или Кусек-бием.

Ключевые слова: Кокум-бий; Кокым би; Ишим-хан; Тауке-хан; кыргызский «алаш»; мавзолей Калдыргач-бия; Кучук-бий

Для цитирования: Абдуманапов Р. Кокум-бий – представитель управленческой элиты Казахского ханства. *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. Т.1, no.1, с.105-121. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.105.121

©Абдуманапов Р., 2025

Kokum-biy is a representative of the ruling elite of the Kazakh Khanate

R. Abdumanapov
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
Research Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article is devoted to the study of the biography of Kokumbii, a significant figure in the ruling elite of the Kazakh Khanate, who came from the Kyrgyz Karachoro tribe. Historical and genealogical sources concerning the life of Kokumbii, are characterized by fragmentation and contradiction. According to Ch. ValikhanovKokumbii, was the closest associate of the Kazakh Khan Ishim Khan, supporting him during the confrontation with Tursun-Muhammad Khan. Valikhanov points out that after the death of Kokumbii, Ishim Khan, in recognition of his services, erected a mausoleum with a blue dome in Tashkent, known as "Kokemnin kok kumbezi" ("blue kumbez of Kokem"). A number of researchers identify this kumbez with the Kaldyrgach-biy mausoleum, which is part of a single burial complex with the mausoleum of the Mughal Yunus Khan on the territory of the Sheikhantaur cemetery. Currently, the mausoleum contains a sarcophagus with a plaque indicating the burial of Tole bi in it. However, according to the dating of architectural historians, the construction of the mausoleum dates back to the first half of the 15th century, which casts doubt on the reliability of the information about the burial of Kukem-biy and Tole bi in it. Ishim Khan's close ties with the Kyrgyz tribes, expressed in his declaration as the Kyrgyz khan during his departure to Mogolistan, served as the basis for the creation of a separate historical-heroic poem "Er Eshim" by the Kyrgyz. It is significant that this historical-heroic poem, which tells about the life of Er Eshim, does not mention Kukem-biy at all. All these data contradict the version of Ch. Valikhanov about the activities of Kukem-biy during the reign of Ishim Khan. According to another version, Kukem-biy is considered a close associate of the Kazakh Tauke Khan. M. Tynyshpayev points out that the Kyrgyz biy Kokym Karachorin managed a separate "Kyrgyz Alash" consisting of six Kazakh ones. This version, supported by an analysis of a wide range of sources, seems more substantiated from a historical point of view and requires further study. An analysis of sources related to the history of Tashkent also allows us to consider the possibility of identifying Kukem-biy with the ruler of the city in the mid-18th century, Kuchuk-biy or Kusek-biy.
Keywords: Kokum-biy, Kokym bi, Ishim-khan, Tauke-khan, Kyrgyz “alash”, Kaldyrgach-biy mausoleum, Kuchuk-biy

For citation: Abdumanapov R. Kokum-biy is a representative of the ruling elite of the Kazakh Khanate. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, pp.105-121.
https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.105.121

Қоқым би – Қазақ хандығының басқарушы элитасының өкілі

Р.А. Абдуманапов
Ұлттық зерттеу Томск мемлекеттік университеті, Томск, Ресей; «Ұлыс Жошыны зерттеу ғылыми институты» РМК РМК, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл мақала қазақ хандығының әкімшілік элитасының елеулі тұлғасы, қырғыздың қарачоро тайпасынан шыққан Қоқым бидің өмірбаянын зерттеуге арналған. Қоқым бидің өміріне қатысты тарихи-генеалогиялық дереккөздер бөлшектеніп, бірізділікпен сипатталады.

айтуынша, Ч. Уәлиханов, Қоқым би қазақ ханы Есіл ханның Тұрсын-Мұхаммед ханмен бетпе-бет келген тұсында оған қолдау көрсетіп, оның ең жақын одақтасы болды. Уәлиханов Қоқым би қайтыс болғаннан кейін Есіл ханның еңбегін бағалап, Ташкентте «Көкемнің көк күмбезі» («Көкемнің көк күмбезі») деп аталатын көк күмбезді кесене тұрғызғанын көрсетеді. Бірқатар зерттеушілер бұл күмбезді Шайхантаур қорымының аумағындағы Моғол Жүніс хан кесенесі бар біртұтас жерлеу кешенінің құрамына кіретін Қалдырғаш би кесенесімен сәйкестендіреді. Қазіргі уақытта кесенеде Төле бидің жерленгенін білдіретін белгісі бар саркофаг бар. Алайда сәулет тарихшыларының мерзімін белгілеу бойынша кесененің құрылысы XV ғасырдың бірінші жартысына жатады, бұл ол жерде Көкем би мен Төле бидің жерленгені туралы мәліметтердің сенімділігіне күмән келтіреді. Есіл ханның қырғыз тайпаларымен тығыз байланысы оның Моғолстанға кеткен кезінде оны қырғыз ханы деп жариялауында көрініс тауып, қырғыздардың «Ер Ешім» жеке тарихи-ерлік жырын жасауға негіз болды. Бұл тарихи-ерлік жырда Ер Ешімнің өмірін баяндайтын Күкем бидің мүлде айтылмағаны ерекше. Бұл деректердің барлығы Ч. Уәлиханов Есіл хан тұсындағы Күкем бидің қызметі туралы. Басқа нұсқа бойынша, Кукем би қазақ Тәуке ханының жақын серігі болып саналады. М.Тынышпаев қырғыз биі Қоқым Қарачориннің алты қазақтан тұратын жеке «қырғыз алашын» басқарғанын көрсетеді. Кең көлемдегі дереккөздерді талдау арқылы қуатталған бұл нұсқа тарихи тұрғыдан қарағанда орынды болып көрінеді және одан әрі зерттеуді қажет етеді. Ташкент тарихына қатысты дереккөздерді талдау да Кукем биді 18 ғасырдың ортасындағы қала билеушісі Кучук би немесе Күсек бимен сәйкестендіру мүмкіндігін қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Қоқым-би; Қоқым би; Есіл-хан; Тәуке-хан; қырғыз «алаш»; Қалдырғач-би кесенесі; Кучук-би

Введение

Началом взаимоотношений казахского и кыргызского народов выступает период истории, относящийся ко времени образования Казахского ханства в середине XV века. Ушедшие в Моголистан, в Семиречье, казахские племена во главе с султанами Кереем и Джанибеком оказываются в непосредственной близости от кочевий кыргызских племен, которые в это время кочевали в горных ущельях Северного Моголистана, именуемого в сочинении «Маджму ат-Таварих» – جت شمل – Джете Шамал, т.е. «Северным Джете» (Собрание историй 1960: 50). Территории Северного Моголистана охватывали земли Прииртышья и южной части Алтайских гор. Еще в 1407 году в Прииртышье против кыргызов организует поход золотоордынский Пулад-хан (Тулибаева 2013: 130). Откочевавшие в Семиречье казахи сразу же вступают в противостояние с кыргызами и калмаками. Махмуд ибн Вали пишет о том, что само имя «казак» было дано этим племенам (тайифэ) из-за набегов на калмыков и кыргызов (Ахмедов 1961: 31). Последующее возвращение казахских султанов Керея и Джанибека в Дешт-и Кыпчак почти на столетие прерывает связи между казахами и кыргызами, которые к началу XVI века осваивают горные долины Западного Тянь-Шаня. В 1524 году на Тянь-Шань прибывает казахский Тахир-хан и с этого времени между казахами и кыргызами устанавливаются союзнические отношения. Со времен его правления, отдельные бии – вожди кыргызских племен – вступают в союзные отношения, и часто становятся

вассалами казахских ханов. Сам Тахир-хан, отличавшийся жестоким характером, в конце своей жизни был покинут соплеменниками, и умер среди кыргызов (Хайдар 1996: 349). В последующем, казахские ханы, как и Тахир-хан, использовали военный потенциал кыргызов в своих внешнеполитических устремлениях. Известно, что после смерти Тахир-хана, Казахское ханство возглавляет его брат Буйдаш/Буйлаш, который также был тесно связан с кыргызами и действовал на территории Семиречья (Султанов 1982: 116). Титулом «хан казахский и кыргызский» в источниках также именовались ханы Хакк-Назар, Таукель и Ишим (Абусеитова 2002: 184). Известно, что в 1603 году кыргызы состояли в войске ташкентского правителя казахского султана Келди-Мухаммада во время его противостояния с аштарханидом Баки-Мухаммад-ханом и осады Самарканда (Кляшторный, Султанов 1992: 297). Кыргызские бии также состояли при дворе казахского хана Шигая, об этом пишет Бадр ад-Дин Кашмири в сочинении «Раузат ар-ризван ва-хадикат ал-гилман (Сад рая и роща пажей)» (История Казахстана в персидских источниках 2007: 244). По мнению редактора и комментатора перевода сочинения Мухаммеда Хайдара на английский язык Н. Элиаса, казахско-кыргызская конфедерация возникла на руинах Могольского ханства после смерти Султан-Ахмад-хана (The Tarih-i-Rashidi 1985: 47).

Таким образом, кыргызские бии в этот период становятся частью управленческой элиты Казахского ханства. И одним из самых известных кыргызских биев, удостоившегося титула главы «кыргызского алаша», был Кокум-бий. Изучению его жизненного пути и места в системе казахско-кыргызских отношений того периода посвящена эта статья.

Материалы и методы

В настоящем исследовании применяется конкретно-исторический метод, основанный на анализе фактов, явлений и событий, связанных с изучением жизненного пути Кокум-бия. Выявление и анализ исторических фактов, явлений и событий позволяет воссоздать исторические процессы в хронологической последовательности.

Литературный обзор

Казахско-кыргызские отношения периода XVI-XVII веков являются мало исследованным направлением современной исторической науки. За исключением отдельных работ Н.А. Атыгаева (Атыгаев 2024) и М.Б. Кельдыбекова (Кельдыбеков 2022: 133-140), Д.Б. Сапаралиева (Сапаралиев 2022: 86-96), коллективной статьи Кельдыбекова М.Б., Батталова К.К., Акишева А.А. и Рахимова М.И. (Кельдыбеков, Батталов, Акишев, Рахимов 2024: 705-715), а также отдельных разделов в монографиях М.Х. Абусеитовой (Абусеитова 2002: 180-188) и Н.А. Атыгаева (Атыгаев 2023: 145-155), тема казахско-кыргызских отношений указанного периода затрагивается лишь в разрезе изучения общей истории казахов (Валиханов 1985: 65-71; Ахмедов 1961: 31-34; История Казахстана 1997: 374-377, 414-417) и кыргызов (Солтоноев 1993а; Солтоноев 1993б; Абрамзон 1990:77-79; Караев 1995: 91-104; Бактыгулов, Момбекова 2001: 131-135). В то же время вне внимания историков оказываются вопросы вхождения в состав управленческой элиты Казахского ханства ряда представителей кыргызской знати. Одним из ярких примеров

тесных казахско-кыргызских отношений конца XVI – начала XVII веков является история кыргызского Кокум-бия.

Результаты

Одно из первых упоминаний о Кокум-бие связано с периодом правления казахского Ишим-хана. Будучи правителем Ташкента и предводителем казахской армии вилайета Туркестан, Ишим становится ханом после смерти своего брата Таукель-хана осенью 1598 года (Султанов 2006: 214). С 1603 по 1605 год ему приходится бороться с самозванцем Лже-Абд ал-Гаффар-султаном, которого поддерживали каракалпакские племена. В начале второго десятилетия XVII века власть Ишим-хана начинает оспаривать султан Турсун-Мухаммад, сын Джалим-султана. По сведениям Махмуд ибн Вали, в 1612 году он отправляет Бухарскому правителю Имамкули-хану жалобу на некоторых «казахских султанов, заключивших договор об единстве с племенами кыргызов и калмаков, наводящих ужас и грабящих его улусы на берегах Сыр-Дарьи» (Султанов 2006: 218). Нет сомнений, что он имеет в виду Ишим-хана, которого поддерживали кыргызские племена. Эти действия Турсун-Мухаммада были вызваны его личными амбициями, стремлением получить звание старшего, общеказахского хана. В 1022 г.х. (1613-1614 г.) [1]султан Турсун-Мухаммад, при прямой военной поддержке бухарского Имамкули-хана, «забирает в свои руки бразды правления Ташкентом и прочими вилайетами тех пределов» (Султанов 2006: 218). По сообщению автора «Имамкули-хан-наме» Сухайла, Турсун-Мухаммад начинает чеканить в Ташкенте собственную монету и организует сбор налогов с населения (История Казахстана в персидских источниках 2007: 15). В связи с этими событиями, Ишим-хан был вынужден отдать власть старшего хана. Он уходит к калмакам, затем поступает на службу к могольскому Абд ар-Рахим-хану, впоследствии становится его зятем. К этому времени кыргызские племена становятся весьма заметной военно-политической силой Моголистана. Культурная, языковая близость казахов и кыргызов становится причиной сближения Ишим-хана с кыргызами Моголистана, которые оказывают ему поддержку и более того, объявляют его своим ханом. Анонимное сочинение «Тарих-и Кашгар» приводит информацию о том, что «[В то время] кыргызский юрт поднял ханом Ишим-хана» (Тарих-и Кашгар 1969: 418). Судя по всему, выдавленный в Моголистан Ишим-хан не мог иметь серьезного военного контингента из числа соплеменников. В связи с этим, он, возможно, предпочитает в этот момент принять звание кыргызского хана. Стоит отметить, что здесь речь идет о восточных кыргызах, кочевавших в землях Моголистана. В то же время западные кыргызские племена оказывают поддержку Турсун-Мухаммад-хану. Согласно сочинению «Имамкули хан-намэ», в 1621 г. в битве при Шахрухии, 100-тысячное казахское войско, в котором 10 тысяч воинов были выставлены вождями кыргызских племен, наносит поражение 160-тысячному бухарскому войску Имамкули-хана (История Киргизской ССР 1984: 450). Около 1033 г.х. (1623-1624 г.) Ишим-хан возвращается в Ташкент, в 1624 году он принимает участие в походе Турсун-Мухаммад-хана на Андижан (Султанов 2006: 223-

[1] Здесь и далее для сравнения дат мусульманского летоисчисления с современным европейским календарем используются синхронистические таблицы И.А. Орбели. См. И.А. Орбели. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. Ленинград: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1941.

224). По всей видимости, Турсун-Мухаммед-хан видел в Ишим-хане сильного соперника, который мог оспорить звание старшего казахского хана. В 1036 г.х. (1626-1627 г.), когда Ишим-хан организует поход против калмаков (ойратов — прим. Р.А.), Турсун-Мухаммад-хан вероломно нападает на его ставку, разоряет ее и уводит его жен и детей. По возвращении из похода, Ишим-хан в битве при Сайраме наносит поражение Турсун-хану и убивает его (Султанов 2006: 221).

Нет сомнений в том, что в противостоянии с Турсун-Мухаммад-ханом, Ишим-хан опирался на кыргызских племенных вождей. Ч. Валиханов сообщает о том, что «Ишим-хан имел в своем распоряжении родоначальника бия Кукема كوكم بى چونك بكيش, при помощи которого ему удалось низвергнуть Турсуна катаганского и чанчклинского» (Валиханов 1985: 77). Буквальный перевод фразы Ч. Валиханова كوكم بى چونك بكيش звучит как «чунак багиш Кукем би». Кыргызский историк Д.Б. Сапаралиев точно определяет, что речь в этой фразе идет о «чоң багыше Кокум бие» (Сапаралиев 2022: 89). Однако нет сомнений в том, что в определении племенной принадлежности Кукем-бия, Чокан Валиханов получил неправильные данные от своих информаторов, в которых смешались наименования двух разных кыргызских племен – багыш и чоң-багыш.

Кыргызское предание об этом бие упоминает С.М. Абрамзон, который сообщает о том, что несколько веков назад самым знаменитым вождем племени багыш был Кокум-бий, потомок Кара-Чоро (Абрамзон 1990: 79). Кара-Чоро, во всех кыргызских генеалогических списках, включая самый ранний по времени список из сочинения XVI века «Маджму ат-Таварих» (Ахсикенти 1973: 208), считается сыном легендарного Тагай-бия. По данным санжырачы, т.е. исследователя кыргызских генеалогий – «санжыра», Торокан уулу Эсенгула, отцом Кокум-бия считается Багыш сын Кара-Чоро (Төрөкан уулу Эсенгул 1995: 148-149). В то же время, в генеалогических списках Тоголок Молдо, Кокум, вместе с Багышем, определены как сыновья родного брата Кара-Чоро по имени Оросбакты (Тоголок Молдо 1993: 15). Примечательны генеалогические списки, опубликованные С.М. Абрамзоном. В общей структуре правого и левого крыла кыргызов, Кара-Чоро указывается как сын Тагая и внук Ак уула, он также имеет четырех сыновей: Багыша, Суу муруна, Баарына и Келдике (Абрамзон 1960, 5). В генеалогической схеме, посвященной племени багыш, предком племени указан Жанкороз, сыном которого указывается Кокум (Абрамзон 1960: 59). По данным О. Осмонова, Жанкорозом именуется собственно Кара-Чоро, сын Тагай-бия (Осмонов 2003а: 3). Этого же мнения придерживается Белек Солтоноев, который также отождествляет Жанкороза с Кара-Чоро (Солтоноев 1993а: 97). В некоторых других вариантах кыргызской «санжыры», например у Жаңыбай уулу Сапарбая, Жанкороз, вместе с Кокумбаем и другими, являлись сыновьями Багыша сына Кара-Чоро (Жаңыбай уулу Сапарбай 1993). Эта же информация также содержится в генеалогических списках Турдубая Умар уулу, в которых определена линия Кара-Чоро → Багыш → Жанкороз, Куржун, Көкүмбай, Конок, Оржубек, Бодом и Кошбычак (Кыргыз санжырасы 1991: 15). В генеалогических схемах Сапарбека Закирова в составе племени багыш выделяется подразделение көкүм-багыш (Закиров 1996: 77). По данным А.С. Сыдыкова, представители этого племени в первой трети XX века проживали на территории Наманганском уезда (Сыдыков 1927: 11). Таким образом, родоплеменное подразделение «көкүм» или кокум-багыш является ответвлением племени багыш и его название связано с именем Кокум-бия сына Багыша сына Кара-Чоро сына Тагая.

Тем самым, реальное историческое лицо становится родоначальником отдельного подразделения кокум-багыш в составе племени багыш.

Исторические данные о Кокум-бие противоречивы. Уже упоминались сведения Ч. Валиханова о том, что Кокум-бий был ближайшим соратником казахского Ишим-хана, который правил в периоды с 1598 г. по 1613-14 г. и с 1626-27 г. по 1628 г. (Султанов 2006: 214, 222). Ч. Валиханов пишет о том, что Кокум-бий оказал помощь Ишим-хану в его борьбе с Турсун-ханом, в честь него казахским ханом был построен мавзолей – «Көкемнің көк күмбезі» – «синий кумбез Кукема» (Валиханов 1985: 77). По данным Байболота Абытова, «Көкүм бийдин көк күмбөзу» располагается в «мазаре – кладбище Карлыгач города Ташкента» (Абытов 2024). О. Осмонов уточняет, что этот мавзолей находится на территории Шейхантаурского кладбища, и в 1928 году потомки Кокум-бия из Аксыйского района Ошской области во главе с Чыныбаем болушем («болуш»: волостной управитель – прим. Р.А.) ездили в Ташкент и проводили там ремонт мавзолея (Осмонов 2003б: 7).

Мавзолей Калдыргач-бия с синим куполом, являясь самым старым из сохранившихся памятников на территории Ташкента, располагается в ансамбле построек Шейхантаурского кладбища, к северу от мавзолея шейха Хавенди Тахура, составляя единое целое с мавзолеем моголистанского Юнус-хана. По данным В.А. Булатовой и Л.Ю. Маньковской, архитектурные формы мавзолея – арочные паруса с промежуточными щитовидными парусами известны, начиная с конца XIV в. по мечети Биби-Ханым, значит, он датируется первой половиной XV века. Он является единственным в Ташкенте образцом центрического однокамерного мавзолея со склепом и редким в Мавераннахре многогранным шатровым двойным куполом, сохранившим фрагменты сталактитового декора интерьера первой половины XV века (Булатова 1983: 95-98). В настоящее время в самом мавзолее располагается саркофаг с табличкой о том, что здесь захоронен казахский Толе би, живший с 1663 по 1756 годы. Известна легенда, согласно которой Толе би получил прозвище «Калдыргач-бия», с казахского «карлыгаш» – ласточка. По легенде, при вторжении ойратов в кочевья Старшего жуза, казахи в панике покинули свои кочевья. Лишь Толе би остался у себя в ауле и на вопрос ойратов почему он остался, Толе би ответил: «В куполе моей юрты ласточка свила гнездо, и пока она не выведет птенцов, разве могу я покинуть ее? Вы можете меня убить, но моя жизнь не ценнее жизни будущих птенцов». Получив такой мудрый ответ, предводитель ойратов повелел прекратить грабеж аула. С этого времени за Толе бием закрепилось прозвище Карлыгаш бий (Мажитова 2016: прим. 2 на С.247). Захоронение Толе би в мавзолее Калдыргач-бия в Ташкенте предполагает М. Миразов (Миразов 2010: 119-128).

Этот кумбез был исследован археологом Г.А. Пугаченковой, которая предполагает, что мавзолей Калдыргач-бия был построен в первой половине XV века в честь одного из кыпчакских царевичей Моголистана (Пугаченкова 1950: 93). Она также уточняет, что в 1912 году мавзолей ремонтировался одним из потомков Калдыргач-бия, ферганским кыпчаком Хаджимат Ишаном (Пугаченкова 1950: 90), который был выходцем из кишлака Балыкчи Наманганской области (Альхамова, Давидович, Литвинский, Массон 1953: 186). Стоит отметить, что выводы Г.А. Пугаченковой в некоторой степени подтверждаются тем, что мавзолей Калдыргач-бия входит в погребальный комплекс могольского Юнус-хана, который имел тесные связи именно с кыпчаками. По сведениям Захир ид-Дина

Бабура, матерью Юнус-хана являлась дочка или внучка влиятельного кыпчакского эмира, сподвижника эмира Тимура, Шейх Нур ад-Дина (The Babur-nama 1922: 19). Ее имя известно из сочинения Мухаммеда Хайдара, который сообщает, что Шейх Нур ад-Дин был настолько близок могольскому Вейс-хану (отцу Юнус-хана – прим. Р.А.), что отдал в жены ему свою дочь Даулат-Султан Сакандж (Хайдар 1996: 91).

История противостояния ханов Ишима и Турсуна также отражена в кыргызских преданиях. Примечательно, что Ишим-хану посвящена отдельная поэма «Эр Эшим». В этой поэме «Эңчегер бойлуу эр Эшим», т.е. «высокорослый муж Эшим» противостоит главе народа катаганов Турсуну («Карач дөө, Эр Эшим» 2003). Кыргызское имя Ишим-хана полностью повторяет казахское прозвище хана – «Еңсегей бойлы ер Есім» – с тем же значением «высокорослый муж Эшим» (Кудайберды-улы Шакарим 1990: 48). Сюжетная линия поэмы повторяет историю противостояния ханов Ишима и Турсуна, вероломное нападение последнего на ставку Ишим-хана, пленение его жен и родичей. В этой поэме соратником хана Эр Эшима значится кыргызский Тугёль-бий, который отдает хану своего лучшего коня Шарпкулу. Впоследствии, победив Турсун-хана, Эшим-хан отдает Тугёль-бию дочь Турсун-хана, которую выдают замуж за сына Тугёль-бия – Мангыта. Потомки Мангыта и дочери Турсун-хана от двух их сыновей образовывают кыргызское племя катаган (Абрамзон 1972: 68-70). Судьба дочерей Турсун-хана по-иному описывается Шакаримом Кудайберды-улы, который уточняет, что Айбике, Нурбике, Конырбике были пленены и стали женами представителей казахского племени аргын. Конырбике выходит замуж за предка самого Шакарима по имени Сары (Кудайберды-улы Шакарим 1990: 49, 79).

Уроженец юго-западного побережья Иссык-Куля Ешеналы Арамбаев рассказывал М. Тынышпаеву кыргызское предание о походе Ишим-хана на калмаков. Согласно его рассказу, предок Арамбаева в 9 колене Тугельбай подарил Ишим-хану лучшего скакуна во всем Кыргызстане – саврасого мерина. Впоследствии, Ишим-хан присылает Тугельбаю в подарок знатную пленницу, девицу из рода катаган, на которой Тугельбай женит своего сына Мангыта, чье потомство стало именоваться катаганами (Тынышпаев 1926: 4). Белек Солтоноев, с опорой на данные знатоков кыргызских древностей, приводит сюжет о противоборстве «Эңчегер бойлуу эр Эшима» с Турсун-ханом, в котором он повторяет информацию Ч. Валиханова о том, что внук Тагай-бия Кокум-бий был поставлен Ишим-ханом правителем Ташкента (Солтоноев 1993а: 107). По данным Солтоноева, Кокум-бий, вместе со своим братом Корчу-батыром (Коржун в генеалогии Турдубая Умар уулу – прим. Р.А.), управляли всеми кыргызскими племенами (Солтоноев 1993а: 108). Примечательно, что на основе различных вариантов преданий об Эр Эшиме, некоторые историки считают его казахско-кыргызским ханом, родом из кыргызского племени саруу, причем его супругой называется дочь Шигай-хана (Ата Мекендин тарыхы 2016: 37). Анализ текста кыргызской поэмы «Эр Эшим», а также предание, рассказанное Ешеналы Арамбаевым, показывает отсутствие упоминаний о Кокум-бие.

В этой связи актуальными становятся данные М. Тынышпаева, согласно которым кыргызский бий Кокым Карачорин управлял одним из «шести алашей» во времена Тауке-хана. Нет сомнений в том, что антропонимы Кукем, Кокым, Кокум являются вариантами написания одного имени в различных источниках. Тем более, что указывается его происхождение от легендарного Кара-Чоро. М. Тынышпаев также перечисляет глав других «алашей»: «старшей орды» – Толе-бия, «средней орды» – Казыбек-бия, «младшей

орды» – Айтеке-бия, «каракалпакского алаша» – Сасык-бия и неизвестного бия, главу отдельного «алаша», состоящего из племен кыят, каттаган, джайма, юз и др. (Тынышпаев 1925: 57-58; Тынышпаев 2002: 177-178). Он также пишет о том, что в памяти кыргызов сохранилось правление Тауке-хана, и значительная их часть признавала его власть (Тынышпаев 1926: 6). В рукописи Тургунбека Алымбекова, переданной автором в Киргизский филиал Академии наук СССР в 1947 году сообщается, что Кокум-бий был отравлен своим соперником, бием казахского племени шанышкылы Кара Байтиком (Алымбектин санжырасы 2007: 50). Алымбеков уточняет, что до времен убийства Кокум-бия, казахско-кыргызские отношения были братскими и добрососедскими (Алымбектин санжырасы 2007: 20).

Уже во время правления Тауке-хана Ташкент, вместе с Ясы, Сайрамом и другими городами, периодически оказываются под властью ойратских владык (Моисеев 1991: 51-53). Историки считают, что Тауке-хан умер глубоким стариком около 1718 года (Кляшторный, Султанов 1992: 304). В рассказе, записанном 15 марта 1735 года в оренбургской экспедиции в г. Уфе от ташкентского купца Нур-Мухамеда Мулла-Алимова сообщается о том, что в конце 30-х – начале 40-х годов XVIII века Ташкент находился в вассальном положении и платил дань казахскому хану Джолбарсу (Добромыслов 1912: 14-15; Зияев 1983: 44). По сведениям М. Тынышпаева, в 1730 году казахский хан Джолбарс, владетель Ташкента, признает власть ойратов. В 1739 году Джолбарс-хану удается освободить Ташкент от них, однако уже в следующем, 1740 году, ташкентцы убивают его. Ойраты вновь захватывают Ташкент, из которого изгоняются сподвижники Джолбарс-хана, представители племени дулат – Толе-бий, Чиныт-батыр, Койгельды-батыр и Самен-батыр. От имени ойратского хунтайджи Ташкентом начинает править «каракыргыз Кокым-бий Карачорин» (Тынышпаев 2002: 178-179). По сообщению российского поручика Карла Миллера, убийство Джолбарс-хана произошло в начале апреля 1739 года, он был заколот прямо в мечети представителями местной ташкентской знати – братьями Кара-батыром и Сары-батыром (История Казахстана в русских источниках 2007: 45). А.И. Домбромыслов считает датой убийства Джолбарс-хана 5 апреля 1740 года (Добромыслов 1912: 22).

В 1741 году в Ташкенте побывал купец Шубай Арасланов, который сообщал о том, что Ташкент в это время находился под властью джунгарских владетелей, городом управлял некий Кусек-бек. Шубай Арасланов пишет, что по приезду в Ташкент, они направились «к сидящему в том городе вместо хана из тутошних жителей Кусеку-беку» (История Казахстана в русских источниках 2007: 90). Шубай Арасланов уточняет, что «… Кусек-бек, будучи в том правительстве, хотя еще действительного ханства не получил, но так усилился, что паче настоящаго хана, тем, что род свой имеет весьма велик: сыновей у него трое, к тому ж, кроме сродников, всех знатных тутошних батырей, кои еще при прежних ханах были, к себе в ближние старшины подобрал и весьма их награждает. А народ ташкентской от большой части в великом от него недовольствии, ибо за самые малые дела со всеми домами раззоряет, и оные ташкентские жители сами дивятся, что у них никогда ханы более трех лет не сиживали, а он-де, Кусек, четвертой год уже сидит» (История Казахстана в русских источниках 2007: 90).

Кусек-бек, по предположению А.И. Левшина, был данником, и, возможно, наместником ойратского правителя Галдан Цэрена (Левшин 1996: 172). В том же году, по сообщению

К. Миллера Кусек-бек, он же Кучук-бек, отлагается от ойратов и вступает в союз с кокандским Абд-ал-Карим-бием. В 1742 году ойратская армия во главе с военачальником Агацаком штурмует Ташкент. Во время осады города Кучук-бек заявляет, что «хотя он (Агацак – прим. автора) сорок лет будет стоять, но он (Кучук-бек) не здастся» (Моисеев 1991: 165). Тем не менее, Ташкент вновь оказывается под властью ойратов и только в 1744 году город ненадолго освобождает армия кокандского Абд-ал-Карим-бия (Моисеев 1991: 167). В следующем, 1745 году, кокандцы вновь осаждают Ташкент, которым в тот период управлял ойратский ставленник Айбек (Моисеев 1991: 168). Это говорит о том, что Кучук-бек к 1745 году был уже смещен, а правителем Ташкента был поставлен другой человек.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что сведения Ч. Валиханова, связывающие Кукем-бия с Ишим-ханом, не имеют под собой оснований. В исторических источниках нет упоминаний о Кукем-бие, в том числе в период правления казахского Ишим-хана. Сведения о том, что синекупольный мавзолей Калдыргач-бия является местом захоронения Кукем-бия под названием «Көкемнің көк күмбезі», являются ошибочными. Это, возможно, касается и захоронения Толе би, умершего в 50-х годах XVIII века (Левшин 1996: 486), так как сам мавзолей был построен в первой половине XV века. Необходимо отметить, что Г.А. Пугаченкова допускает возможность дозахоронения Толе би в мавзолее (Пугаченкова 1950: 93).

Казахскому Ишим-хану посвящена кыргызская героико-историческая поэма «Эр Эшим», которая в целом повторяет биографию казахского хана и рассказывает о его противостоянии с Турсун-Мухаммад-ханом. В этой поэме не упоминается Кукем-бий, а деятельную поддержку Эр Эшиму оказывает кыргызский Тугёль-бий. Более того, М. Тынышпаевым в начале XX века от потомков Тугёль-бая записано кыргызское предание об Ишим-хане. Это предание в своей основе повторяет сюжет борьбы Ишим-хана с Турсун-Мухаммад-ханом, в котором большую поддержку ему оказывает кыргызский Тугёль-бай.

В связи с этим, более предпочтительной выглядит мнение М. Тынышпаева о том, что Кукем-бий, будучи правителем Ташкента при Тауке-хане, возглавлял отдельный «кыргызский алаш». В исторических источниках в этом период упоминается правитель Ташкента Кусек или Кучук-бек. Весьма заманчиво связать его с Кукем-бием, однако это предположение требует отдельного исследования.

Заключение

Со времен правления казахского Тахир-хана между казахскими и кыргызскими племенами установились тесные взаимосвязи, обусловленные близостью культурных, мировоззренческих и языковых особенностей. Интеграция кыргызской знати в политическую структуру Казахского ханства проявилась во включении биев – предводителей кыргызских родоплеменных подразделений – в состав управленческой элиты. Примером служит судьба Кукем-бия, представителя кыргызского племени карачоро.

Исторические сведения о жизни Кукем-бия отличаются противоречивостью и неоднозначностью. Ч. Валиханов выдвинул версию о Кукем-бие как о соратнике казахского Ишим-хана, поддержавшем его в борьбе с Турсун-Мухаммад-ханом. Необходимо отметить, что Ишим-хан поддерживал тесные связи с кыргызами, а во время вынужденного ухода в Моголистан даже провозглашался кыргызским ханом. По всей видимости, именно эти события привели к тому, что историческая память кыргызов посвящает ему поэму «Эр Эшим» и вносит его в родословные, объявив представителем кыргызского племени саруу. Согласно Ч. Валиханову, в знак признания заслуг Кукем-бия, Ишим-хан после его смерти воздвигает в Ташкенте «Көкемнің көк күмбезі», который сопоставляется с мавзолеем Калдыргач-бия в погребальном комплексе Юнус-хана на Шейхантаурском кладбище. Однако анализ исторических сведений, а также исследование мавзолея специалистами по исторической архитектуре не подтверждают его связь с Кукем-бием.

В этой связи, более обоснованной представляется гипотеза, связывающая Кукем-бия с деятельностью казахского Тауке-хана. Предания гласят, что Кукем-бий возглавлял кыргызский «алаш» в составе «шести алашей» Казахского ханства. Во времена правления Джолбарс-хана Кукем-бий становится правителем Ташкента, однако погибает от рук политических противников из числа казахской знати. В исторических источниках времен Джолбарс-хана в качестве правителя Ташкента также упоминается некий Кусек или Кучук-бек. В связи с этим, можно предположить, что под именем Кучук-бека в источниках мог выступать Кукем-бий, однако эта версия требует дальнейших исследований. Независимо от всех интерпретаций, Кукем-бий, несомненно, оставил значимый след в истории Казахского ханства.

Acknowledgement:

The author expresses gratitude to the editorial board and reviewers for their scholarly and editorial contribution to the preparation of this article.

Алғыс:

Автор мақалаға ғылыми және редакциялық қолдау көрсеткен редакция алқасы мен рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарность:

Автор выражает признательность редакции и рецензентам за научно-редакторское сопровождение статьи.

Список литературы

The Babur-nama in English (Memoirs of Babur). Translated from the original turki text of Zahiru'd-din Mubammad Babur Padshah Ghazi by Annette Susannah Beveridge. Vol.I. London. 1922. 445 p.

*The Tarih-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A history of moghuls of Central Asi*a. An English version edited, with commetary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London. Sampson Low, Marston and Company, 1895. 535 p.

Абрамзон С.М. *Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии*. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Москва: Наука. 1960. Т.4, с.3–137.

Абрамзон С.М. *Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня.* В: Этническая история народов Азии. Москва: Наука. 1972. С.67–83.

Абрамзон С.М. *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.* Фрунзе: Кыргызстан. 1990. 480 с.

Абусеитова М.Х. *Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII веках:* История, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс. 2002. 288 с.

Абытов Б. *Несколько слов о Кокум бие.* https://web.archive.org/web/20210405122710/https://ru.kyrgyztoday.org/archives/443194. Дата обращения 01.08.2024.

Альхамова З.А., Давидович Б.А., Литвинский Б.А., Массон М.Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана. Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, *Гуманитарные науки.* 1956. Вып.61. Кн.6. С.171-199.

Алымбектин санжырасы (Абылай хандын доорундагы кыргыз-казак мамилеси. XYIH кылымдын окуялары). Бишкек: ЖЧК «Гүлчынар». 2007. 145 б.

Ата Мекендин тарыхы: Окуу-усулдук курал. Түз.: Каниметов А., Майкаданова Н.К. Каракол: Тыныстанов атындагы ЫМУ. 2016. 120 б.

Атыгаев Н. *Казахское ханство: очерки внешнеполитической истории XV-XVII веков*. Алматы: Евразийский научно-исследовательский институт МКТУ им. Х.А. Ясави. 2023. 225 с.

Атыгаев Н.А. *Из истории казахско-кыргызских отношений в XVI в.* https://bolshoy-altay.asu.ru/for-researchers/library/2237/?sphrase_id=14351450. Дата обращения: 22.04.2024.

Ахмедов Б. К изучению политической истории Киргизии XV века. *Общественные науки в Узбекистане.* Ташкент. 1961. No.5, с.29-34.

Ахсикенти Сайф ад-Дин. *«Маджму ат-Таварих».* Материалы по истории киргизов и Киргизии. Москва: Наука. 1973. Вып.1. С.200-215.

Бактыгулов Дж.С., Момбекова Ж.К. *История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней.* Бишкек: Кыргызстан. 2001. 344 с.

Булатова В.А., Маньковская Л.Ю. *Памятники зодчества Ташкента XIV–XIX вв*. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. 1983. 144 с.

Валиханов Ч.Ч. *Собрание сочинений в пяти томах.* Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1985. Том II. 416 с.

Добромыслов А.И. *Ташкентъ въ прошломъ и настоящемъ.* Историческій очеркъ. Ташкентъ: Эл.-паров. типолитогр. О.А. Порцева. 1912. 520 с.

Жаңыбай уулу Сапарбай. *Кыргыз санжырасы.* Ош: Ош дубандык басмаканасы. 1993. 64 б.

Закиров С.. *Кыргыз санжырасы.* Бишкек: Кыргыз энциклопедиясынын Башки редакциясы. 1996. 427 с.

Зияев Х. Ташкент в XVIII – первой половине XIX века (По данным русских источников). *Общественные науки в Узбекистане*. 1983. No.4. с.42-58

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы: «Атамұра». 1997. 624 с.

История Казахстана в персидских источниках. Том V: Извлечения из сочинений XIII-XIX веков. Сост. М. Абусеитова. Отв. ред. М. Абусеитова. Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. 476 с.

История Казахстана в русских источниках XVI- XX веков. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века. Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. T.VI. 516 с.

История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан. 1984. Том. 1. 798 с.

Караев О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан. 1995. 160 с.

«Карач дөө, Эр Эшим». А. Акматалиевдин жалпы ред. астында. Бишкек: «Шам». 2003. 216 б.

Кельдыбеков М.Б. Характер казахско-киргизских этнополитических отношений в конце XV – начале XVI веков. *Вестник Ошского государственного университета*. 2022. No.3, с.133-140.

Кельдыбеков М., Батталов К., Акишев А., Рахимов М. Казахско-кыргызские этнополитические отношения в трудах российских исследователей. *Былые годы.* 2024. No.19(2), с.705-715.

Кляшторный С., Султанов Т. *Казахстан. Летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата: «Рауан». 1992. 382 с.

Кудайберды-улы Шакарим. *Родословная тюрков, казахов, киргизов.* Династии ханов. Пер. Б. Каирбекова. Алма-Ата: СП Дастан. 1990. 120 с.

Кыргыз санжырасы. *Тегиңди бил, ыйман сакта, ата салтын унутпа*. Бишкек: «Арым». 1991. 32 б.

Левшин А.И. *Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей* (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). Алматы: Санат. 1996. 656 с.

Мажитова Ж.С. *Институт биев в Росийской и Казахстанской историографии: компаративный анализ* (XVIII – начало XXI вв.): дисс. докт. истор. Москва. 2016. 553 с.

Миразов М. *Төле би Ташкентте жерленген. Вопросы истории Кыргызстана*. 2010. No.2, б.119-128.

Моисеев В. *Джунгарское ханство и казахи* (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым. 1991. 238 с.

Осмонов Өскөн. *Көкүм-бий.* Тарыхый очерк. Ош жаңырыгы. 19 сентябрь 2003а жыл.

Осмонов Өскөн. *Көкүм-бий.* Тарыхый очерк. Ош жаңырыгы. 26 сентябрь 2003б жыл.

Пугаченкова Г. Мавзолей Калдыргач-бия. *Известия АН КазССР. Серия архитектурная.* 1950. Вып.2, no.80, с. 90-94.

Сапаралиев Д. Об отражении кыргызско-казахских взаимоотношений XVII-XVIII вв. в научных трудах Чокана Валиханова. *Вопросы востоковедения.* 2022. No.1, с.86-96.

Солтоноев Белек. *Кызыл кыргыз тарыхы.* Бишкек: Учкун. 1993а. Т. 1. 208 б.

Солтоноев Белек. *Кызыл кыргыз тарыхы.* Бишкек: Учкун. 1993б. Т. 2. 224 б.

«Собрание историй». *Маджму ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели.* Подготовил к изданию А. Тагирджанов. Ленинград: Восточная литература. 1960. 106 с.

Султанов Т. *Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв.* (вопросы этнической и социальной истории). Ответственный редактор В.А. Ромодин. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1982. 135 с.

Султанов Т. *Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей.* Астана: Астана Даму-21. 2006. 256 с.

Сыдыков А. *Родовое деление киргиз.* Ташкент. 1927. 30 с.

«Та'рих-и Кашгар». *Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений).* Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К. Пищулина, В. Юдин. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР. 1969. С. 398-418.

Тоголок Молдо. Тарых, тупку аталар. Кыргыздар: Санжыра, тарых, мурас, салт. Түз. К. Жусупов. Бишкек: Кыргызстан. 1993. С.5-71.

Төрөкан уулу Эсенгул. Кыргыздын кыскача санжырасы. Экинчи китеп. Бишкек: «Учкун» концерни. 1995. 224 б.

Тулибаева Ж.М. *История Казахстана в Аштарханидских источниках.* Доклады Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы. 2013. No.4, с.126-140.

Тынышпаев М. *Материалы к истории киргиз-казакского народа.* Ташкент: Восточное отделение Киргизского государственного издательства. 1925. 75 с.

Тынышпаев М. *Киргиз-казаки в 17 и 18 веках: Дополнение к «Материалам к истории киргиз-казакского народа».* Кзыл-Орда: Общество изучения Казакстана. 1926. 14 с.

Тынышпаев М. *История казахского народа:* (Сост. и авт. предисловия проф. Л. Такенов и Б.Байгалиев). Учебное пособие. Алматы: «Санат». 2002. 224 с.

Хайдар Мирза Мухаммад. *«Тарихи Рашиди».* Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. Джалиловой, Л. Епифановой. Ташкент: Фан. 1996. 728 с.

References

The Babur-nama in English (Memoirs of Babur). Translated from the original turki text of Zahiru'd-din Mubammad Babur Padshah Ghazi by Annette Susannah Beveridge. Vol.I. London. 1922. 445 p. (in English)

The Tarih-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A history of moghuls of Central Asia. An English version edited, with commetary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London. Sampson Low, Marston and Company. 1895. 535 p. (in English)

Abramzon S. *Etnicheskii sostav kirgizskogo naseleniya Severnoi Kirgizii.* In: Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition. Moscow: Nauka Publ. 1960. Vol.4. Pp.3–137. (in Russian)

Abramzon S.M. *Narodnye predaniya kak istochnik dlya izucheniya etnicheskoi istorii kirgizov Tsentral'nogo Tyan'-Shanya.* In: The ethnic history of the peoples of Asia. Moscow: Nauka Publ. 1972. Pp.67-83. (in Russian)

Abramzon S.M. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi.* Frunze: Kyrgyzstan. 1990. 480 p. (in Russian)

Abuseitova M. *Kazakhstan i Tsentral'naya Aziya v XV-XVII vekakh: Istoriya, politika, diplomatiya*. Almaty: Daik-Press. 2002. 288 p. (in Russian)

Abytov B. *Neskol'ko slov o Kokum bie.* https://web.archive.org/web/20210405122710/https://ru.kyrgyztoday.org/archives/443194. Date of access 01.01.2024. (in Russian)

Alhamova 3.A., Davidovich B.A., Litvinsky B.A., Masson M.E. Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie mavzoleya Yunus-khana. In: *Proceedings of the Central Asian State University.* Tashkent. 1953. Humanities. Is.61. Book.6. Pp.171-199. (in Russian)

Genealogia Alymbek (kyrgyz-Kazakh relationes aetatis Abylai Khan. Los 12 mejores mercadillos en). Bishkek: Gulchinar LLC. 2007. 145 p. (in Kyrgyz)

Ata mekendin tarykhy: okuu-usulduk Kural. Auctor: Kanimetov A., Maikadanova N. Karakol: OMU named after You're right. 2016. 120 p. (in Kyrgyz)

Atygaev N. *Kazakhskoe khanstvo: ocherki vneshnepoliticheskoi istorii XV-XVII vekov.* Almaty: Eurasian Scientific Research Institute of the Yasavi Moscow State Technical University. 2023. 225 p. (in Russian)

Atygaev N. *Iz istorii kazakhsko-kyrgyzskikh otnoshenii v XVI v*. https://bolshoy-altay.asu.ru/for-researchers/library/2237/?sphrase_id=14351450. Date of access 22.04.2024. (in Russian)

Akhmedov B. *K izucheniyu politicheskoi istorii Kirgizii XV veka.* Social sciences in Uzbekistan. Tashkent. 1961. No.5, pp.29-34. (in Russian)

Akhsikenti Saif ad-Din. «Madzhmu at-Tavarikh». In: Materials on the history of the Kyrgyz and Kirghizia. Moscow: Nauka Publ. 1973. Is.1. Pp.200-215. (in Russian)

Baktygulov Dzh., Mombekova Zh. *Istoriya kyrgyzov i Kyrgyzstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei.* Bishkek: Kyrgyzstan. 2001. 344 p. (in Russian)

Bulatova V., Mankovskaya L. *Pamyatniki zodchestva Tashkenta XIV-XIX vv.* Tashkent: Publishing House of Literature and Art. 1983. 144 p. (in Russian)

Valikhanov Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh.* Alma-Ata: The main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia. 1985. Vol. II. 416 p. (in Russian)

Dobromyslov A.I. *Tashkent v' proshlom' i nastoyashchem'.* Istoricheskii ocherk'. Tashkent: El.- steam. typolithogr. O.A. Portseva. 1912. 520 p. (in Russian)

Janybai Est Filius Saparbai. Genealogia Kyrgyz. Osh: Osh Publ. House. 1993. 64 p. (in Kyrgyz)

Zakirov S. *Genealogia Kyrgyz.* Bishkek: Main editorial Office of the Kyrgyz Encyclopedia. 1996. 427 p. (in Kyrgyz)

Ziyaev X. Tashkent v XVIII – pervoi polovine XIX veka (Po dannym russkikh istochnikov). *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane.* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR. 1983. No.4, pp.42-58. (in Russian)

Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). Almaty: Atamura. 1997. 624 p. (in Russian)

Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Tom V: Izvlecheniya iz sochinenii XIII-XIX vekov. Sost. M.Kh. Abuseitova. Otv. red. M.Kh. Abuseitova. Institut vostokovedeniya im. R.B. Suleimenova. Almaty: Dyke Press. 2007. 476 p. (in Russian)

Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdkakh po yuzhnym kazakhskim stepyam. XVIII-XIX veka. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Dyke Press. 2007. Vol.VI. 516 p. (in Russian)

Istoriya Kirgizskoi SSR. Frunze: Kyrgyzstan. 1984. Vol. 1. 798 p. (in Russian)

Karaev O.K. *Chagataiskii ulus. Gosudarstvo Khaidu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda.* Bishkek: Kyrgyzstan. 1995. 160 p. (in Russian)

"Ecce gigas, Esham". A. Akmatalievdin zhalpy red. astynda. Bishkek: «Sham». 2003. 216 p. (in Kyrgyz)

Keldybekov M.B. Kharakter kazakhsko-kirgizskikh etnopoliticheskikh otnoshenii v kontse XV – nachale XVI vekov. *Bulletin of Osh State University.* 2022. No.3, pp.133-140. (in Russian)

Keldybekov M., Battalov K., Akishev A., Rakhimov M. Kazakhsko-kyrgyzskie etnopoliticheskie otnosheniya v trudakh rossiiskikh issledovatelei. *The old days.* 2024. No.19(2), pp.705-715. (in Russian)

Klyashtornyi S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletii.* Alma-Ata: "Rauan". 1992. 382 p. (in Russian)

Kudaiberdyuli Shakarim. *Rodoslovnaya tyurkov, kazakhov, kirgizov. Dinastii khanov.* Per. B. Kairbekova. Alma-Ata: SP Dastan. 1990. 120 p. (in Russian)

Genealogia Kyrgyz. *Cognosce originem tuam, crede, et memini traditionum patris tui.* Bishkek: «Arym». 1991. 32 p. (in Kyrgyz)

Levshin A.I. *Opisanie Kirgiz-Kazach'ikh ili Kirgiz-Kaisatskikh ord i stepei* (pod obshchei redaktsiei akademika M.K. Kozybaeva). Almaty: Sanat. 1996. 656 p. (in Russian)

Mazhitova Zh.S. *Institut biev v Rosiiskoi i Kazakhstanskoi istoriografii: komparativnyi analiz (XVIII – nachalo XXI vv.).* Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow. 2016. 553 p. (in Russian)

Mirazov M. Töle bi Taşkentte jerlengen. *Questions of the history of Kyrgyzstan*. 2010. No.2, pp.119-128. (in Kazakh)

Moiseev V.A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII-XVIII vv.)*. Alma-Ata: Gylym. 1991. 238 p. (in Russian)

Osmonov Yo. *Danzonn dans akad. Storia storica. Echo of Osh city.* September 19 2003a. (in Kyrgyz)

Osmonov Yo. Auxit*. Danzonn dans akad. Storia storica. Echo of Osh city.* September 26 2003b. (in Kyrgyz)

Pugachenkova G.A. Mavzolei Kaldyrgach-biya. *News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Architectural series.* 1950. Is.2, no.80, pp. 90-94. (in Russian)

Saparaliev D.B. Ob otrazhenii kyrgyzsko-kazakhskikh vzaimootnoshenii XVII-XVIII vv. v nauchnykh trudakh Chokana valikhanova. *Issues of Oriental Studies.* 2022. No.1, pp. 86-96. (in Russian)

Soltonoev B. *Historia Kyzyl Kyrgyzstaniae.* Bishkek: Uchkun. 1993a. Vol. 1. 208 p. (in Kyrgyz)

Soltonoev B. *Historia Kyzyl Kyrgyzstaniae.* Bishkek: Uchkun. 1993b. Vol. 2. 224 p. (in Kyrgyz)

«Sobranie istorii». Madzhmu at-tavarikh. Fotograficheskaya reproduktsiya otryvkov rukopisnogo teksta, vvedenie, ukazateli. Podgotovil k izdaniyu A.T. Tagirdzhanov. Leningrad: Eastern Literature. 1960. 106 p. (in Russian)

Sultanov T. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV-XVII vv*. (voprosy etnicheskoi i sotsial'noi istorii). Otv. Red. V.A. Romodin. Moscow: Nauka. Main Editorial Board of Eastern Literature. 1982. 135 p. (in Russian)

Sultanov T. *Podnyatye na beloi koshme.* Khany kazakhskikh stepei. Astana: Astana Damu-21. 2006. 256 p. (in Russian)

Sydykov A.S. *Rodovoe delenie Kirgiz*. Tashkent. 1927. 30 p. (in Russian)

«Tarikh-i Kashgar». In: Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV – XVIII centuries (Extracts from Persian and Turkic writings). Sostaviteli: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. Alma-Ata: Nauka Publishing House of the Kazakh SSR. 1969. Pp.398-418. (in Russian)

Circum Fingunt. Stulti patres nostri narraverunt. In: Kyrgyz people: genealogy, history, heritage, traditions. Tγz. K. Zhusupov. Bishkek: Kyrgyzstan. 1993. Pp.5-71. (in Kyrgyz)

Filius Turcorum Esengul. Brevis genealogia Kyrgyz. Deuxième livre. Bishkek: "Uchkun" concern. 1995. 224 p. (in Kyrgyz)

Tulibaeva Zh.M. Istoriya Kazakhstana v Ashtarkhanidskikh istochnikakh. *Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.* Almaty. 2013. No.4, pp.126-140. (in Russian)

Tynyshpaev M. *Materialy k istorii aroda-kazakskogo aroda.* Tashkent: Eastern branch of the Kirghiz State Publishing House. 1925. 75 p. (in Russian)

Tynyshpaev M.T. *Kirgiz-kazaki v 17 I 18 vekakh:* Dopolnenie k «Materialam k istorii aroda-kazakskogo aroda». Kzyl-Orda: Society for the Study of Kazakhstan. 1926. 14 p. (in Russian)

Tynyshpaev M. *Istoriya kazakhskogo aroda:* (Sost. I avt. Predisloviya prof. L.Takenov I B.Baigaliev). Uchebnoe posobie. Almaty: «Sanat». 2002. 224 p. (in Russian)

Khaidar Mirza Mukhammad. *«Tarikhi Rashidi».* Vvedenie, perevod s persidskogo A. Urunbaeva, R.P. Dzhalilovoi, L.M. Epifanovoi. Tashkent: Fan. 1996. 728 p. (in Russian)

Information about author

Rustam A. Abdumanapov **–** Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, National Research Tomsk State University, Tomsk, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia; chief researcher of the RSE "Scientific Institute for the Study of Ulus Jochi", st. Alexandr Pushkin, 15B, Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0000-0003-4628-622X, manap@mail.ru

Автор туралы мәліметтер

***Рустам Абдубаитұлы Абдуманапов* –** доцент, тарих ғылымдарының кандидаты, Ұлттық зерттеу Томск мемлекеттік университеті, Ленин даңғылы, 36, 634050, Томск, Ресей; «Ұлыс Жошыны зерттеу ғылыми институты» РМК бас ғылыми қызметкері, ст. Александра Пушкина, 15Б, Астана, Қазақстан. https://orcid.org/0000-0003-4628-622X, manap@mail.ru

Сведения об авторе

Рустам Абдубаитович Абдуманапов – доцент, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, 36, 634050, Томск, Россия; главный научный сотрудник РГП ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи», ул. Александра Пушкина, 15Б, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0000-0003-4628-622X, manap@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 20.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ғылыми мақала / Research Article
МҒТАР / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.105.121

Орыс, түркі халықтары және қазақ тарихнамасындағы әмір Едігенің тарихи тұлғасы

Ж. Қалиев[a]✉, **С. Дүйсена**[a]
[a]*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан*
✉ *kaliev_zhabai@mail.ru*

Аңдатпа. Мақалада Алтын Орданың (Ұлық ұлыс) 1396-1419 жылдары билеушісі және Ноғай Ордасының басты биі (беклербегі) болған әмір Едіге туралы ресейлік–кеңестік, түркілік және қазақ тарихнамасында қалай қарастырылып баға берілгені баяндалады. Әмір Едіге басқарған ұлыстар Орыс мемлекетімен іргелес және тығыз қарым–қатынаста болғандықтан бұл қайраткер туралы олардың жазба деректерінде де мәліметтер молынан кездеседі. Орыс деректерінде Едіге туралы жырды қазақтардан Г.И.Спасский, ноғайлардан А.Ходьзко жазып алғаны айтылады. Б.Греков, А.Якубовский сияқты танымал Ресей тарихшылары Әмір Едігені жағымсыз қайраткер ретінде сипаттады. Өйткені Алтын Орда Орыс мемлекетін 240 жылдай бағыныштылықта ұстағандықтан және осы ұлыстың бір басшысы, әрі орыс жерлеріне алым–салық төлемегені үшін бірнеше рет шапқыншылық жасағаны үшін айыптап озбыр, қатал, мейрімсіз билеуші ретінде бейнеледі. Дегенмен, М.Сапарғалиев, В.Трепавлов, Р.Почекаев сияқты зерттеушілер әмір Едіге тұлғасына объективті баға берді. В.Трепавлов Алтын Ордадан бастау алатын Ноғай ұлысының негізін қалаушы Едіге екенін көрсетіп, оның лауазымы тарихи деректерде «түменбасы–темник», «әмір», «беклербек» атауларымен кездесетінін, бұл мемлекеттің XIV ғасырдың 90–жылдары Батыс Қазақстанда Жайық пен Ембі өзендері арасында орнығып, уақыт өте келе жер аумағын ұлғайтқанын жазады. Ш.Уәлиханов, Ә.Марғұлан, Б.Аяған, М.Алпысбес сияқты ғалымдар Едігенің Қаратау бөктеріндегі Құмкент қалашығында дүниеге келгендігі туралы және бір кездері ноғайлардың Қырғызстанға дейін қоныс аударып жүргенін қолдайды. Едіге тұлғасын айқындауда халық жадында сақталған тарихи жырлар маңызды орын алады. XIX ғасырда түркі жұртына ортақ жырдың тарихи негіздерін ғылыми тұрғыдан саралауға алғаш қадам жасаған автордың бірі Ш.Уәлиханов: «Джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, должно быть составлен в начале XV века. Это доказывается многими старинными словамии и оборотами, которых теперь нет в языке» – деп көрсеткен. «Едіге» эпосын қазақ, қарақалпақ, ноғай, татар, башқұрт, өзбек, түрікмен сияқты түркі халықтары XIV–XV ғасырлардан бастап жадында сақтап 1944 жылға дейін дәріптеп келді. Бірақ Кеңес Одағында 1944 жылдан бастап Едіге мен оның ұрпақтарына байланысты жырлар өткен заманды дәріптеушілік, моңғол–татар басқыншылығын ақтау бар деген айыппен жариялауға тыйым салынды. КСРО құлап көптеген түркі халықтары тәуелсіздік алған соң «Едіге» жырын жариялау, зерттеу қайта қолға алынды. Эпосты зерттеушілердің дерегіне қарағанда бүгінгі таңда «Едіге» эпосының 50–ге тарта нұсқасы бар. Бірақ

[a] © Калиев Ж., Дүйсен С., 2025

зерттеушілердің пікірінше түркі халықтарында сақталған жырдың нұсқаларында Едігенің жеке басына байланысты деректер мен пікірлерде қарама–қайшылықтар мол екені байқалады. Едіге саналы өмірінің көп бөлігін Алтын Орда мен Ноғай ордасы билігіне қол жеткізу үшін және сол мемлекеттерді нығайту жолында күреспен өткізіп қаза тапқан тұлға.

Ойымызды жүйелей келе төмендегідей ұсыныстарға тоқталдық: Біріншіден, Едіге тұлғасы көптеген түркі халықтарының тарихи жадында сақталып, 1,5 мың жылдан астам уақыт өтсе де түркі халықтарының тұтастығын сақтау жолында атқарған істері ұмытылмай, қайта жаңғырып, тұтас түркі жұртының орта ғасырлардағы Еуразиядағы ең қуатты империяның билеушісі ретінде тарихта орын алды. Екіншіден, Әмір Едігенің өмір жолы, мемлекет басқару өнері оның талантты, айлакер, батыл саясаткер, қолбасшы, дипломат болғанын байқатады.

Үшіншіден, Едіге әмір ноғай–қыпшақ ұлыстары мемлекетінің басшысы ретінде солардың мүддесін қорғап қызмет жасағандықтан қазақ халқының тарихи жадында «Ел қамын жеген ер Едіге» деген атпен есімі сақталып, қазіргі күні жаңаша ұлықталуда. Төртіншіден, қазақ халқын, мемлекетін құраушылардың бірі қыпшақ ру–тайпалары болғандығы және олардың ноғай халқымен ғасырлар бойы шығу тегі бір және тілі, діні, ділі, салт–дәстүрі, мәдениеті, шаруашылық жүргізу әдіс–тәсілдері ұқсас болғандығы тарих ғылымында мойындалған ақиқат. Әмір Едіге сол ноғай ұлтының төл өкілі және қазақ пен ноғайға ортақ тарихи тұлға, Алтын Орда мемлекетін сақтап нығайту жолына өмірін арнаған мемлекет басшыларының бірі ретінде қазақ тарихында өзіндік орны бар қайраткер ретінде орнықтыру әділдік болар деп білеміз.

Түйін сөздер: Әмір Едіге; Әмір Темір; Тоқтамыс; Алтын Орда хандары; Алтын Орда (Ұлық Ұлыс); Ноғай Ордасы; тарихнама; эпос

Сілтеме жасау үшін: Қалиев Ж., Дүйсен С. Орыс, түркі халықтары және қазақ тарихнамасындағы әмір Едігенің тарихи тұлғасы. *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. Т.1, no.1, б.122-139. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.105.121

The Figure of Emir Edigu in Russian, Turkic, and Kazakh Historiography

J. Kaliev[a], S. Duisen[a]

[a]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract. This article examines the study and evaluation of the role of Amir Edigu, ruler of the Golden Horde (Ulugh Ulus) from 1396-1419 and supreme biy (beklerbek) of the Nogai Horde, within Soviet/ Russian, Turkic, and Kazakh historiography. As the uluses under Amir Edigu's authority bordered the Russian state and maintained close interrelations, Russian written sources preserve abundant information concerning him. Russian sources report that legends about Edigu were recorded from the Kazakhs by G.I. Spassky and from the Nogais by A. Khodzko. Prominent Russian historians, such as B. Grekov and A. Yakubovsky, characterize Edigu negatively. Given that the Russian state existed under the dominion of the Golden Horde for 240 years, Russian historians depicted Amir Edigu, one of this ulus's rulers, as a cruel tyrant due to his repeated raids on Russian lands precipitated by the non–payment

of tribute. Nevertheless, several researchers, including M. Saparghaliev, V. Trepavlov, and R. Pothekaev, offer a more objective assessment of Amir Edigu's personality. V. Trepavlov posits that Edigu founded the Nogai Ulus, which originated from the Golden Horde. He appears in historical chronicles under the titles "temnik", "amir", and "beklerbek". The state formed in the 1390s was established in Western Kazakhstan, between the Zhaiyk (Ural) and Emba rivers, and subsequently expanded its territories. Sh. Ualikhanov, A. Margulan, along with scholars B. Ayagan and M. Alpysbes, maintain that Edigu was born in the settlement of Kumkent on the slopes of the Karatau mountains, and suggest that the Nogais may have migrated as far as Kyrgyzstan at some point. "Historical epic poems preserved in the people's memory play an important role in clarifying the figure of Edige". Shokan Ualikhanov was the first, in the 19th century, to provide a scholarly analysis of the historical foundations of the epic common to the Turkic world. He noted, "The Zhir (Epic) of Edigu relates to events at the end of the 14th century and must have been composed at the beginning of the 15th century. This is evidenced by many archaic words and expressions no longer present in the language". The epic "Edige" has been preserved in the collective memory of Turkic peoples – including Kazakhs, Karakalpaks, Nogais, Tatars, Bashkirs, Uzbeks, and Turkmens – who widely incorporated it into their culture from the 14th–15th centuries. However, commencing in 1944 within the Soviet Union, epics concerning Edigu and his descendants were perceived as glorifying the past and attempting to whitewash the Mongol–Tatar invasion, leading to their removal from publication. Following the collapse of the USSR and the attainment of independence by numerous Turkic nations, the "Edige" epic experienced renewed publication and research. According to contemporary researchers, approximately 50 variants of the "Edige" epic exist today. However, scholarly opinion holds that the extant versions contain numerous discrepancies when compared with historical sources and perspectives regarding Edigu's personality. Nonetheless, Edigu dedicated much of his active life to the struggle for power and the consolidation of the Golden and Nogai Hordes. Therefore, in conclusion, several facets of his personality merit emphasis: First, Edigu's persona persists in the historical memory of most Turkic peoples, as does his ambition to unify the Turkic nations. After centuries, his name has been restored and has assumed its place in history as the ruler of a significant Turkic empire in medieval Eurasia. Second, Amir Edigu's life course and statecraft demonstrate his qualities as a charismatic, adept, and resolute politician, military commander, and skilled diplomat. Third, as the ruler of the Nogai–Kipchak uluses, Edigu championed their interests. Consequently, he endures in the historical memory of the Kazakh people and is revered to this day as "El qamyn jegen er Edige", translating to the hero who cared for the people. Fourth, it is a recognized fact within historical scholarship today that the foundation of the Kazakh people and state comprises Kipchak clans and tribes. These groups were historically proximate to the Nogais, sharing common origins, related languages, a unified faith, mentality, analogous traditions, cultures, and economic systems. Therefore, it is justifiable to regard Amir Edigu as a son of the Nogai people and a shared historical figure for both Kazakhs and Nogais – a ruler of the Golden Horde who dedicated his life to the state's preservation and consolidation, and a figure deserving a distinguished place in Kazakh history.

Keywords: Amir Edige; Amir Timur; Toktamys; khans of the Golden Horde; Golden Horde (Ulug Ulus); Nogai Horde; historiography; epic

For citation: Kaliev J., Duisen S. The Figure of Emir Edigu in Russian, Turkic, and Kazakh Historiography. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.1, no.1, pp.122-139. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.105.121

Исторический облик эмира Едиге в русской тюркоязычной и казахской историографии

Ж. Калиев[a], С. Дуйсен[a]

[a]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Аннотация. в статье повествуется о том, как изучалась и оценивалась роль правителя Золотой Орды (Улуг Улуса) в 1396-1419 гг., верховного бия (беклербека) Ногайской Орды – амира Едиге в советско-российской, тюркской и казахской историографии. Поскольку улусы, находившиеся под властью амира Едиге, соседствовали с русским государством и имели тесные взаимосвязи с ним, в русских письменных источниках сохранились богатые сведения об Едиге. Русские источники сообщают, что легенды об Едиге были записаны от казахов Г.И.Спасским, от ногайцев – А.Ходьзко. Известные Российские историки Б.Греков и А.Якубовский характеризуют Едиге как отрицательного персонажа. Как известно, Русское государство 240 лет существовало под властью Золотой Орды, поэтому российские историки охарактеризовали одного из правителей этого улуса амира Едиге жестоким, безжалостным тираном за его неоднократные набеги на русские земли из–за неуплаты податей. Тем не менее, ряд исследователей, такие, как М.Сапаргалиев, В.Трепавлов и Р.Почекаев, дают объективную оценку личности амира Едиге. В.Трепавлов пишет, что Едиге был основателем берущего начало от Золотой Орды Ногайского улуса, в исторической хронике встречается под титулом «темника», «амира», «беклербека», а образованное государство в 90–е годы XIV века обосновалось в Западном Казахстане – в междуречье Жайыка и Эмбы, которое со временем увеличило свои владения. Ш.Уалиханов, А.Маргулан, а также ученые Б.Аяган и М.Алпысбес придерживаются мнения, что Едиге был рожден в городище Кумкент, расположенного на склоне горы Каратау, а ногайцы в какое–то время могли кочевать аж до Киргизии. «Исторические поэмы, сохранившиеся в народной памяти, играют важную роль в определении образа Едиге». Первым, давшим научный анализ историческим основам общего для всего тюркского мира эпоса в XIX веке, был Шокан Уалиханов. Он полагал, что «Джир Идыге» по событиям относится к концу XIV века, должен быть составлен в начале XV века. Его гипотеза подтверждается многими старинными словамии и оборотами, которых теперь нет в языке». Эпос «Едиге» сохранился в памяти тюркских народов – казахи, каракалпаки, ногаи, татары, башкурты, узбеки, туркмены с XIV–XV веков широко применяли его в своей культуре. Однако в Советском Союзе с 1944 года эпосы об Едиге и его потомках стали восприниматься как восхваление прошлого, попытка обелить монголо–татарское нашествие и были сняты с книжных полок. С распадом СССР и после обретения многими тюркскими народами своей независимости эпос «Едиге» начал заново издаваться и исследоваться. Как отмечают исследователи эпоса, на сегодняшний день существует около 50 вариантов эпоса «Едиге». Но, по мнению ученых, в сохранившихся вариантах эпоса относительно источников и мнений касательно личности Едиге имеется множество разногласий. Тем не менее Едиге большую часть своей сознательной жизни боролся за власть и укрепление Золотой и Ногайской Орд. Авторское заключение подчеркивает особенности его личности: Во–первых, личность Едиге сохранилась в исторической памяти большинства тюркских народов, как не забыто его стремление объединить все тюркские народы. Спустя 1,5 тысячи лет его имя восстановлено вновь и получило свое место в истории в качестве правителя могущественной империи тюрков в средневековой Евразии. Во–вторых, жизненный путь и искусство управления государством амира Едиге характеризуют его как харизматичного,

ловкого, волевого политика, полководца и искусного дипломата. В-третьих, Едиге как правитель ногайско–кипчаских улусов отстаивал их интересы, поэтому в исторической памяти казахского народа он сохранился и по сей день почитается как «Ел қамын жеген ер Едіге», что в переводе означает «думающий о народе». В–четвертых, то, что основу казахского народа, казахского государства составляют кипчакские роды и племена, которые издревле являлись близкими к ногаям, с которыми имели общие корни, родственные языки, единую веру, менталитет, схожие традиции, культуры, тип ведения хозяйства – сегодня признанный в исторической науке факт. Поэтому справедливо будет считать амира Едиге как сына ногайского народа и общей для казахов и ногаев исторической личностью, одного из правителей Золотой Орды, который посвятил жизнь для сохранения и укрепления страны, деятелем, заслужившим особое место в казахской истории.
Ключевые слова: Эмир Едиге; Эмир Тимур; Токтамыш; Ханы Золотой Орды; Золотая Орда (Улуг Улус); Ногайская Орда; историография; эпос

Кіріспе

Барлық халықтар секілді Ұлы даланың түркі тілдес тұрғындары да өздерін өрге сүйрейтін ұлы тұлғаларын туғызып отырды. Ол тұлғалар сол қоғамның ауыр да жауапты жүгін, міндетін арқалады, өздеріне зор жауапкершілік алды. Ал, болашаққа сеніп ұлысын дұрыс басқарған, ақылы мен парасаты мол көшбасшы тұлғаларды халқы жақсы көріп жадында сақтады. Осындай тұлғаларды ұлттарға бөлектемей құрметтеп, сіңірген еңбектеріне қарай елеп–екшеп Ұлы Даланың жазба тарихында лайықты орын беріп отыру тарихшы ғалымдардың парызы.

Ғылыми зерттеуде ғылыми категорияларды анықтаудың маңызды орын алатыны белгілі.

Тұлғатануда қазақ тілді ғалымдар «өмірбаян», «ғұмырнама», «ғұмырбаян» деген тіркестер қолданса, орыс деректерінде «личность», «лидер», «персоналия», «историческая персоналистика», «биографическая история», «историческая личность», «микроистория» сияқты ұғымдарды қолданады. Біз мақаланы дайындау барысында М.Қозыбаев ұсынған «ғұмырнама» ұғымын қолдануды жөн деп білдік.

Тұлғатану тарих ғылымының бір маңызды бағыты саналады. Өйткені тұлғатану – мемлекет, ұлт тарихын терең танып түсінуге септеседі. Ал, дәуіртекті тұлғалардың қоғамдағы іс-әрекеті арқылы тарихтың тәжірибесі мен сабағы, қоғамның болмыс бітімі ашылады. Түркітектес халықтар тарихында әлі де өзінің лайықты орнын толығымен ала алмай жүрген тұлғаның бірі Едіге. Қазақтың ауызша және жазба дереккөздерінде Едігені би деп әспеттейді. Едіге – орта ғасырларда өмір сүріп, Еуразия тарихында өзіндік орын алған түрік халықтарына ортақ тарихи тұлға. Сондықтан олардың ауыз әдебиетінде Едіге туралы тарихи-қаһармандық жырлар туды. Түркі халықтарының бірқатарында Едіге туралы көптеген өлеңдер мен аңыздар сақталған.

Материалдар мен әдістер

Ғылыми мақаланың негізгі мақсаты – тақырыпта көрсетілгендей орыс мемлекетінің тарихи еңбектерінде, сонымен қатар қазақ және бауырлас түркі халықтарының жазба

және ауызша тарихнамасында әмір Едігенің шығу тегін және түркі тілдес халықтарға қатысы бар не жоқтығын анықтау, Едігенің Алтын Орда тарихындағы рөлінің бағалану динамикасын айқындау.

Зерттеудің нәтижесі – Алтын Орданың саяси тарихы мен оның бір әміршісі Едігенің тарихын зерттеу үрдісі өте күрделі және қатпарлы да, бұралаң жолдармен жүргені анықталды. Бұл әсіресе Едіге әмірдің тарихтағы рөлі мен оның тұлғасына арналған халық эпосының тағдырында айқын көрінді. Осы эпосқа байланысты зерттеулер басталғанда–ақ тарихшылар арасында осы тарихи тұлға мен оның тағдырына қатысты қызығушылық туды.

Тарих ғылымында жеке тұлғаның, яғни лидердің рөлі жөнінде ғасырлар бойы әртүрлі көзқарастар, пікірлер алуандығы тоқтаусыз жүруде.

Шетелдік ғалымдардың зерттеулеріне қарағанда әйгілі тұлғалардың тарихтағы рөлі туралы пікірталастар әртүрлі тарихи кезеңдерде, ерекше тарихи тұлғалардың жағымды, не жағымсыз іс–қимылдарына, қоғамда болған саяси оқиғаларға т.с.с. жағдайларға байланысты өршіп, не бәсеңдеп немесе қайтадан жанданып отырған (Гринин 2011).

Ғылыми энциклопедияда тарихтағы тұлғаның рөлін зерттеуде З. Фрейд, К. Юнг, Н. Бердяев, А. Камю, Ж. Сартр, М. Хейдеггер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, М. Бубер және т.б. әйгілі ғалымдар үлкен үлес қосқаны айқындалған (Мәдени-философиялық энциклопедиялық сөздік 2004: 264).

Әлемдік тұлғатану үрдісінен ортағасырлардан бері әл-Фараби, М. Қашқари, Ж. Баласағұн, М. Дулати, Қ. Жалайыри, Ш. Уәлиханов, А. Құнанбаев сияқты қазақ ғалымдары да тыс қалған емес.

Ж. Баласағұн «жаһанды билеуге ұмтылған тұлғаға асқан ақылдылық, елге билік құруға жүректілік, батырлық» керектігін ескертеді.

Қазақстандық тарихшылардың бірқатары: «адамзат тарихында қоғамның дамып, әлеуметтік ортаның жоғары өркендеуіне адам факторы, әсіресе, лидер феномені ерекше әсер етеді» – деген пікірді қуаттайды (Әбуев 2011: 93).

М. Қозыбаев тәуелсіздікке қол жеткізген алғашқы жылдары қазақ тарихын жаңаша зерттеуде өркениетті елдердің тарих методологиясы мен әдіснамасын игеруге шақырған болатын (Қозыбаев 1997: 39).

Тарихи жеке тұлғаларды концептуалдық тұрғыдан зерделеудің негізгі талаптарын тізбелей келе М. Қозыбаев тарихи тұлғаларды зерттеуде олардың өмір жайына, дүниетанымына, өмір сүрген ортасына, яғни заман сырына үңілуге үндеді (Қозыбаев 2013: 84).

Қ. Әбуев болса жеке тұлғаны зерттегенде күнделікті тұрмыс тіршілігін, өмір сүру жағдайын, яғни өміріндегі күрделі мәселелері, сырқаттары мен өлімі, отбасындағы қарым–қатынастары, істеген зорлық–зомбылығы, қайырымдылығы мен қасіреттері, ішкен асы, діни көзқарастары – міне осының бәрін қамтуға тырысу керек деп әріптесінің ойын нақтылай түседі (Әбуев 2011: 96).

Ресей империясы тарихнамасында Едігені кеудемсоқ, жауыз, зұлым билеуші ретінде сипаттаса, кеңестік тарихнама Едіге тұлғасы мен оған арналған эпосты орыс халқы мен мемлекетіне зиянды деп бағалап зерттеуге және дәріптеуге тыйым салды.

Едіге әмірдің шығу тегі, оның өз заманындағы түрік және славян халықтарының тарихи оқиғаларындағы әрқилы бағаланған рөлі мәселелері ғылыми методологиялық және тарихи даму барысындағы жүйелілік әдістеріне сүйене отырып қарастырылды. Ал

тарихи және этномәдени оқиғалар мен құбылыстарды жаңа теориялық–методологиялық ұстанымдар арқылы, бірқатар жағдайларда гипотетикалық қайта құрастырулар арқылы негізделді. Аталған ғылыми методология мақалада мынадай міндеттерді зерттеуге бағытталды:

– Әмір Едіге тақырыбын зерттеуге тыйым салыну себептері;
– Ер Едіге тұлғасын зерттеудің қайта жануы;
– Әмір Едігенің шығу тегін айқындау;
– Едігенің Алтын Орда (Ұлық Ұлыс) тарихындағы рөлі;
– Ұлттық тарихнамаларда Едігенің әртүрлі сипатталуы және бағалануы;
– Ер Едіге тұлғасының қазақтың жазба және ауызша тарихында бағалануы.

Зерттеу материалдары ретінде ғылыми монографиялар, энциклопедиялар, анықтамалықтар, дәрістер жинағы, мақалалар пайдаланылды (Аяған 2020: 139-159).

КСРО ыдыраған соң оның құрамында болған Әзірбайжан, Қырғызстан, Қазақстан, Түрікменстан және Өзбекстан сияқты одақтас республикалар толық тәуелсіздік алып өздерінің тарихын ұлттық мүдделеріне сай жаңа көзқараспен және методологиялық ұстаныммен жазуға кірісіп, жақсы нәтижелерге қол жеткізуде. Осы үрдіске Ресей Федерациясы құрамында болса да Татарстан Республиксы да өздерінің өткен тарихын, әсіресе Алтын Орда кезеңін жаңаша жазуда жүйелі жұмыс жасауда. 2003 жылдан Татарстанның Тарих институтында Алтын Орданың тарихы мен мәдениетін зерттейтін орталық құрылып жұмыс жасауда. «Золотоордынская цивилизация» ғылыми жинағы 2008 жылдан бастап жүйелі шығып келеді. Татарстан ғалымдарының бастамасымен 2019 жылы Қазан қаласында Алтын Орданың 750 жылдығын атап өтті. Осы ғылыми жиындар мен басылымдарда Алтын Орда хандары қатарында Едіге әмір тұлғасы туралы да айтылды (Гиниятуллина 2023: 714–718). Осы арада бір ескеретін жәйт, Татарстанның тарихшы ғалымдары Алтын Орданы татарлардың мемлекеті және Едігенің де ұлты татар, сондықтан осы ұлттың ханы және ұлттық батыры деген пайымды ұстанды.

Қазақстан тәуелсіздік алғанымен кейінгі жылдарға дейін отандық тарихшылар Алтын Орда тарихын зерттеген жоқ. Кейінгі жылдары ғана профессор Б. Аяған дәрістер жинағын, ал, А. Кушкумбаев, М. Алпысбес, Ж. Сабитов, Қ. Ускенбаев, Н. Атығаев сияқты қазақстандық тарихшылар Алтын Орда тарихына қатысты бірнеше зерттеу мақалаларын жазды. Осы зерттеулерде арнайы болмаса да Едіге әмір тұлғасы қарастырылды.

Талдау

Тарих философиясы мен әдістемесінің негізін қалаушылардың бірі К. Ясперс (1883–1969) «Тарихтың мәні мен мақсаты» атты еңбегінде тарихты, тарихи тұлғаларды, олардың заманын тереңірек тану үшін тек жазба, заттай (археологиялық) деректердің жеткіліксіздігін айта келе «бізге асыл сөз жеткенде ...тек ауызша мәліметтер ғана бізге адамның жан–дүниесі, көңіл күйі мен қозғаушы күштерін сезінуге мүмкіндік береді», – деп пайымдаған (Ясперс 2006: 546).

Қазақ әдебиеті ғылымы орнықтырған тарихи жыр тарих емес, олар тарихтың көркем шежіресі деген қағиданы ескере отырып Ер Едіге тұлғасын бағалауда ол туралы эпостағы мәліметтерді жазба деректермен салыстыра отырып пайдаланудың тигізер пайдасы мол деп ойлаймыз.

Әмір Едіге басқарған ұлыстар орыс мемлекетімен іргелес және тығыз қарым–қатынаста болғандықтан бұл қайраткер туралы олардың жазба деректерінде де мәліметтер молынан кездеседі.

Орыс деректерінде Едіге туралы жырды алғаш рет 1820 жылы «Сибирский вестник» журналы жариялады. Бұл Сібірде туып өскен жазушы Г. Спасскийдің қазақтар арасынан жинап, қарасөз түрінде орысша мазмұндамасы еді. Осыған ілесе 1830 жылы А. Ходьзко Астрахань маңындағы ноғайлардан Едіге жайында бірнеше жыр жазып алды (Бабалар сөзі 2006: 442).

Кеңес заманының тарихшы академигі Б.Д. Греков: «В русской историографии давно сложилось представление о Едиге как об одном из наиболее коварных и хищных ордынских правителей. Это представление покоится на наиболее ценном полном источнике по истории русско–татарских отношений конца XIV и начало XV русской летописи», – деп жазған (Греков, Якубовский 1950: 384).

Ресей тарихшыларының Әмір Едігені жағымсыз қайраткер ретінде сипаттауын түсінуге болады, өйткені Алтын Орда (Ұлық Ұлыс) Орыс мемлекетін 240 жылдай бағыныштылықта ұстағаны белгілі.

Ресей және Кеңес империялары құрамында ғұмыр кешкен қазақ, ноғай, татар, қарақалпақ, башқұрт, өзбек, түрікмен сияқты түркі халықтары «Едіге» эпосын XIV–XV ғасырлардан бастап 1944 жылға дейін жағымды бейнеде оқып, тыңдап және дәріптеп келді. Бірақ Кеңес Одағында 1944 жылдан бастап Едіге мен оның ұрпақтарына байланысты жырлар жарияланбады және ауызға алынбады. Себебі сол жылдың тамыз айында татар облыстық партия комитетінің жұмысы туралы «Татарстан партия ұйымы бұқаралық–саяси және идеологиялық жұмысының жайы мен оны жақсартудың шаралары туралы» БК(б)П Орталық Комитеті қаулы қабылдап, сонда қатты сыналды. Қаулыда бұл эпосты өткен заманды дәріптеушілік, моңғол–татар басқыншылығын ақтау бар деген айып тағылды.

1947 жылы 21 қаңтарда Қазақстан Коммунистік Партиясы Орталық Комитетінің де қаулысы шығып, онда «Қазақ әдебиеті тарихын» құрастырушылардың «саяси босаңдығы» ретінде сыналды. Қаулы шыққан соң құрастырылып жатқан «Қазақ әдебиеті тарихының» бірінші томына енген «Едіге» жыры, оның ұрпақтарына қатысты «Орақ–Мамай» жыры алынып тасталды (Асанұлы 2013). 50–ші жылдары қазақ әдебиетшілері мен тарихшылары тарапынан Мәскеу билігіне «Едіге» жырына берілген бағаны қайта қарау туралы әлсіз әрекеттер жасалғанымен нәтиже шықпады.

КСРО құлап көптеген түркі халықтары тәуелсіздік алған соң «Едіге» жырын жариялау, зерттеу қайта қолға алынды. Эпосты зерттеушілердің бірі, филология ғылымдарының докторы Жұбаназар Асанұлының дерегіне қарағанда бүгінгі таңда «Едіге» эпосының 50–ге тарта нұсқасы бар. Оның ішінде Шоқан нұсқасы 1400 жол, ноғай нұсқасы 1500 жол, башқұрт нұсқасы 5000 жол, татар нұсқасы 7000 жол, қарақалпақтағы Өтенияз нұсқасы 13680 жол, Қияс нұсқасы 16296 жол. Бәрінде де «Едіге деген ер еді, елдің қамын жер еді», – деп дәріптеледі (Асанұлы 2013).

Өткен тарихқа шегініс жасап қарасақ XIX ғасырда түркі жұртына ортақ жырдың тарихи негіздерін ғылыми тұрғыдан саралауға алғаш қадам жасаған автордың бірі Шоқан Уәлиханов болғанын көреміз. «Джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, должно быть составлен в начале XV века. Это доказывается многими старинными

словамии и оборотами, которых теперь нет в языке, – деп, мұндағы тарихи оқиғалардың XIV ғасырда өтіп туындының XV ғасырда пайда болғанын көрсетеді (Валиханов 1985: 297). Жырдың ең басты қаһарманы Едіге екенін де осы қазақ ғалымы айтты. Ш.Уәлиханов Едігенің Шыңғыс әулетінен болмаса да Алтын Орданың төрт ханының атынан жеке дара билік жүргізген қайраткер екенін жазып кеткен.

Зерттеушілердің пікірінше түркі халықтарында сақталған жырдың нұсқаларында Едігенің жеке басына байланысты деректер мен пікірлерде қарама–қайшылықтар мол екені байқалады.

Тәуелсіздік жылдары белгілі қазақ тарихшысы Бүркітбай Аяған Алтын Орда тарихына арналған дәрістер жинағында Едіге туралы бес беттік тұщымды мәлімет берді (Аяған 2020: 147–150). Осыдан кейін Мақсат Алпысбес пен Фархад Алеушиновтың Едігеге қатысты бір мақаласы жарияланды (Алпысбес, Алеушинов 2023: 464–478). Осы екі еңбектен кейін отандық тарихшылардың әмір Едіге туралы басқа еңбектері кездеспеді.

Зерттеушілердің еңбектерінде және «Едіге» эпосында бұл тұлғаның өмір жолы, атқарған істері қым–қиғаш қарама–қайшылықтарға толы екендігі байқалады.

Фольклор зерттеушілердің бірқатарының пікірінше көзінің тірісінде–ақ Едігені жек көрушілер жеткілікті болған. Олар Едігені Алтын Орданы құлатуға жеткізген деп айыптайды. Даттаушылар ішінде атақты Әмір Темір мен Тоқтамыс ханның алар орны бөлек. Бұларға арқа сүйеген түркі халықтарының едәуір бөлігі Едігенің саясатын жамандап, әңгімелер, өлең–сөздер, аңыздар таратқан. Едігетанушы Жұбаназар Асановтың пікірінше Едігені қаралау да, мақтау да сол заманда, көзінің тірісінде бар еді, әлі де жалғасуда (Асанұлы 2013). Мәселен Н. Исәнбәттің редакциясымен шыққан «Идегәй» дастанында Едігені татар халқының қаһарманы ретінде көрсетеді (Исәнбәт 1940: 39-92).

Кеңестік және посткеңестік заманда «Едіге» жырын зерттеуге В. Жирмунский, П. Мелиоранский, А. Самойлович, М. Тынышбаев, М. Әуезов, Қ. Сәтбаев, С. Қасқабасов, М. Мағауин, Е. Мағауин сияқты белгілі ғалымдар азды–көпті өз үлестерін қосты. Бәрі де эпосқа жоғары баға берді (Бабалар сөзі 2006).

Едіге әмірдің тұлғасын тарихи тұрғыдан зерттеу мәселесі қазақстандық ғалымдар тарапынан әлі қолға алынбай келеді. Едігенің түркі халықтары, соның ішінде қазақ тарихындағы рөлі туралы аз ғана ғылыми мақалалар мен пікірлерді есепке алмағанда арнайы іргелі ғылыми еңбектер жоқ.

Белгілі қазақ тарихшысы Бүркітбай Аяған Едігенің шығу тегі туралы зерттеушілер, шежіретанушылар арасында пікірталастар көптігіне назар аударады. Бір деректер Балтықшының емес, Құтлықияның баласы, келесілері қоңырат, маңғыт (ақмаңғыт) және қожа тұқымынан, тіпті аңыздағы Баба Тұқластың ұрпағы деген болжамдар барын да алға тартады (Аяған 2020: 147).

Біздің ойымызша Қазақ энциклопедиясында жазылғандай Едіге Қаратау өңіріндегі Құмкент қаласын билеген маңғыт әулетінен шыққан Құтлу Қабаның (Кутлу–Каба) баласы (Қазақ Совет Энциклопедиясы 1974: 105) деген дерек шындыққа жанасымды сияқты.

Отандық ғылыми еңбектерде ортағасырлық Құмкент шаһарының орны Оңтүстік Қазақстан облысының Шолаққорған ауданынан 30 шақырым жерде, Байқадам кентіне барар жолдың бойында екені көрсетілген. Құмкент қаласы XIII–XIV ғасырларда Таластан Сайрамға қарай созылатын сауда жолының бойында орналасты және XV ғасырдың аяғына

дейін адамдар мекендегені және бұл қоныстың орнын Ә. Марғұлан және А. Бернштам сияқты танымал ғалымдар зерттегені жазылған (Бабалар сөзі 2006: 434–435). Есімдері танымал екі ғалымның Құмкент шаһары тарихта болғандығы және мұнда көптеген түрік тектес халықтар бірге мекендегені туралы ойға жетелейді. Сонымен Едігенің осы аймақта дүниеге келуі мүмкіндігін жоққа шығаруға болмайды.

Ал ерте замандарда ноғайлардың Қазақстанның оңтүстігі мен қырғыз жеріне дейін қазіргі қазақ, өзбек халықтарымен бірлесе жайлағаны туралы деректер кейінірек мақаламызда айтылады.

Дегенмен зерттеушілердің басым бөлігі әмір Едігені түркілердің бір бұтағы ноғай халқының өкілі деп біледі. Солардың бірі, қазақ халқының орта ғасырдағы тарихын көп зерттеген Қожабекұлы Байұзақ Албанидің 1960 жылы жарық көрген көптомдық «Народы Кавказа» деген кітаптан жинақтаған деректеріне қарағанда орта ғасырлар мен жаңа заманда Қырым ханына, Түрік сұлтандығына, Ресей патшалығына тәуелді болған ноғай халқының негізгі бөлігі 400 жыл бойы Қырым мен Еділ арасында өмір сүрді. Әмір Едігенің баласы Нұраддинің билік құрған 1426–1440 жылдары Ноғай Ордасы күшейіп, одан кейінгі жылдары әлсіресе де Ресей билігін 1600 жылға дейін толық мойындамаған. Ресей отаршылдығы зардабына шыдамаған ноғайлардың 1866 жылы 180 мыңы Түркияға қоныс аударған. Қазіргі уақытта Ресей Федерациясы құрамында қалған ноғай халқының аздаған бөліктері Шешен, Ингуш, Қарашай, Шеркес, Дағыстан және Ставрополь өлкесінде мекендейді (Қожабекұлы 1994: 217–219).

Ноғай Ордасының тарихын терең зерттеген Ресей тарихшысы В.В. Трепавловтың пайымдауынша ноғайлардың осы саяси бірлестігі XIV ғасырдың 90–жылдары Батыс Қазақстанда Жайық пен Ембі өзендері арасында орныгып уақыт өте келе жер аумағын ұлғайтты (Трепавлов 2016: 64). Осы автор ұлыстың (Юрт) негізін қалаушы Едіге екенін көрсетіп, лауазымы тарихи деректерде «түменбасы–темник» (он мың әскер қолбасшысы)», «әмір», «беклербек» атауларымен кездесетінін жазады.

Қазақстандық ресми тарихнамада Алтын Орданың ыдырауы барысында пайда болған ірі мемлекеттік бірлестіктің бірі Ноғай Ордасы екені және XIV–XV ғасырларда оған Батыс Қазақстан аумағы кіргені көрсетілген. Ноғай Ордасын іс жүзінде 15 жылдай (1396–1411) өз қолында ұстаған Едіге тұсында оқшаулана бастағаны және XV ғасырдың ортасына қарай тәуелсіз мемлекетке айналғаны баяндалады (Қазақстан тарихы 2010: 110).

Осы арада қазақстандық академиялық басылымдарда Ноғай Ордасының «Ноғай ұлысы», «Ноғай жұрты», «Маңғыт жұрты» аталатынын және бұл мемлекеттің Қазақстан аумағында пайда болғаны туралы нақты жазылғаны, Ноғайлы ұлысының негізін қалағандардың бірі әмір Едігенің де қазақ жеріне, тарихына тікелей қатысы барлығы мойындалғаны байқалады (Қазақстан тарихы 2010: 159).

Бестомдық «Қазақстан тарихының» екінші томында Ноғай Ордасы мен Қазақ хандығы халықтарының жақын туысқандығы туралы Ш.Уәлихановтың жазғаны және Шоқанның қазақ ханы Жәнібек тұсында достық қатынаста өмір сүрген ноғайлар мен қазақтарды «екі туысқан орда» дегенін алға тартады (Қазақстан тарихы 2010: 160).

Ш.Уәлиханов қазақ және қырғыз шежірешілерінен, халық тарихын жадында сақтаған көнекөздерден естігендеріне сүйеніп бір кездері ноғайлардың Алатауға, қырғыздың Ыстықкөліне дейін барып жайлағанын, Ыстықкөл маңында ноғайдың бірнеше қалалары болғаны, тек апаттан соң қирағанын, желді, дауылды күндері көл жағасына–қайранға

олардың үй мүліктерін толқын айдап шығарып тұратынын жазған. Қазақтардың аңыз–жырларында ноғай мен қазақ аралас көшіп, «қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған заман» еді деп айтылғанын еске алады (Уәлиханов 1985: 113–114).

«Ноғайлар жеріне қалмақ ханы Хоурлық шапқынынан соң, ноғайлар Жайық пен Еділдің арғы бетіне өтіп, қазақтар 1636 жылы оңтүстікке ығысады... Қазақ пен ноғайлардың жылап айрылысуы, сол кезде дүниеге келген аңыз–дастандарда, күйшілердің қобызда ойнаған күйлерінде өшпес із қалдырды. Ол дастан–жырларды, күйлерді тыңдаған кәрілердің сақалдарынан тарам–тарам жас ағып, мұң–шерге батады. «Ормамбет би өлген күн. Он сан ноғай бөлген күн», – деп жырлайды дала жыраулары, –деп тебіреніспен жазады Шоқан Уәлиханов (Уәлиханов 1985: 124).

Ноғай халқы, олардың ел басқарған қайраткерлері, солардың ішінде әсіресе Едіге есімі қазақ халқының тарихымен, фольклорымен тығыз байланысты. Қазақ ішінде Едігенің есімі өте әйгілі. Қазақ халқына ол батыл да, саяси қаһарман ретінде танымал. Қазақстанда елді мекендер, алаңдар, Ақтөбе қаласындағы көше Едіге есімімен аталады. Ұлытауда бір–бірінен алыс емес жерде орналасқан «Едіге» мен «Тоқтамыс» атты қос шоқылар бар (Аяған 2020: 147).

Кезінде Шоқан Уәлиханов та ортағасырлардағы аласапыран заманда түркі–моңғол тайпаларының біріккен одақтары болғанын, олардың кейбірі саяси тұтастыққа жеткенін Рашид ад–Дин мен А.И.Левшиннің деректеріне сүйеніп жазғаны белгілі. Ш.Уәлиханов ноғайлының «Едіге» жырын еске ала отырып, Сарайшық қаласы төңірегінде Ноғайлы елі болғанын жазады (Уәлиханов 1985: 110).

Едіге (1352–1419) маңғыт руының биі, қолбасшысы. Шыңғыс ханның әулетіне жатпаса да өзінің қарым–қабілеті, арқасында XIV ғасырдың соңы мен XV ғасырдың басында Алтын Орда (Ұлық Ұлыс) тағын иеленген ел басшысы бола білді. Поляк және орыс тарихи деректерінде Едіге Ноғай Ордасының, Алтын Орданың беклербегі ретінде сипатталады.

Едігенің өмірінің елеулі кезеңі Алтын Орда мен Әмір Темір арасындағы соғыстармен тікелей байланысты өтті. Едіге тарих сахнасына өзінің басты қарсыласы Тоқтамыспен қатар шықты. 1378 жылы Тоқтамыс Ақ Орда ханы Темір Мәлікті жеңіп Ақ Ордаға ие болғанда Едігенің әкесін өлтіртеді. Осыдан кейін Едіге Тоқтамыстан қашып, Әмір Темірді паналайды. Кейбір деректерде Әмір Темірдің бір әйелі Едігенің апасы болғаны айтылады, бұл да Едігенің қуатты билеушіні жақынсырап паналауына бір себеп болса керек. Сонымен бірге Әмір Темірдің айналасына Тоқтамыстан қашқан көптеген Алтын Ордалық төрелер мен билер жиналады.

Ақырында 1391 жылы Тоқтамыс пен Әмір Темірдің соғысы басталғанда, Едіге мен басқа қолбасшылар бұл соғысты елдеріне қайту үшін бір орай деп білді. Әмір Темір Алтын Ордаға шабуыл жасағанда, Едіге бас қолбасшы ретінде қол бастады.

Ресейдің тарихнамасында Едіге Ноғай Ордасының негізін қалаушы маңғыт руы әулеті басшысы ретінде аталады. Ресей мемлекеті Ноғай Ордасын талқандап, оның мырзаларын өзіне бас идіріп, империяға қызмет етуге мәжбүрлегені мәлім. Ресей мемлекетіне қызметімен тарихта қалған Урусов, Шайдеков, Юсупов, Суюндиков княздері Едіге әулетінен тарағандар ретінде белгілі.

Едігенің Алтын Орда тағын иелену жолындағы күресіндегі «опасыздықтар» мен бұралаң жолдардан өтуіне баға беру үшін Алтын Ордадағы сол кездегі жағдайға жазушы,

тарихшы Мұхтар Мағауиннің берген төмендегідей сипаттамасына назар аударған жөн деп білеміз. «1357 жылы Алтын Орданың ұлы ханы Жәнібек өлгеннен соң елдің саяси жағдайы қиындайды, аумалы төкпелі «бұлғақ кезеңі» туады. Қазақта ескіден қалған «Нар мойыны кесіліп, Бердібектің өлген жері» деген мақал бар. Бұл Бердібек – Жәнібек ханның туған ұлы. Аталарына тартпаған қорқау, залым, таққа таласар деген қауіппен, кіндіктес, немере–шөбере туыстарының түгел көзін жояды, ел жұртына қарабет болып, арада екі жыл өтер–өтпестен өзі де кісі қолынан өледі. Бердібектен соң шынында да нар мойыны кесіледі, яғни Алтын Орданың негізін салған Бату ханның тұқымы құриды, Жошыдан тараған басқа әулеттер ішінде таққа талас басталады. Тарихшылардың есебі бойынша, «үлкен бұлғақ» дәуірінде айналасы 20 жыл ішінде Алтын Орда тағында 14 хан ауысыпты. Ешқайсысы еркімен түспеген, бәрі де өзара қырқыс нәтижесінде қазаға ұшыраған» (Мағауин 1995: 10–11).

Қарудың, әскери күштің қауқарына сүйеніп, билеушілердің тақ таласы кезінде, мемлекетаралық қатынастарда неше түрлі айла–шарғыларға, опасыздықтарға, адам жанын түршіктіретін қанды қылмыстарға барған сол ортағасырлық қатал, Исай Калашников сипаттағандай «сұм заманда» өмір сүрген Едігенің кейбір әрекеттерін қазіргі заман тұрғысынан айыптау орынсыз болар деп ойлаймыз.

Ноғай Ордасының тарихын терең зерттеген ресей тарихшысы В.В.Трепавлов «Едіге дәуірі» деп айдарлаған Едіге басқарған Алтын Орданың бұл кезеңі билікке таласушы топтар арасында өзара қырқыстың өршіп Ақ Орданың Жошы ұлысынан (Алтын Орда) іс жүзінде бөлініп, өз алдына жеке мемлекет болған кез еді. Едігенің тақ үшін күресте оның Шыңғыс әулетінен болмауы, қарсыластарының оны «хан тағына лайықсыз қарасүйек», – деп кемсітуі Едігенің олармен аяусыз күресуіне, осы күресте оны адамгершілікке жат әрекеттерге баруға итермелегенін де назардан шығармау керек.

Ақ Ордада одан кейін бүкіл Алтын Ордада, одан кейін өкімет билігі Тоқтамыс қолына өткен кезде Едіге оған опасыздық жасап, немере туысы Темір–Құтлық (Тимур–Кутлук) екеуі Әмір Темірге жақтасады.

ХХ ғасыр басындағы татарлардың «Шора» журналында жарияланған тарихи деректерге қарағанда Едіге Әмір Темірді үгіттеп 1391 жылы Тоқтамысқа қарсы жорық жасауға көндіреді. Тоқтамыс ханның көп санды әскерінің құрамында Едігенің руластары бар болғандықтан оларға астыртын хабар жіберіп шайқас кезінде Тоқтамысты тастап кетуге көндіреді. Сол себепті Тоқтамыс жеңіліп қашады. Сөйтіп Едіге Тоқтамыстан кегін алады (Алтын Орданың құрылуынан құлауына дейін 1998: 54–55).

1391 жылы Темірді де тастап шыққан Едіге Еділ мен Жайық арасындағы жерлерді жеке билей бастайды. Ол кейінірек Алтын Орданы да өзіне қаратты. Алтын Орданың ханы деген атаққа Темір Құтлық әншейін ие болғанымен, оның шын мәніндегі билеушісі (1396–1411) әмір Едіге болды.

М. Сафаргалиевтің дерегінше Темір Құтлық ханның тірі кезінде–ақ «Ордадағы барлық князьдардың князы» болып алған Едіге Темір–Құтылық өлгеннен кейін мемлекетті басқаруды түгелдей өз қолына алды. Алайда хан ұрпағы болмағандықтан Едіге оның алдындағы Мамай сияқты өзіне хан атағын бере алмады. Хан тағына Жошы ұрпағынан шыққан ханзадаларды отырғызуға мәжбүр болған Едіге солар арқылы мемлекеттегі бүкіл істерді толық биліктегі әмірші ретінде басқарды (Сафаргалиев 2014: 208).

Қазақ тарихшысы Ж.М. Сәбитовтің дерегінше Өзбек хан реформасынан кейін әмірлердің билікке араласуы басталды. Алтын Ордада әмірлерден 9 билеуші шықса, солардың бірі Әмір Едіге болды (Сабитов 2008: 21).

Тарихшы Р. Почекаев Алтын Орда тарихына арналған еңбектерінің бірінде Едіге әмірге біршама объективті баға береді. Автор Едігенің орыс тарихнамасында қайшылыққа толы күрделі тұлға ретінде сипатталатынын ескерте келе Алтын Орда хандарынан Едігенің бірқатар ерекшеліктеріне тоқталады. Едіге 1397–1411/1419 жылдары Алтын Орданы уақытша билеушілердің («временщик» Ноғай, Мамай сияқты) бірі болғанымен Алтын Орданың бұрынғы күш–қуатын қалпына келтіруге соңғы рет әрекеттенген әмірші деп пайымдайды (Почекаев 2012). Әмір Темір билік жолындағы күресте қаза тапқанымен және Алтын Орда ыдырағанымен оның құрған негізгі мемлекеті – Ноғай Ордасы оның мұрагерлерінің (балалары, немере–шөберелері) қажырлы еңбектерінің нәтижесінде күшейіп біраз уақыт өмір сүріп, тіпті көрші мемлекеттердің Ноғай Ордасымен санасуларына қол жеткізген әмірші, – деген тұжырымдамаға тоқтайды (Почекаев 2012).

Тарихи әдебиеттерден Едігенің билікке қол жеткізу жолында бірқатар соғыстар жүргізгенін байқауға болады.

Едіге Темір Құтылықпен бірге Тоқтамысқа қарсы күресті. 1397 жылы Едіге Алтын Орда әскерінің қолбасшысы болды.

1399 жылы Едіге Ворскле өзенінің бойында Литва князы Витовтың және Литваға қашып кеткен Тоқтамыстың әскерін талқандады.

1399 жылы Темір–Құтлық өлген соң Едіге Алтын Орда тағына Шәдібекті отырғызды. Шәдібектің тұсында бұрынғы Жошы ұлысының жері ақырғы рет түгел біріктірілді.

1407 жылы Едіге Булгар қаласында өзін хан жариялаған Тоқтамыстың баласы Жалел ад–Динге қарсы жорық ұйымдастырды.

1409 жылы Едіге қарулы күштерімен өкшелей жүріп Батыс Сібірді паналап жүрген Тоқтамысты тауып өлтіріп өзінің бір басты бақталасынан біржолата құтылады (Аяған 2020: 148–150).

Әмір Едіге 1408–1409 жылы Руське шабуыл жасады. Ондағы мақсаты Орыс мемлекетін Алтын Ордаға қайтадан салық төлеуге мәжбүр ету еді. Жорық барысында орыстың Серпухов, Дмитров, Переяславль, Нижний–Новгород т.б. қалаларын қиратты. Москваны да қоршады бірақ оны ала алмады. Егер Едіге дарынсыз, нашар қолбасшы болса осыншама шайқастар жүргізіп, көбінде жеңіске жетпеген болар еді.

«Шора» журналындағы мақалаларда татар зерттеушілері орыстың атақты тарихшылары Карамзин мен Соловьевтің еңбектеріне сүйеніп Алтын Орда хандары жиі ауысып, биліктері әлсірегенін сезіп еркінси бастайды. Олар Алтын Орда астанасы Сарайға сый-сияпатпен келіп, салық төлеуден бас тартты. Оларды тәубесіне келтіруді ойлаған Едіге Полад-Темірді 1408 жылы хан сайлатқан соң Мәскеуге жорыққа аттанады. Мәскеу князі мұны естіп, әскер жинап дайындалғанымен, бас қауіпсіздігін ойлап әйел–баласын алып Кострома қаласына қашып кетеді. Едіге әскерімен 30 қарашада Мәскеуге жетіп қоршауға алады. 20 күннен кейін Мәскеу қорғанысшылары 3 мың сом ақша төлеген соң, Едіге әскерін алып Ордаға қайтады. Сол кездегі деректер Едігенің Мәскеуді шабуылмен алмай тез қайтуын, Ордаға бір шаһзаданың шабуыл жасағаны туралы қауіпті хабар жетуінде деп түсіндіреді.

Дәл осы кезде Темір–Құтылықтың ұлы Сарай қаласына шабуыл жасап Полад хан мен Едіге мырзаны Орданы тастап қашуға мәжбүр етеді. Бірақ көп уақыт өтпей Тоқтамыс ханның ұлы Жалал ад–Дин Сарайдан Темір ханның өзін қуып шығады.

Полад хан мен Едіге мырза Қара теңіз жағалауына жетіп Ордадан бөлек Қаратеңіз ұлысын (кейін Қырым хандығына айналады) құрып Поладты хан етіп билік жүргізе бастайды.

Едіге 1416 жылы Литва кнәзі Витовтпен соғысып жеңеді. Көп тұтқындар мен олжаға кенеледі. Бірақ Едіге жан–жақтан қауіп көптігін ескеріп, жағдайды ушықтырмай Витовтпен дипломатиялық жолмен қарым–қатынасты жақсартуға кіріседі. Елшілікпен қызыл мәуіті жапқан үш түйе, 27 ат және князге хат жібереді. Едіге хатында екі жақтың да асыра сілтеп қателік жіберіп, соғысып көп қан төккенін, енді бейбіт өмір сүрейік деген мағынада ұсыныс жасайды. Осылайша екеуі татуласады (Алтын Орданың құрылуынан құлауына дейін. 1998: 58–59)

Едіге бір жағынан бұл татуласуды Алтын Орда билігін қайтарып алуға пайдаланбақшы болды. Едіге қарсыластарымен күресте дипломатиялық тәсілдің бірі ретінде әулеттік некені де тиімді қолдана білген. Мәселен, Әмір Темір ұрпағы Шахрұқтың баласына бір қызын ұзатып қарым–қатынасты жақсартуға ұмтылды (Сафаргалиев 2014: 215).

Едіге бір қызын өзі таққа отырғызған Темірбек ханға ұзатып күйеу баласымен туыстықты нығайтуға тырысқан, бірақ ол үміті ақталмады (Аяған 2020: 149).

Едіге осындай туыстық қатынасты Тоқтамыспен арада да қолданған. Қадырғали Жалайырдың дерегіне қарағанда Едігенің бір әйелі Тоқтамыстың бір баласы Күшік сұлтаннан туған Жәнике болды (Қадырғали Жалайыр 1997: 115).

1410–1412 жылдары Алтын Ордада болған аласапыран кезде Едіге өкімет билігінен айрылады. Өкімет басына қайтадан Тоқтамыстың балалары келді. Едіге жан сауғалап Хорезмге қашып барады, бірақ көп ұзамай (1414 ж.) ол жерден Герат ханы Шахрұқ Едігені қуып жібереді. 1419 жылы Сарайшық қаласының түбінде Едіге Тоқтамыстың баласы Қадырбердінің қолынан қаза тапты (Қазақ Совет Энциклопедиясы 1974: 105).

«Шора» журналындағы дерек бойынша Едіге мүрдесі Қажытархан (қазіргі Астрахань) қаласының шығыс жағына жерленген (Алтын Орданың құрылуынан құлауына дейін 1998: 59).

Авторлардың дерегінше Едіге ислам дінін берік ұстанған, діндар адам болған. Өлерінде жауларынан рұқсат сұрап, дәрет алып, намазын оқып барып өмірмен қоштасыпты.

Зерттеу нәтижелері

Едіге туралы Ибн Арабшаһ мынадай жазба қалдырыпты: «Едіге мырза аса ақылды білгір саясатшы еді. Досына мейірімді, дұшпанына қатал болды. Отыз күн ораза бес уақыт намазын қаза қылған емес. Шариғат амалдарын орындай жүріп, ғылым, білім, өнер туралы кітаптарды да жиып, оқып–біліп отырды. Сөзін тыңдайтын достары да мол еді. Жиырма жыл Дешті–Қыпшақта төре болып тұрды. Жақсы өмір сүрді. Жиырмадай баласы қалды» (Алтын Орданың құрылуынан құлауына дейін 1998: 60).

Қазіргі қазақстандық тарихнама 1419 жылы Едіге қазасынан кейін Алтын Орда шын мәнінде орталық билігі бар мемлекет болуын тоқтатып, XV ғасырдың ортасына қарай біржола ыдырады деп түйін жасайды (Қазақстан тарихы 2010: 110).

Едіге тұлғасы көптеген түркі халықтарының жадында сақталып, 600 жылдан астам уақыт өтсе де есімі мен ел тұтастығын сақтау жолында атқарған істері ұмытылмай, қайта жаңғырып, тұтас түркі жұртының орта ғасырлардағы Еуразиядағы ең қуатты империя – Алтын Орданы (Ұлық Ұлыс) 14 жыл басқарған билеуші ретінде тарихта орын алды.

Едіге көшпелі ноғай–қыпшақ ұлыстарының намысын қорғағандықтан, қазақ халқының тарихи жадында «Ел қамын жеген ер Едіге» деген атпен есімі сақталды.

Қазақтың бұрынғы ақын–жыраулары және қазіргі бірқатар қазақстандық қоғамтанушы ғалымдар – тарихшылар, әдебиетшілер, заңгерлер, тарихи зерттеушілер Едігені тарихи тұлға, Алтын Орданың (Ұлық Ұлыс, Жошы ұлысы) басқару тізгінін ұстаған ақылды би, шешен, қол бастаған батыр, шебер қолбасшы, дипломат ретінде таныды.

Сондықтан Едіге ежелден туысқан қазақ–ноғай халықтарына ортақ тарихи тұлға, нақты айтқанда Алтын Орда мемлекетін сақтап нығайту жолына өмірін арнаған мемлекет басшыларының бірі ретінде қазақ тарихында өзіндік орны бар қайраткер ретінде орнықтыру әділдік болар еді деп білеміз.

Қорытынды

Біріншіден, Едіге тұлғасы көптеген түркі халықтарының тарихи жадында сақталып, бес жүз жылдан астам уақыт өтсе де есімі мен түркі халықтарының тұтастығын сақтау жолында атқарған істері ұмытылмай, қайта жаңғырып, тұтас түркі жұртының орта ғасырлардағы Еуразиядағы ең қуатты империя – Алтын Орда (Ұлық Ұлыс) билеушілерінің бірі ретінде тарихта орын алғаны айқындалды.

Екіншіден, патшалық Ресей кезіндегі және кеңестік замандағы орыс тарихнамасында Әмір Едігені билікқұмар, залым жағымсыз тарихи қайраткер ретінде бейнеледі.

Үшіншіден, Ресей және Кеңес империялары құрамында болған түркі тілдес халықтардың дереккөздерінде Едіге ақылды, айлалы мемлекет басшысы, халықтарды біріктіруші шебер қолбасшы, дипломат ретінде сипатталды.

Төртіншіден, қазақ тарихнамасында Едіге әйгілі Шыңғыс әулетінен шықпаса да, «қара халық», яғни «әмірлер арасынан» қазақы пайыммен айтқанда «қарасүйек» тобынан шығып, Ноғай ұлысы билігін қолында ұстап, 1396-1419 жылдары оның басты бегі (беклербек) болғаны сипатталды. Едіге әмір ноғай–қыпшақ ұлыстарының мемлекет басшысы ретінде солардың мүддесін қорғап қызмет жасағандықтан қазақ халқының тарихи жадында сонау XV ғасырдың басынан бері «Едіге әмір, «Едіге би», «Ел қамын жеген ер Едіге» деген атпен есімі сақталып және осы күнге жетіп енді қайта жаңғыруда екені байқалады.

Түйіндеп айтқанда, Едіге ежелден туысқан қазақ–ноғай халықтарына ортақ тарихи тұлға, нақты айтқанда Алтын Орда мемлекетін сақтап нығайту жолына өмірін арнаған мемлекет басшыларының бірі ретінде қазақ тарихында өзіндік орны бар қайраткер ретінде орнықтыру әділдік болар еді деп білеміз.

Авторлар тобы осы зерттеу мақаланы жазу барысында негізгі мәселелер бойынша пікір алшақтығы болмағанын ескертеді.

Acknowledgement:

The author expresses gratitude to the editorial board and reviewers for their scholarly and editorial contribution to the preparation of this article.

Алғыс

Авторлар мақаланың техникалық жағынан талаптарға сай келуіне қолдау танытқан редакция қызметкерлеріне алғыс білдіреді.

Благодарность:

Авторы выражает признательность редакции и рецензентам за научно-редакторское сопровождение статьи.

Әдебиеттер тізімі

Алпысбес М., Алеушинов Ф. Едіге бидің Ұлық Ұлыс (Алтын Орда) тарихындағы орны. *«Edu.e–history.kz» электрондық ғылыми журналы*. 2023. Т.10, no.3, 464–478 бб. DOI:51943/2710–3994_10_3_464–478.

Алтын Орданың құрылуынан құлауына дейін. Мақалалар. Қадімше араб әрпімен татар тілінде шыққан «Шора» журналынан аударып, құрастырған Нұрқасым Қазыбек. Алматы: Рауан. 1998. 128 б.

Асанұлы Ж. *«Едіге» эпосы: эпикалық шындық пен тарихи шындық*. «Ақтөбе» газеті. 2013. 7 наурыз.

Аяған Б. *Ұлық Ұлыс – Алтын Орда мемлекеті тарихы*. Дәрістер жинағы. Алматы: ЖШС «Литера-М». 2020. 216 б.

Әбуев Қ.Қ. Жеке тұлға: көшбасшы феномені. Тәуелсіз Қазақстан мемлекеттігі: қалыптасуы мен даму көкжиегі. ҚР Тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған Қазақстан тарихшылары 1 *Конгресі материалдарының жинағы.* 2011 жыл 16 қыркүйек. Астана. 2011. 301 б.

Бабалар сөзі. Жүз томдық. 39–том. Батырлар жыры. Астана: «Фолиант». 2006. 448 б.

Валиханов Ч. *Собрание сочинений.* В 5–ти томах. Том 5. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии. 1985.

Гиниятуллина Р.Р. Наследие татар Золотой Орды: научные мероприятия. *Золотоордынское обозрение.* 2023. No.11(3), с.714–718. DOI:10.22378/2313–6197.

Греков Б., Якубовский А.Ю. *Золотая Орда и ее падение*. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 1950. 475 с.

Гринин Л. Личность в истории: современные подходы. *История и современность.* 2011. No.1, с.3–40.

Isanbet N. *100th anniversary of the Tatar folk epic «Idegey»*. Sovet edebiyaty = Soviet literature. 1940. No.11, pp.39-92; No.12, pp.34-98.

Қадырғали Жалайыр. *Шежірелер жинағы.* Жалпы редакциясын басқарған. М. Мағауин. Алматы: Қазақстан. 1997. 128 б.

Қазақ Совет Энциклопедиясы. 4–том. Алматы: Қазақ Совет Энциклопедиясының. 1974. 670 б.

Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық. 2–том. Алматы: «Атамұра». 2010. 640 б.

Қожабекұлы Байұзақ Албани. *Тарихи таным: ежелгі халықтар, тайпалар, рулар, жер жұтқан қалалар.* Алматы: Ататек, 1994. 400 б.

Қозыбаев М. Ғұмырнама жанрын зерттеу мәселелері. *Қазақ тарихы* 1997. No.4, 37–43 б.

Қозыбаев Манаш. *Шығармалар.* 3–том. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы». 2013. 328 б.

Мәдени-философиялық энциклопедиялық сөздік. Құраст. Т. Ғабитов, А. Құлсариева және т.б. Алматы: Раритет. 320 б.

Мағауин М. *Қазақ тарихының әліппесі.* Деректі толғам. Алматы: «Қазақстан». 1995. 208 б.

Почекаев Р. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

Сабитов Ж.М. *Генеалогия Джучидов в XIII-XVIII веках*. Монография. Астана. 2008. 220 с.

Сафаргалиев М.Г. *Алтын Орданың ыдырауы.* Алматы: Дайк–Пресс. 2014. 326 б.

Трепавлов В.В. *История Ногайской Орды.* Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2016. 765 с.

Уәлиханов Шоқан. *Таңдамалы.* 2–бас. Алматы: Жазушы. 1985. 560 б.

Ясперс К. *Тарихтың мәні мен мақсаты.* Тарих адамзат ақыл-ой ойының қазынасы. 9–том. Астана: «Фолиант» баспасы. 2006. 604 б.

References

Alpysbes M., Aleushinov F. Edıge bidıñ Ūlyq Ūlys (Altyn Orda) tarihyndağy orny. *«Edu.e–history.kz» elektrondyk gylymi zhurnaly*. 2023. Vol.10, no.3, pp.464–478. DOI:51943/2710–3994_10_3_464–478. (in Kazakh)

Altyn Ordanyñ qūryluynan qūlauyna deiın. Maqalalar. Qadımşe arab ärpımen tatar tılında şyqqan «Şora» jurnalynan audaryp, qūrastyrğan Nūrqasym Qazybek. Almaty: Rauan. 1998. 128 p. (in Kazakh)

Asanuly Zh. *«Edıge» eposy: epikalyq şyndyq pen tarihi şyndyq.* The newspaper "Aktobe". 2013. 7 nauryz. (in Kazakh)

Ayagan B. *Ūlyq Ūlys – Altyn Orda memleketı tarihy*. Därıster jinağy. Almaty: ZHSHS «Litera–M». 2020. 216 p. (in Kazakh)

Abuev K. *Jeke tūlğa: köşbasşy fenomenı.* Täuelsız Qazaqstan memlekettıgı: qalyptasuy men damu kökjiegı. QR Täuelsızdıgınıñ 20 jyldyğyna arnalğan Qazaqstan tarihşylary 1 Kongresı materialdarynyñ jinağy. 2011 jyl 16 qyrküiekAstana. 2011. 301 p. (in Kazakh)

Babalar sözı. Jüz tomdyq. 39–tom. Batyrlar jyry. Astana: «Foliant». 2006. 448 p. (in Kazakh)

Valikhanov Ch. *Sobranie sochinenii.* V 5–ti tomakh. Tom 5. Alma-Ata: The main editorial office of the Kazakh Soviet encyclopedia. 1985. (in Russian)

Valikhanov Ch. *Tañdamaly.* 2–bas. Almaty: Writer. 1985. 560 p. (in Kazakh)

Giniyatullina R. Nasledie tatar Zolotoj Ordy: nauchnye meropriyatiya. *Zolotoordinskoe obozrenie*. 2023, No.11(3), pp.714-718. DOI: 10.22378/2313–6197. 2023–11–3. (in Russian)

Grekov B., YAkubovskij A. *Zolotaya Orda i ee padenie.* Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1950. 475 p. (in Russian)

Grinin L. Lichnost' v istorii: sovremennye podhody. *Istoriya i sovremennost'.* 2011. No.1, pp.3-40. (in Russian)

Isanbet N. 100th anniversary of the Tatar folk epic «Idegey». *Sovet edebiyaty = Soviet literature.* 1940. No.11, pp.39-92; No.12, pp.34-98. (In Tatar)

Kadyrgali ZHalajyr. *Şejıreler jinağy.* Jalpy redaksiasyn basqarğan M. Magauin. Almaty: Kazakstan. 1997. 128 p. (in Kazakh)

Qazaq Sovet Ensiklopediasy. 4–tom. 4–tom. Almaty: General editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia. 1974. 670 p. (in Kazakh)

Qazaqstan tarihy (köne zamannan bügınge deiın). Bes tomdyq. 2–tom. 2–tom. Almaty: «Atamura», 2010. 640 p. (in Kazakh)
Kozhabekovich Bayuzak Albani. Tarihi tanym: ejelgı halyqtar, taipalar, rular, jer jūtqan qalalar. Almaty: Atatek, 1994. 400 p. (in Kazakh)
Kozybaev M. Ğūmyrnama janryn zertteu mäseleleri. *Қазақ тарихы.* 1997. No.4, pp.37–43. (in Kazakh)
Kozybaev M. *Şyğarmalar.* 3–tom. Almaty: "Kazakh encyclopedia". 2013. 328 p. (in Kazakh)
Madeni-filosofiyalyk enciklopediyalyk sozdik. Qūrast. T. Ğabitov, A. Qūlsarieva jäne t.b. Almaty: Raritet. 320 p. (in Kazakh)
Magauin M. *Qazaq tarihynyñ älıppesı.* Derektı tolğam. Almaty: «Kazakstan». 1995. 208 p. (in Kazakh)
Sabitov Zh*. Geneology of the Jochids in the 13th-18th centurie*s. Astana. 2008. 220 p. (in Russian)
Safargaliev M.G. *Altyn Ordanyñ ydyrauy.* Almaty: Dajk–Press. 2014. 326 p. (in Kazakh)
Trepavlov V. *Istoriia Nogaiskoi Ordy.* Kazan: Kazan Real Estate Publishing House. 2016. 765 p. (in Russian)
Jaspers K. *Tarihtyñ mänı men maqsaty.* Tarih adamzat aqyl–oi oiynyñ qazynasy. 9–tom. Astana: Folio publishing house. 2006. 604 p. (in Kazakh)

Information about authors

***Zhabai N. Kaliev* –** Director, Candidate of Pedagogical Sciences, Kazakh–Belarusian Scientific and Technical Research Center, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazhymukan Munaitpasov Street, 11, Astana, 010000, Kazakhstan. https://orcid.org/0000–0002–7469–0396, kaliev_zhabai@mail.ru
***Seitkali Zh. Duisen* –** Senior Researcher, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Research Center "El Tarihy", L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazhymukan Munaitpasov Street, 11, Astana, 010000, Kazakhstan. https://orcid.org/0000–0002–7469–0396, duisen52@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

***Жабай Нұрмақұлы Қалиев* –** директор, педагогика ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Қазақстан–Беларусь ғылыми–техникалық зерттеу орталығы, Қажымұқан Мұңайтпасов көш., 11, Астана қ., 010000, Қазақстан. https://orcid.org/0000–0002–7469–0396, kaliev_zhabai@mail.ru
***Сейітқали Жахияұлы Дүйсен* –** аға ғылыми қызметкер, педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ «Ел тарихы» ғылыми–зерттеу орталығы, Қажымұқан Мұңайтпасов көш., 11, Астана қ., 010000, Қазақстан. https://orcid.org/0000–0002–7469–0396, duisen52@mail.ru

Сведения об авторах

***Жабай Нурмакович Калиев* –** директор, кандидат педагогических наук, Казахстанско–Белорусский научно–технический исследовательский центр ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, ул. Кажымукана Мунайтпасова, 11, Астана, 010000, Казахстан. https://orcid.org/0000–0002–7469–0396, kaliev_zhabai@mail.ru
***Сеиткали Жахияевич Дуйсен* –** старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Научно–исследовательский центр «Ел тарихы» ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, ул. Кажымукана Мунайтпасова, 11, Астана, 010000, Казахстан. https://orcid.org/0000–0002–7469–0396, duisen52@mail.ru

Authors' Contributions

All the authors have made significant contributions to the preparation and writing of the article.

Авторлардың үлес қосқаны

Барлық авторлар мақаланың концепциясын әзірлеуге, материалдарды жинауға және талдауға, сонымен қатар мәтінді құрастыруға белсенді қатысты

Вклад авторов

Все авторы внесли равноправный значимый вклад в написание статьи

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / ***Disclosure of conflict of interest information.*** The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.01.2025.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 20.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.03.2025.

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья – Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.140.162

Этнополитическое положение каракалпаков в составе казахских ханств в XVII – начале XVIII вв.

М. Утебаев✉
Каракалпакский государственный университет, Нукус, Каракалпакстан
✉ *utebaevmadiyar100@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается история расселения и этнополитической жизни каракалпакского народа в составе казахских ханств в XVII-XVIII вв. В статье приводятся данные об этнической истории каракалпаков на территории современного Казахстана с учетом позднего периода Улуса Джучи через призму формирования каракалпаков как единого этноса. Поскольку вся средневековая история протекает в тесной связи с общими предками родственных казахов, каракалпаки были известны как под другим этническим названием, так и под собственным, что характерно для всех народов. Поэтому автор статьи попытался собрать и проанализировать материалы, в которых каракалпаки упоминаются как в союзе с казахами, так и в оппозиции от них, так как каракалпаки на протяжении почти двухсот лет пребывали в составе казахских ханств. Также в статье на основе европейских, русских и восточных источников приводятся теоретические выводы ведущих специалистов, подтверждающие, что основная масса каракалпаков в качестве полусамостоятельного государства состояла в составе государства Тауке хана и Абулхаир хана. В то же время небольшая часть каракалпаков проживала в т.н. узбекских ханствах и Аральском владении. Статья иллюстрирует расцвет и кризис отношений каракалпаков с казахскими ханствами, с одной стороны, а с другой, – их распад в составе трех жузов.

Также в статье приводятся сведения об отличии хозяйственной деятельности от казахов, города, где проживали каракалпаки, активно участвовали в торговых сношениях и сыграли свою роль в развитии этих городов. Причинами ухудшения отношений с казахскими ханствами, как показывают источники, стали не только взимаемые с каракалпаков поборы, но и активные дипломатические миссии с Россией, которые в конце концов привели к окончательному переселению каракалпаков из дельты Сырдарьи сначала на Жанадарью в конце XVIII века, их дальнейшему передвижению в дельту Амударьи и подчинению хивинским ханам. В статье также освещен вопрос о наличии своей государственности у каракалпаков, хотя за длительный период казахскими ханами для управления каракалпаками назначались султаны, которые опирались на авторитет местных вождей, в то же время эти султаны вели самостоятельную политику и отношения с соседними народами, что подтверждается документами.

Как показывает изучение специальной литературы, основными материалами при описании этнической истории каракалпаков послужили архивные документы и научные труды, которые были тщательно изучены ведущими специалистами. На основе этих материалов были написаны фундаментальные труды.

[a] © Калиев Ж., Дүйсен С., 2025

Ключевые слова: каракалпаки; казахские ханства; хан; султаны; Жайык; Едиль; Сыгнак; Жанадарья

Для цитирования: Утебаев М. Этнополитическое положение каракалпаков в составе казахских ханств в XVII – начале XVIII вв. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Т.1, no.1, с.141-163. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.140.162

Ethnopolitical position of the Karakalpaks in the Kazakh khanates in the 17th – early 18th centuries

M. Utebaev
Karakalpak State University, Nukus, Karakalpakstan

Abstract. The article examines the history of the settlement and ethnopolitical life of the Karakalpak people as part of the Kazakh khanates in the 17th-18th centuries. The article provides data on the ethnic history of the Karakalpaks on the territory of modern Kazakhstan, taking into account the late period of the Ulus of Jochi through the prism of the formation of the Karakalpaks as a single ethnic group based on different proto-Turkic, late Turkic, and Mongolian tribes. Since the entire medieval history takes place in close connection with the common ancestors related to Kazakhs, the Karakalpaks were known both under another ethnic name and under their name, as historians assume. Therefore, the author of the article tried to collect and analyze materials in which the Karakalpaks are mentioned both in alliance with the Kazakhs and in opposition to them, since the Karakalpaks were part of the Kazakh khanates for almost two hundred years. Also, in the article based on European, Russian, and Eastern sources are given theoretical conclusions of leading experts are given, confirming that the bulk of Karakalpaks as a semi-independent state were part of the state of Tauke Khan and Abulkhair Khan. At the same time, a small part of Karakalpaks lived in the so-called Uzbek khanates and Aral possession. The article illustrates the dawn and crisis of relations of Karakalpaks with Kazakh khanates on the one hand, and on the other, their disintegration over the three zhuzes.

Also, the article provides information about the differences in economic life from Kazakhs, cities where Karakalpaks lived and actively participated in trade relations, and played their role in the development of these cities. The reasons for the deterioration of relations with the Kazakh khanates, as sources show, were not only the levies collected from the Karakalpaks, but also active diplomatic missions with Russia, which eventually led to the final resettlement of the Karakalpaks from the Syr Darya delta first to Zhanadarya at the end of the 18th century and their further movement to the Amu Darya delta and their subordination to the Khiva khans.

The article also highlights the issue of the presence of their own statehood among the Karakalpaks. Although over a long period, the Kazakh khans appointed sultans to govern the Karakalpaks, who nevertheless relied on the authority of local leaders. At the same time, these sultans pursued an independent policy and relations with neighboring peoples, which is confirmed by documents.

As the study of specialized literature shows, the main materials in the study of the ethnic history of the Karakalpaks were archival documents and scientific works, which were carefully studied by leading specialists. Fundamental works were written on the basis of these materials.

Keywords: Karakalpaks; Kazakh khanates; khan; cassocks; Zhaiyk; Edil; Sygnak; Zhanadarya

For citation: Utebaev M. Ethnopolitical position of the Karakalpaks in the Kazakh khanates in the 17th-early 18th centuries. *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. Vol.1, no.1, pp.141-163. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.1.140.162

XVII-XVIII ғ. басындағы Қазақ хандықтары құрамындағы қарақалпақтардың этносаяси жағдайы

М. Өтебаев
Қарақалпақ мемлекеттік университеті

Андатпа. Мақалада 17-18 ғасырлардағы Қазақ хандықтарының құрамындағы қарақалпақ халқының отырықшылық тарихы мен этносаяси өмірі қарастырылған. Мақалада қарақалпақтардың біртұтас этнос болып қалыптасу призмасы арқылы Жошы ұлысының кейінгі кезеңін ескере отырып, қазіргі Қазақстан аумағындағы қарақалпақтардың этникалық тарихы туралы деректер келтірілген. Бүкіл ортағасырлық тарих туысқан қазақтардың ортақ ата-бабаларымен тығыз байланыста өтетіндіктен, қарақалпақтар басқа этникалық атаумен де, өз атымен де белгілі болған, бұл барлық халықтарға тән. Сондықтан мақала авторы қарақалпақтардың қазақтармен одақтасуда да, оларға қарама-қайшылықта да атап өтілетін материалдарын жинақтап, талдауға тырысқан, өйткені қарақалпақтар екі жүз жылға жуық қазақ хандықтарының құрамында болған. Сондай-ақ мақалада қарақалпақтардың негізгі бөлігі жартылай тәуелсіз мемлекет ретінде Тәуке хан мен Әбілқайыр хан мемлекетінің құрамында болғанын растайтын Еуропа, Ресей және Шығыс деректеріне негізделген жетекші мамандардың теориялық тұжырымдары берілген. Сонымен бірге қарақалпақтардың аз ғана бөлігі Өзбек хандықтары деп аталатын және Арал иелігінде өмір сүрді. Мақалада бір жағынан қарақалпақтар мен қазақ хандықтары арасындағы қарым-қатынастардың өршуі мен дағдарысы, екінші жағынан олардың үш жүзге ыдырауы суреттеледі. Сондай-ақ мақалада шаруашылық өмірінің қазақтардан айырмашылығы, қарақалпақтардың өмір сүрген және сауда қатынастарына белсене қатысқан қалалары және осы қалалардың дамуында рөл атқарғаны туралы мәліметтер берілген. Қазақ хандықтарымен қарым-қатынастардың нашарлауының себептері, дереккөздер көрсеткендей, қарақалпақтардан алынатын алымдар ғана емес, сонымен бірге Ресеймен белсенді дипломатиялық өкілдіктер болды, бұл түптеп келгенде қарақалпақтардың Сырдария атырауынан алдымен Жаңадарияға түпкілікті қоныс аударуына, Хиуа хандарына бағынуына әкеліп соқтырды.

Сондай-ақ мақалада қарақалпақтардың өз мемлекеттілігінің болуы мәселесіне баса назар аударылады, дегенмен ұзақ уақыт бойы қазақ хандары қарақалпақтарды басқаруға сұлтандарды тағайындады, бірақ олар жергілікті басшылардың билігіне сүйенді, сонымен бірге бұл сұлтандар өз бетінше саясат жүргізіп, көршілес халықтармен қарым-қатынаста болды, мұны құжаттар растайды.

Арнайы әдебиеттерді зерттеу көрсеткендей, қарақалпақтардың этникалық тарихын зерттеуде жетекші мамандар мұқият зерттеген архив құжаттары мен ғылыми еңбектер негізгі материалдар болды. Осы материалдар негізінде іргелі еңбектер жазылды.

Түйін сөздер: Қарақалпақтар; Қазақ хандықтары; хан; қаңбақ; Жайық; Еділ; Сығнақ; Жаңадария

Введение

До того времени, пока не был найден и изучен текст грамоты Бухарского Абдулла хана 1598 года, каракалпаки не были известны под своим собственным названием в источниках, где упоминалось бы о каракалпаках в более ранний период. Поэтому каракалпаки известны больше на территории, прилегающей к Сырдарье, хотя их ранняя история связана с Аральским морем, Крымом, Волгой и Уралом. Выдвигаемая теория П.П. Иванова относительно этнической истории каракалпаков, которая сформировалась в поздне-золотоордынский период и до начала XVII в. в составе Ногайского ханства расселялась между реками Волга и Урал, а также на прилегающей территории западного Приаралья. Если оперировать таким научным методом, при котором этногенез и историю предков «не надо искать в названиях», то теория П.П. Иванова имеет все основания утверждать, что история прямых предков каракалпаков все-таки связана со средневековыми печенегами, черно-клобуками, огузами, кипчаками и мангытами, а также с последующими монголо-тюркскими племенами, которые расселялись на больших степных пространствах и привели к окончательному формированию каракалпаков, что подтверждается фольклорными данными и средневековыми исследователями.

Тем не менее источники по этнической истории позволяют реконструировать не только историю каракалпаков, но и их связи с казахами, проживавшими в разных частях Центральной Азии. Большая масса каракалпаков связывала свою жизнь с присырдарьинским регионом. Они обитали повсеместно между казахскими жузами и среднеазиатскими (узбекскими) ханствами в XVI-XIX вв. Однако история т.н. «верхних каракалпаков» после нападения джунгар в 1723 году, когда-то проживавших среди народов бухарского и кокандского ханств и Старшего жуза казахов, мало изучена и, в свою очередь, также представляет научный интерес.

Одним из основных проблем политической истории является вопрос о том, была ли государственность того или иного народа в определенные периоды истории. Такая же проблема не обошла внимание историков, изучавших средневековую историю каракалпаков. На этот вопрос невозможно ответить без изучения этнополитических процессов каракалпаков позднего средневековья в тесной связи с казахами и узбекскими ханствами. Поскольку история каракалпаков на протяжении XVIII - нач. XIX вв. непосредственно была связана с казахскими ханствами, следовало бы показать те истоки, которые относятся к позднезолотоордынскому периоду, где, собственно, по мнению историков, происходило формирование каракалпаков.

По мнению С.К. Камалова, их первоначальной Родиной был Хорезм, откуда предки каракалпаков и ногайцев были вынуждены переселиться на Волгу и Урал в XIII-XIV вв. после изменения течения реки Амударьи. По мнению других историков, каракалпаки были вынуждены покинуть Хорезм не в указанный период, поскольку большинство каракалпаков по своему происхождению были потомками прямых чингизидов и монгольских племен в целом, а в XV в. из-за нашествия Амира Тимура на Хорезм. Что бы ни случилось, но «после завоевания Россией в сер. XVI в. Астраханского и Казанского ханств, они переселяются в основном на берега р. Сырдарьи».

О том, что каракалпаки теснились среди казахов, шейбанидских узбеков и туркмен и поселялись на южносибирских землях, свидетельствует следующий документ – отписка

самарского воеводы Кн. Дм. Пожарского в 1913 г.: *«Нынешнего... 122 г. декабря в 11 день, в твоей Государеве… грамоте писано ко мне… велено… Бухарского Малкулы царя купчину Хозя Науруса да Юргенского Арапа царя караванного голову Дербыша Бабу допросити: …к Юргенчи идучи, проме алтыульских улусов на поле между Юргенчи и Яика приходу каким людям не живет ли и за Емью тюрхменцы и каракалпаки казацкие и Шибанидские люди живут ли и проезжим людям от них проехать можно ли… и купчина Хозя Наурус и караванная голова Дербыш Баба и многие тезики лучшие люди в распросе… мне… сказывали…: а дорогою… едучи от Самары до Яика и Енбы, а от Енбы до Юргенчи алтаулов и каракалпаков и казацких и шибанидских людей нет и житьем не живут; а живут де они ныне зимнею порою под Сибирью»* (Рычков 1887: 145).

Надо обратить внимание на то, что ногайцы первоначально были политическим объединением тюркских племен. Отсюда не исключено единство современных ногайцев, казахов и каракалпаков. И причина переселения каракалпаков на восток вглубь Средней Азии объясняется тем, что на фоне распада Ногайского ханства под воздействием России у правящей элиты ногайцев сформировались две противоположные стороны. Одна поддерживала Москву, другая тяготела к Средней Азии, не желая оказаться в руках русских.

Особое внимание заслуживают русские документы, в которых указываются алтыульские ногайцы. В сообщении «московского посла к ногайцам от Ивана Грозного имеются сведения о «шести братьях», занимавших восточное положение по отношению к остальным ногайцам, где упоминается о набегах этой группы ногайцев вместе с каракалпаками на окраины Москвы». Анализ этих документов показывает, что часть ногайцев, будучи каракалпаками, была хорошо знакома с территорией Сырдарьи. Бассейн реки Сырдарьи служил для каракалпаков своеобразным местом укрытия. Однако со второй половины XVI века казахи переживают эпоху политического могущества, в связи с чем они не раз нападали на восточных ногайцев, чтобы они не передвигались на их кочевья. Однако, видимо, все-таки отдельным группам ногайцев удалось передвинуться на восток в сторону Сырдарьи, так как они были хорошо знакомы с Хивинским и Бухарским рынками по торговле с ними за предыдущий период и, кроме того, в среднеазиатских просторах уже жили их одноплеменные сородичи, некоторые из которых занимали вполне привилегированное место.

Именно после распада Ногайского ханства и экономического упадка восточные ногайцы (видимо, каракалпаки) искали защиту в казахских степях среди казахов в середине XVI в. (1556) (Материалы по истории…1935: 28).

К середине XVI века далтыульский улус переживал кризис из-за междоусобных войн между братьями смешанного происхождения из разных родов, одни отошли в Крым, другие на Яик и т.д. Тогда же волжскими ногаями правил Шихмамай, последователи которого (возможно, каракалпаки) отошли к Сырдарье, где в дальнейшем участвовали в социально-политической жизни казахов.

В начале XVII в. ногайцы в результате расширения русских земель, нападения соседних калмыков окончательно разделились на три части. Третья часть занимала районы Волги. Видимо, эта часть и переселилась на Сырдарью под названием каракалпаки.

Далее, как упоминается в источнике, «При таких условиях массовое организованное передвижение в Среднюю Азию ногайских улусов должно было смениться разрозненным

переходом отдельных незначительных групп, присоединявшихся затем к казахским родам и действовавшим заодно с ними. Этот процесс перехода к казахам носил, по-видимому, весьма значительные размеры, особенно усилившись после гибели одного из виднейших ногайских князей Орманбета в конце XVI века» (Материалы по истории…1935: 28).

Согласно исследованию П.П. Иванова, каракалпаки переселялись с Волги и Урала в казахские степи. Трудно не согласиться с мнением ученого по поводу переселения каракалпаков в казахские степи, однако, по мнению С.К. Камалова, известное число каракалпаков уже проживало в районе бассейна реки Сырдарьи и в восточном и южном Приаралье, имея свои древние поселения. Нам кажется, этот народ проживал разрозненно на довольно большом пространстве от Крыма до Ташкента, о чем свидетельствуют разные источники. Если опираться на исследование Иванова, то неизвестен точный маршрут переселения массы каракалпаков, поэтому нам кажется, что каракалпаки всегда имели место своего обитания вокруг бассейна Аральского моря, а также между Сырдарьей и Амударьей, где имели свои кочевья и в зависимости от степени высыхания этих рек они могли временно переселяться в другие места и возвращаться обратно.

Сырдарьинские каракалпаки подтверждаются следующими фактами: «Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что к концу XVII- началу XVIII века некоторая часть каракалпаков проживала в среднем и нижнем течении Сырдарьи. Согласно исследованиям К.А. Пищулиной, в источниках 15-17 вв. *«…бассейн среднего течения Сырдарьи, а именно узкая полоса, тянувшаяся вдоль ее левого берега, и более широкая – вдоль правого, ограниченная горной цепью Каратау на северо-востоке и водоразделом долин Чирчика и Бадама, южнее г. Сайрама, на юго-востоке назван одним географическим именем Туркестан», причем «…авторы сочинений четко отличают границы этой территории от соседних областей, они никогда не путают ее ни с северными областями Мавераннахра (включая Ташкент), ни с южными Дешт-и Кипчака, ни с западным Мугислистаном, граничившим с восточной окраиной Туркестана» (*Пищулина 1969: 2*). В 1696 году тобольские казаки дали показания, что «…позади того города Саврана вниз по реке "Сырдарье в Каракалпакскую сторону городу Сырнак…" и "…промеж Савраном и Сырнаком ходу день"* (Материалы… 1935: 63).

Материалы и методы

Несмотря на огромное количество фундаментальных трудов по истории средневековья каракалпаков, история пребывания большой массы каракалпаков в составе казахских ханств и их совместное проживание на территории, прилегающей к современному Казахстану, до сих пор требует своего исследования с привлечением неизученных архивных источников и фольклора. Также большой спор вызывает вопрос относительно политического статуса каракалпаков в период XVII-XVIII вв. В одних источниках каракалпаки упомянуты в качестве отдельной политической единицы, имеющей своего хана и султанов, в других - каракалпакские султаны, которые вместе с младшим казахским жузом приняли Российское подданство в 1731-1732 гг., были назначены казахским ханом и подчинялись ему на полувассальной основе. Однако, как показывают источники, каракалпаки жили не только по берегам Сырдарьи до

Восточного Приаралья, но и в других частях Казахстана и юга России и при этом активно участвовали в политической жизни казахов и других народов Центральной Азии и юга России.

Надо отметить, что архивные материалы по истории каракалпаков до 1873 года, т.е. до завоевания Хивинского ханства Россией, хранятся за пределами Каракалпакстана. Поэтому исследование ранней истории каракалпаков требует организации научных проездок. Среди основных источников - известия хивинских хроник, собранные А.Н. Самойловичем и П.П. Ивановым (Материалы по истории… 1935); астраханский архив, извлеченный Н.Н. Пальмовым (Пальмов 1627); А.И. Пономаревым были собраны материалы официальных документов, изложенных в «Исторических известиях о каракалпаках», ценность материала не вызывает сомнений в силу первоисточника, написанного на основании расспросных сведений. Вышеотмеченные ученые составили библиографический указатель архивных материалов, до сих пор пользующихся большим спросом при изучении истории.

На основе материалов были написаны фундаментальные труды П.П. Иванова, С.П. Толстова, Т.А. Жданко, Б.В. Андрианова, диссертации таких отечественных историков, как С.К. Камалов, У.Х. Шалекенов, И.В. Пискунова, М. Тлеумуратов и многих других.

Как отметили выше, допущение гипотезы об относительном существовании у каракалпаков в XVII-XVIII вв. самостоятельного государства, подчиненного казахским ханствам, занимало головы каракалпакских историков. Однако, как показывает изучение специальной литературы, это позволяет условно разделить взгляды историков на две группы: 1) те, которые утверждают о существовании полузависимого государства каракалпаков, управляемого назначенными казахскими ханами султанами; 2) те, которые уверены в том, что у каракалпаков не было возможности организации самостоятельного или полузависимого от казахских ханов государства, за исключением короткого периода в эпоху правления каракалпакского хана Ишиммухаммеда в пер. пол. XVIII в.

История каракалпаков в эпоху средневековья тесно связана с историей казахских ханств, хотя во многих трудах по истории казахов каракалпаки мало или почти не упоминаются. К сожалению, история такова, что малые народы всегда имели тенденцию ассимилироваться в составе больших этнических объединений в силу политической и культурной гегемонии, хотя малые народы всегда сопротивлялись за счет сохранения и передачи будущему поколению своей традиции этнической самоидентичности. В этом отношении этническая история каракалпаков на протяжении всей истории связана с казахами и узбеками. Этническую историю каракалпаков невозможно восстановить без изучения истории казахов и среднеазиатских народов – узбеков. Поэтому известные историки, среди которых большое значение имеют Толстов и Иванов, взяли ответственность исследовать историю каракалпаков, чья историческая судьба неразрывно связана с другими родственными народами.

Литературный обзор

Родоначальником этнической истории и этногенеза каракалпаков является выдающийся советский ученый П.П. Иванов, который отразил результаты исследования в вышеотмеченной коллективной монографии. Он проанализировал восточные и

западные источники и на их основе воссоздал этническую историю каракалпаков в рамках построенной им гипотезы имеющихся источников. При исследовании истории каракалпаков ему пришлось изучать их в непосредственной связи с другими народами, без чего невозможно взглянуть на исторический путь развития этого народа. Среди них особое место принадлежит казахскому ханству, внутри которого положение каракалпаков было взаимосвязано общими этнополитическими и экономическими процессами.

Продолжением выше отмеченного труда является статья Б. Андрианова «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме» (Труды Хорезмской…1958). Особый интерес в его работе представляет историческая география каракалпаков, основные районы их расселения на Сырдарье и Амударье, вопросы освоения каракалпаками новых земель из-за политических и экологических кризисов, которые повлияли на сложную судьбу этого народа. Кроме того, работы Т.А. Жданко (Жданко 1950) могут служить важными источниками по этнической истории и этногенезу каракалпаков.

Среди отечественных историков особый интерес представляют работы С.К. Камалова (Камалов 1968), У.Х. Шалекенова (Шалекенов 1966), М. Тлеумуратова (Тлеумуратов 1986), И.В. Пискуновой (Пискунова 1992), так как в их трудах выделяются исторические данные о взаимоотношениях казахов и каракалпаков в течение длительного периода в XVII-XIX вв., когда история каракалпаков сначала была связана с историей казахских ханств и далее их переселением в дельту Амударьи, ближе к Хивинскому ханству, а также переселением казахов в Хорезм.

Резюмируя отмеченные труды, можно сказать о наличии исследований взаимоотношений народов Каракалпакстана, в частности, казахов с другими народами дельты Амударьи, однако нет специальной работы о пребывании каракалпаков в составе казахов, особенно об ассимиляции верхних каракалпаков. Поэтому особое значение имеет проведение специального исследования, посвященного казахско-каракалпакским отношениям на протяжении всей истории их этнического и политического развития за исключением трудов по истории и этнографии амударьинских казахов.

В работе мы вынуждены обратиться к источникам в основном по этнической истории каракалпаков, чтобы выявить степень близости казахов, каракалпаков и других народов в золотоордынский период в связи с тем, что на этой территории были заложены основы формирования данных этносов, и найти некоторые сведения о положении каракалпаков в составе казахских ханств не только в поздний период средневековья, но и в более ранние периоды, в которых этнополитические процессы каракалпаков были тесно связаны с казахами и другими народами после распада улуса Джучи.

Результаты

Начиная с XVII века, каракалпаки неравномерно расселялись в бассейне реки Сырдарьи, видимо, от современного Туркестана вплоть до устья реки, постепенно переходя к оседлости и сохраняя за собой сезонное кочевничество, за что получили название полукочевого и полуоседлого народа. Археологические исследования ХАЭЭ, проведенные на усохших рукавах Сырдарьи – Кувандарьи и Яныдарьи, свидетельствуют о грандиозной ирригационной и сельскохозяйственной деятельности каракалпаков,

которым приходилось несколько раз осваивать заброшенные пустынные земли вокруг камышовых зарослей и разливов рек для орошения.

Главное отличие каракалпаков от казахов – это преобладание в их хозяйстве поливного земледелия. Земледельческие районы каракалпаков охватывали нижнюю часть течения Сырдарьи, доходя до самого ее устья, а также долины Кувандарьи и Жанадарьи. «Каракалпаки живут по обе стороны Сырдарьи, Адаматы и Кувандарьи рек, — писали очевидцы, побывавшие в то время среди каракалпаков, – и близ оных рек на озерах, и сеют в низких местах около оных рек и озер хлеб, пшеницу, ячмень, просо; земля песчаная с илом; и пашут на быках; и на пашню из рек и озер напускают воду»". Хлеб производится не только для удовлетворения своих потребностей, но и на продажу; его обменивали в первую очередь у казахов на скот. Часть податей казахским ханам также уплачивалась зерном. Большое значение для хозяйства имело также бахчеводство (Камалов 1968: 27).

В первую очередь при сравнении казахов с каракалпаками стоило бы упомянуть их хозяйство. Узкая полоса, занимаемая каракалпаками, не позволяла совершать большие перекочевки, так как степи и пустыни уже были заняты казахами. Поскольку условия жизни каракалпаков не позволяли содержать скот на подножном корму целый год, это обстоятельство влияло и на состав скота. Поэтому каракалпаки в основном содержали крупный рогатый скот, который можно было выпасать в камышовых зарослях, и имели малое количество коз и овец на основе сезонного отгонного хозяйства.

Второй отраслью хозяйства каракалпаков было скотоводство. В то время как казахи содержали в основном овец, лошадей и верблюдов, способных круглый год находиться на подножном корму, каракалпаки в основном разводили крупный рогатый скот, содержавшийся летом на подножном корму, а зимой в стойлах. Таким образом, у каракалпаков скотоводство зависело от земледелия, а земледелие от наличия крупного рогатого скота – главной тягловой силы при обработке земли. (Нурмухамедов и др. 1971: 21).

К тому же устье Сырдарьи было богато камышовыми и другими растениями, которые, помимо корма, использовались для строительства и обогрева в зимний период. Кроме того, не исключено, что казахи также зимой временно оседали в лугах и заболоченных местах протоки Сырдарьи, поскольку это упоминается в описаниях Гладышева: *«в районе Кувандарьи осенью 1740 года находилась ставка хана Меньшей Орды Абулхайра, вокруг которой кочуют разные народы». Все это говорит о совместной жизни казахов и каракалпаков»* (Ханыков 1851: 3).

Один из важнейших источников сообщает: *«Во многих местах Турана для орошения полей производятся весьма обширные… работы. Для примера можно представить некоторые работы прежних обитателей низовьев Сыр-Дарьи каракалпаков, занимающихся преимущественно земледелием. Так, от Талбугута до Аман-Уткуля на протяжении 20 верст для содержания реки в настоящем ее русле устроена небольшая плотина, около аршина в высоту и столько же в ширину. Через это река течет как бы в корыте с весьма крутыми боками… Но одна эта насыпь не могла еще выполнить своего назначения без другой, которая бы, пролегая перпендикулярно к реке, не пускала воду из верхних ее разливов. Для этой последней цели устроена ими же плотина у Талбугута (10 верст выше Раима), 280 сажен в длину, около сажени в ширину и аршина два в высоту. Посредством таких работ каракалпаки осушили пашни, которые всегда могли поливаться водою из*

реки, выпуская ее посредством открытия береговой плотины в таком количестве, в каком им было необходимо» (Ханыков 1887: 589).

В то же время известно, что каракалпаки вместе с казахами занимались и ремеслом, так как в хозяйстве были жилища, скотоводческие и военные снаряжения. «В одном из документов, относящихся к 1698 г., сохранились сведения о том, что казахи и каракалпаки, проживающие в районах нижнего течения Сырдарьи, добывают свинец, красную медь, селитру и изготавливают порох, хотя ружей сами не выделывают, а привозят их из Бухары. Свинец главным образом добывали в горах Каратау». Кириллов также отмечает, что в начале XVII в. «каракалпаки совместно с казахами добывают свинец в горах около Сырдарьи и льют из него пули». В частности, Рычковым сообщается: *«каракалпаки продают казахам порох, свинец и ружья, изготовляемые ими самими»* (Рычков 1887: 309).

Пожалуй, самым ранним источником о каракалпаках под собственным их названием была грамота бухарского хана. В грамоте бухарского Абдулла хана 1598 года каракалпаки упоминаются вместе с казахами и другими народами как коренное население г. Сыгнак, где находился мавзолей святого Зия-эд-Дина. Известно, что сырдарьинские города в силу их нахождения в пограничной зоне между казахскими и узбекскими феодалами были стратегическими в плане торговых отношений и набегов, в то же время служили им убежищем. Именно по этой линии находились каракалпаки, чья жизнь экономически и политически зависела от казахских ханств, поскольку сырдарьинские города нередко оказывались в руках последних.

Причина, по которой каракалпаки располагались ближе к сырдарьинским крепостям и городам, скорее всего объясняется не только малочисленностью этого народа, но и малым количеством скота, что не позволяло им вести полный кочевой образ жизни, и возможностью заниматься искусственным орошением, возможным вблизи старых населенных пунктов, где они могли защититься от нападения, так как эти пункты иногда пользовались определенной защитой от набегов благодаря покровительству централизованных властей города Сыгнак. Поэтому А.Д. Гребенкин отмечает: «они нуждались в такой опоре, которая бы признавала их права на свободное существование, несмотря на их численную слабость; такую опору они находили только там, где проживало оседлое население…» (Материалы по истории…1935: 94-95].

Это обстоятельство объясняет стремление каракалпаков держаться ближе к оседлой полосе, все больше вовлекая их вглубь оседлых районов Средней Азии до Ташкента и дальше на юго-запад, что привело в дальнейшем, как мы видим, к разделению каракалпаков на две совершенно оторванные одна от другой части, история которых складывалась различно.

В то же время часть каракалпаков выступала на стороне казахов в военных действиях. Совместные набеги подтверждаются в сообщении о наступившей болезни бухарского хана Баки Мухаммада в произведении Мухаммеда Мунши «История Муким-хана»: *«Когда болезнь хана затянулась (1605 г.), казаки, каракалпаки, калмыки и другие мятежные жители различных частей ханства подняли восстание, опустошили и разграбили области государства, разорив и рассеяв его жителей»; там же: «Могущественный правитель мира (т.е. имам-Кули-хан) решил наказать их и приказал собраться всему своему поднебесному воинству. В 1021 г. (1611) он торжественно выступил со своими войсками. Пройдя от границ Туркестана до пределов Ашпары и Каратага (Каратау), он всюду истреблял и*

забирал в плен мятежных казахов, каракалпаков и калмыков, давши им хороший урок и добившись того, что не осталось ни следов этого проклятого племени (таифе). Те из них, кому удалось спастись от гибели, скрылись в горах и глухих лесных зарослях (бишэ), куда до сих пор не ступала нога человеческая…» (Материалы по истории…1935: 38-39). Также каракалпаки вместе с казахами совершали набеги на русские окраины Сибири.

Отсюда вытекает противоречие, «когда каракалпаки стремились к оседлым народам ради собственной безопасности, в то же время вместе с кочевниками грабили тех же оседлых». Видимо, такие данные имеются за счет того, что среди различных групп каракалпаков были те, которые относительно раньше перешли к оседлости в одной географической среде, и те, которые продолжали вести кочевой образ и были в союзничестве с казахами.

Еще в одном документе, связанном с посольством Бориса Пазухина в Бухару и Хиву, говорится: «*Да Борису с товарищами велено проведать: сколько ми и казной. И в Бухарской земли собирается ратных людей с туркестанцами и каракалпаками и с казахами полтораста тысяч и больше; а у Балховского царя собирается ратных людей меньше Бухарского вполы. А конные Бухарские и Балховские ратные люди к бою не заобочны и плохи; а надежные люди в бою в Бухарской земли туркестанские казахи и подданные бухарскому царевичу каракалпацкие. А сбирается каракалпаков и казахов с пятьдесять тысяч. А ходят на помощь Бухарскому царю пополам, потому что опасают улусов своих от черных калмык, что под китайским городом…»* (Рычков 1887: 66).

Из вышеотмеченного документа видно, что определенная часть каракалпаков - это подданные бухарских ханов, видимо, жили совместно с казахами и участвовали с ними в военных походах в той или иной союзнической договоренности, поскольку в других же документах казахи и каракалпаки воевали против бухарских царевичей. Также особое значение имеет то, что казахи были самыми многочисленными и могли жить и в пределах других ханств, имея свои постоянные кочевья и считались полноправными жителями.

Каракалпаки играли важную роль в торговле с Россией по так называемому Оренбургскому пути через казахов, в то же время выполняя посредническую роль в торговле между Бухарой, Хивой и казахами. В торговых отношениях с ближайшими соседями очевидно, что каракалпаки обменивали хлеб на скот казахов.

Таким образом, каракалпаки находились в политической зависимости от казахов. Правили ими, по данным письменных источников и народных преданий, чингизиды – казахские султаны; при казахском хане Тауке (1680-1718) каракалпаками управлял некоторое время один из его сыновей (Жданко 1950: 490-492).

Но в то же время в конце XVII века каракалпаками управляли ханы сибирского дома Кучук и калмык Аюк. Сын Кучука Мурад скрылся среди башкир и этим кончается их правление (Новолетов 1884: 8). Видимо, это было в той части, где каракалпаки проживали среди башкир и ногайцев.

Известно назначение ханом каракалпаков сибирского хана Кучума, после которого известны такие ханы, как Кучук (1671), калмыцкий хан Аюк (1724) и др. Каракалпаки, судя по источникам, находились в политической зависимости от казахов. Эта зависимость была относительной, так как у каракалпаков выделяется своя аристократия и полузависимые правители, которые время от времени вступали в конфликт с казахской

правящей знатью, либо в отношении «вассального сюзеренитета». Русские документы, относящиеся к 1694 г., называют в качестве «владельца каракалпаков Табручак-султана. В 1709 г. упоминается в качестве хана Каип султан, сын Табручака. В 1722 году упоминается хан Эшим Мухаммед, который активно вступает в переписку с русским правительством» (Камалов 1968: 28-30].

В упомянутых выше русских документах, относящихся к 1694 г., говорится: «называют владельцем каракалпаков Тобурчак султана». Описывая хозяйство и территорию проживания каракалпаков, Н.Г. Аполлова заметила «по свидетельству источников правителями этих каракалпаков был названный султан Табурчак, владения которого с небольшими городками-укреплениями располагались неподалеку от г. Туркестан – ставка хана Тауке». Получается, что во время правления этого хана каракалпаки были едины, так как были объединены в казахские жузы, управлялись султанами и биями, которым хан определял подвластные земли с населением. Доказательством нашего предположения может служить письмо самого хана к Петру I (1694): *«А ныне Казыя султана имя особой малой владелец ездил с воровскими людьми с своих урочищах на ваших людей, и я к ним ездил месяц, и тот салтан ездил к русским сторонам с каракалпаками вместе для советного худого дела, и я их такое худое дело крепко бронил, и в стыд привел, и говорил я им, чтобы они здравствовали на своих государствах, а мы бы здесь»* (Пискунова 1992: 76].

В исторических хрониках одно из первых упоминаний о каракалпаках в Хорезме относится к концу XVII в. В *«расспросных речах» русского посланца в приуральских степях Василия Кобякова (1696) упоминается правитель туркестанских каракалпаков Тобурчак султан, которому хивинский хан обещал владеть городом Ургенчем, но потом предательски убил его. Из донесения В. Кобякова следует, что в Хиве происходила обычная для того времени смена правителей; на место отравленного хана был избран его сын, аральские и гурленские феодалы, посадившие на ханский престол Кабаклы хана. Тогда аральские и гурленские люди призвали себе на помощь каракалпакские отряды, возглавленные Тобурчак-султаном. Но этот султан был убит Кабаклы-ханом…»* (Труды Хорезмской…1958: 47-48).

Таким образом, мы склоняемся к тому, что у каракалпаков в тот или иной период были свой хан и свои султаны, платившие налог казахским ханам, которые давали каракалпакам относительную самостоятельность.

В работе Б.В. Андрианова отмечается: «в XVI-XVIII вв. основная масса каракалпаков занимала среднее и нижнее течение Сырдарьи. Северная, самая значительная часть каракалпаков в конце XVII в. находилась в вассальных отношениях с казахским ханом Тауке. Одним их уполномоченных Тауке был Сасыкбий, крепость которого легализована в северо-восточной черте г. Чимбая. Следовательно, нам известны султаны времен Тауке – Табурчак султан, султан Батыр, Каип Султан. В то время каракалпаками правобережья Амударьи управлял Сасыкбий.

В известном среди каракалпакского народа предании «Поскан ел» говорится, что через местность Уллытау, в которой с разрешения Тауке-хана поселились каракалпаки, в то время проходили караванные пути в Ташкент, Китай, Казань, Москву. «С проходящих караванов брали пошлины – «баж». Часть денег каракалпакская знать оставляла себе, а остальная часть шла в пользу ханов и казахских феодалов» (Камалов 1968: 30).

Во время правления хана Тауке наряду с его политикой по централизации казахских земель наблюдается попытка объединения разрозненных групп каракалпаков по Сырдарье, так как, видимо, казахский хан обеспечивал их надежной властью, назначив своих наместников. Его наместники остались в каракалпакском фольклоре и памяти народа как каракалпакские ханы, пытавшиеся создать самостоятельное государство, так как объединили многих каракалпаков, вели торговлю, были посредниками между торговцами и брали пошлину с условием отдачи части дохода в казну казахских жузов. В 1709 году упоминается в качестве хана Каип султан, сын Табурчака. В данном случае еще при жизни хана Тауке у каракалпаков сменился хан. Видимо, была практика наследования улусов или передача их ханом по наследству, тогда как хан распределял улусы между султанами.

Еще в одном источнике приводится легенда. Так, *«…когда правил в Туркестане Тевекел-хан, он часто ездил на охоту с ловчими птицами, однако в течение трех лет подряд каракус (орел) хватал его ястреба и охоту приходилось прекращать. Хан объявил, что если кто застрелит каракуса, тому он даст то, что он пожелает. В это время в Казалы жил 80-летний старик, каракалпакский мудрец Асан кайгы со своим сыном Абатом, который был известным охотником. Охотничьим ружьем его был сарыжай (лук). Хан Тевекел послал за Абатом вестников, которые пришли к нему, рассказали об обещании хана. Абат посоветовался с отцом, который разрешил пойти и застрелить каракуса, а в награду не просить ничего, кроме земли «Уллы тау» для каракалпаков. Абат поехал в Туркестан и застрелил каракуса, в награду от хана получил «Уллы тау» и стали жить там каракалпаки. Им нужен был хан. Старики выбрали от каждого рода лучших людей, всего 40 человек, среди которых был и Тобет. Послали их к хану Тевекелу, чтобы он выбрал из них для каракалпаков хана, а если не захочет, чтобы сам назначил своего сына или кого-нибудь другого. Они приехали к хану Тевекелу и объяснили зачем пришли. Хан сказал, чтобы три дня подождали ответа. Когда посланцы вышли, хан задержал Тобета, спросил, как его зовут и очень удивился тому, что батыру дали собачье имя. И сказал: "Возможно, что ты для каракалпакского народа когда-нибудь окажешься причиной какого-нибудь несчастья". Через три дня после совета с визирями хан дал ответ. Он решил назначить ханом каракалпакам своего старшего сына Батыртюре. 40 каракалпакских посланцев довезли его до «Уллы тау», где он был избран ханом, а они его визирями. Через «Уллы тау» в то время проходил караванный путь – дороги шли в Китай, Казань, Ташкент, Москву. С караванов брали пошлину. Тобет убил Батыр хана при дележе пошлины. Потом, боясь наказания Тевекел хана, убежал на кладбище Ходжа-Ахмета Яссави, к шейху Бердамбету. Тевекел хан приехал на «Уллы тау» со своим войском, искал только преступника Тобета. Хан дал приказ, чтобы каракалпаки в течение 25 дней ушли с «Уллы тау», в противном случае он отрубит головы тем, кто останется на месте. И каракалпаки перекочевали по трем направлениям»* (Тлеумуратов 1986: 15-16).

В 1722 г. ханом каракалпаков становится Ишиммухаммед. В данном случае речь идет о сырдарьинских и амударьинских каракалпаках. По этому вопросу в книге К. Мамбетова читаем: *«они (каракалпаки), живя вместе с казахами в союзе, им удалось добиться своей независимости. Таким образом, каракалпаки в конце XVII в. в Туркестане имели своих ханов. В XVII веке благодаря приходу каракалпаков в состав казахов, они имели свою автономию. Главой этого ханства был Тауке, который назначил Табурчака (1694) ханом. И после*

этого в Туркестане каракалпаками управляли Кайып (1709), Ешим-Мухаммед (1722), являющиеся потомками казахов» (Мамбетов 1993: 93), тогда как в других источниках сообщается, что чингизид Ишим Мухаммед происходил из дома сибирского хана Кучума (Русская… 1880: 81). Таким образом, этническое происхождение каракалпакских ханов отмеченного периода остается спорным.

Доводы каракалпакских ученых относительно независимости сырдарьинских каракалпаков прежде всего основываются на дипломатических взаимоотношениях России с каракалпакскими правителями. Так, *«Посланец Ишимухаммеда в 1722 году к Петру I Джаныбек батыр говорил в Петербурге о том, что хан желает исполнить любое повеление русского императора. В декабре 1721 г. к каракалпакам был послан уфимский дворянин Дмитрий Тимофеевич Вершинин. Он должен был договориться с каракалпакским ханом о военной службе русскому государству и возвращении пленников. После двухмесячного пребывания Вершинина у Ишмухаммед-хана была достигнута договоренность о возвращении русских пленных. Вместе с Вершининым в Россию отправились каракалпакские посланцы для дальнейших переговоров об укреплении связей».*

«В первой четверти XVIII в. у каракалпаков проявляется стремление к объединению всех своих групп, находящихся в различных районах. Устанавливается связь сырдарьинских каракалпаков с другими группами, жившими в Зеравшанской долине и в Хорезме. Эти группы начинают все более сплачиваться вокруг туркестанских каракалпаков, живших на Сырдарье. Весь Сырдарьинский район для всех каракалпаков назывался «землей отцов – Туркестан». В период их объединения, видимо, играли определенную роль старинные города-крепости, которые, по предположению П.П. Иванова, защищали каракалпаков-земледельцев от набегов кочевников. Это город Сыгнак, расположенный в нижнем течении Сырдарьи, а чуть позже такую же роль, по-видимому, сыграла крепость – город Жанкент, расположенный в нижней протоке Сырдарьи Ак-озек…» (Камалов 1968: 30-31).

Нашествие джунгар помешало дальнейшему укреплению не только автономии сырдарьинских каракалпаков, но и значительному разложению самих казахских ханств, в результате чего сырдарьинские каракалпаки вновь были разделены. В 1723 г. Казахское ханство подверглось нападению со стороны джунгар, начались «годы великого бедствия». Не имея сил для сопротивления джунгарам, казахи бежали из разоренных аулов в трех направлениях: Младший жуз – к западу в Хиву и к северу в долины Яика и Эмбы; Средний – в центральные области Средней Азии к Самарканду и Бухаре, а Старший признал зависимость от джунгар (Камалов 1968: 33).

Каракалпаки вынуждены были вместе с казахами передвинуться вверх по Сырдарье к Ташкенту и на юго-запад от него или же уйти в низовье реки к Аральскому морю. В результате захвата джунгарами среднего течения Сырдарьи завершилось разделение каракалпаков на «нижних» и «верхних» до 1743 г., а частично и до 1762 г. – Малого жуза (Мамбетов 1993: 33), пока каракалпаки не были вынуждены покинуть пределы нижнего течения Сырдарьи и переселиться в низовье Амударьи в Хорезм.

Мы предполагаем, что даже после смерти хана Тауке, если он при жизни назначал ханов для сырдарьинских каракалпаков, то и после его смерти они оказались в зависимости от казахских ханов во всех трех жузах, и каракалпаки, видимо, номинально признавали власть потомков Тауке.

На исторической арене после Тауке появляется Абулхаир, хан Младшего жуза, который не раз подчинял каракалпаков, активно вмешивался в политическую жизнь не только государства аральцев и Хивы, но вел переговоры с иранским шахом, принимая послов России. В некоторых документах 20-х годов XVIII в. Абулхаир хан называется каракалпакским султаном, а также ханом каракалпакским. Тот же Абулхаир в других документах 20-х годов упоминается в качестве «хана казахского и каракалпакского. Таким же общим для казахов и каракалпаков является и другой хан Семеке, считавшийся в одно и то же время то владельцем каракалпакским, то казахским» (Материалы по истории…1935: 58).

В то же время, как показывают документы астраханского архива, после джунгарского нашествия часть каракалпаков совместно с казахами имела свои кочевья до рек Эмба и Яик и не раз сталкивалась с находившимися здесь калмыками на почве распределения пастбищных земель в 1724 г., в одном из документов говорится: *«…хан-тайши нынешней зимою у каракалпаков и киргиз-казаков взял войною четыре города, от которых от Яику реки, сказывают езды месяц. И сам де он, хан-тайши, идет к Яику со всем своим жилищем, чего де для каракалпаков и киргиз-казаков Дорджи-назаров убоясь, соединился со владельцы Хошот-Дондуком… и принужден идти кочевать к Красному Яру (на Волге)»* (Материалы по истории…1935: 63-64). Казахи вместе с каракалпаками смогли отбросить калмыков на запад благодаря военному руководству Абулхаира. В этой же битве участвовал хан каракалпаков Самеке.

Прежде, чем описать события, связанные с сырдарьинскими каракалпаками в тесной связи с Ханом Младшего жуза Абалхаиром, следовало бы обратить внимание на то, что часть каракалпаков уже проживала в северном Хорезме, имея свои города и поселения вместе с аральцами. Кроме того, казахи, занимавшие окружающие степи дельты Амударьи, тоже имели там постоянные кочевья. Это тоже наводит на мысль, что казахи также были экономически и политически вовлечены в жизнь аральцев и хивинцев, поэтому, как показывают документы, казахи и каракалпаки не раз были назначены в ханы хивинцам и аральцам. По этому поводу весьма содержательна работа Б.В. Андрианова. В частности, «находясь в постоянной оппозиции к Хиве, аральцы провозглашали у себя собственных ханов (иногда из знати каракалпаков и казахов), во главе с которыми вели борьбу против хивинских феодалов. Вражда между ними достигала большой остроты. Во время описываемой Мунисом борьбы 1714-1715 гг. движение против Хивы возглавлял каракалпакский султан чингизид Ишим-Мухаммед. Он действовал совместно с узбеками мангытами…» (Труды Хорезмской…1958: 53).

Впоследствии хивинский хан Шергазы (1715-1728) нанес крупное поражение аральцам и каракалпакам. Однако все же малая часть каракалпаков и аральских узбеков проживала в северном Хорезме и не подчинялась хивинскому хану. Они имели крупные города Кунград и Шахтемир, через которые осуществляли торговые операции с сырдарьинскими каракалпаками и казахами.

В то же время казахский хан Абулхаир в 1726 г. направил в Петербург посла, заявившего от имени Младшего жуза о желании казахов быть в подданстве России. Эту просьбу казахи повторили и в 1730 г. В переговорах совместно с казахами участвовали и каракалпаки (Мамбетов 1993: 36). Обращение Абулхаира к уфимским властям и переговоры с Тевкелевым о подданстве России объясняются защитой казахов Младшего

жуза от возможного нападения джунгар. «В указе, данном в 1734 г. Анной Иоанновной Абулхаиру по случаю принятия им русского подданства: *«…тебе Абул-хайру-хану … с каракалпакским Каип-ханом и старшиной и со всем народом, которые обче в 1731 г. нам И.В. поданными учинислись…»*, из чего вытекает, что каракалпаки, находившиеся в это время в тесной близости с Малой ордой и, по-видимому, зависящие от нее, также приняли русское подданство. Это же подтверждается специальной грамотой от 10 июля того же года».

В 1731 г. царское правительство отправило к Абулхаиру посла Мамет-мурзу Тевкелева, с помощью которого хану удалось склонить старшин принять подданство России. Это было нелегко и потребовало много времени, так как часть старшин ориентировалась на джунгар. Когда Абулхаир и Тевкелев приблизились к Сырдарье, каракалпакские старшины сами изъявили желание перейти на сторону России. Все «нижние» каракалпаки, находившиеся под властью Абулхаира, были приняты в русское подданство. Однако ими была сделана оговорка — не платить ясак русскому правительству, так как они платят ясак казахскому хану Абулхаиру (Камалов 1968: 40).

В середине XVIII в. Хивинское ханство испытывало глубокий кризис вследствие непрерывных усобиц между узбекскими феодалами и завоевания Хорезма Надиршахом (1740 г.). Об этом периоде мы знаем из экспедиции Муравина и Гладышева. Русские офицеры совершили путь от Орской крепости к устью Сырдарьи по восточному берегу Аральского моря к Даукаре и через Аральское владение в Хиву и обратно. Это было в то время, когда войска Надир шаха вторглись в Хорезмский оазис и в битве у Ханки разбили войска Ильбарс хана. Хивинцы пригласили на престол хана Младшего жуза Абулхаира, который в 1731 г. принял подданство России, он направил к Надир шаху послов, в их составе был русский офицер Муравин. Но интриги феодалов заставили Абулхаира спешно покинуть Хиву. Вместе с ними отправились в обратный путь и русские офицеры (Труды Хорезмской…1958: 59).

В то же время уместно привести отрывок описания из поездки Муравина и Гладышева: *«В 1739 году хань Меньшой-Киргизской-Орды Абулхаир, только что присягнувший на подданство России, возобновил просьбу свою о построении ему города близ устьев реки Сыра. Высочайшим указом 20 августа того же года повелено было отвечать хану, что постройке должен предшествовать осмотр мест, для чего и приказано было послать к нему сведущих людей, вменив им в обязанность привести геодезически в известность весь пройденный ими путь. Исполнение этого поручения возложено было на знающего татарский язык Поручика Оренбургского Драгунского Полка Дмитрия Гладышева, Инженерного Надзирателя Назимова и переводчика Усмана Арасланова, с несколькими казаками. 7 октября 1740 года Гладышев с товарищами прибыли на ставку Абулхаирхана на реке Адам-ата, но застали тут одну ханшу, так как сам Абулхаирхан находился в Аральском владении: туда по желанию Хана и отправились русские офицеры, в сопровождении его сына Нурали и дяди Нияза. К 2 ноябрю они прибыли в Аральский город Шахтемир и оттуда по приглашению хана отправили в Хиву»* (Ханыков 1851: 1).

Причина, по которой Абулхаирхан был в Хиве, объясняется приглашением хивинцев казахского хана на помощь из-за завоевательного похода иранского Надиршаха. *«7 ноября по просьбе Абулхаирхана Гладышев и геодезист Муравин отправились в лагерь Персидского хана владельца под городом Ханки с ходатайством о пощаде Хивы, как*

избравшей себе во владельцы русского подданого. 9 числа Муравин был принят Надиром, который обласкал его и обнадежил в милости к Абулхайхаирхану, требуя только, чтоб он сам прибыл к нему. С этим ответом посланные, 10 числа, поехали обратно и прибыли в Хиву 11 ноября. Абулхайыр действительно было собрался в персидский лагерь; но перехватив доставленное оттуда в город письмо, в котором, от имени Надира, приглашали жителей не выпускать хана до прибытия Шаха, заставил Хивинцев, под предлогом поездки к последнему, отворить себе заваленные городские ворота, и затем, со всею свитою, в том числе и русскими офицерами, поласкал в противную от персидского лагеря сторону, преследуемый выстрелами обманутых горожан. Вечером того же дня, у города Шавата, напали на хана туркмены; но он отразил их и, 12 ноября, у Ходжейли, переехал на правую сторону реки Аму во владение Аральцев. Здесь, после многих споров и даже кровопролитий, сын Абулхаира Нурали, был окончательно избран в Ханы; сам же Абулхаир, с Гладышевым и Муравиным, возвратился в свою ставку, оттуда русские офицеры и прибыли благополучно в Орск, в апреле 1741 года» (Ханыков 1851: 28).

Пройденный путь Гладышевым и Муравиным был полон полевыми заметками и составлением им ландкарты, которая позволяет увидеть основные районы расселения народов Приаралья. В то же время их записи представляют собой уникальный источник истории того времени.

В 1741 г. казахи Среднего жуза, потерпев поражение от джунгар, признали их протекторат, опасаясь надвигавшейся опасности хана Младшего жуза. Абулхаир, чтобы обеспечить себе безопасность, в 1742 г. подтвердил свою присягу на подданство России вместе с сырдарьинскими каракалпаками. Однако каракалпаки в 1742 и 1743 гг. повторно отправили прошение в посольство России, чтобы отдельно от казахов принять свое подданство. После этого разыгрались события, приведшие к печальным последствиям для каракалпаков. Под предлогом, что каракалпаки отказались внести Абулхаиру хлебный оброк, взимавшийся с них «по прежнему обыкновению», хан подверг их зимовья полному разгрому, угнал десятки тысяч голов крупного рогатого скота и таким образом надолго подорвал их хозяйства. Так, последующие нападения казахов при сыне Абулхаира Эралы и батыре Тетлея на каракалпаков, в связи с чем им постепенно пришлось передвигаться от устья нижнего течения Сырдарьи в сторону Жанадарьи, после чего жизнь основной массы каракалпаков была связана с дельтой Амударьи и завоеванием их Хивинским ханством.

С середины XVIII века отношения каракалпаков с Абулхаирханом стали ухудшаться. В связи с этим «В 1740-1741 гг., когда Гладышев находился по поручению русского правительства у Абулхаира, правящая группа каракалпаков снова заявила о своем намерении вступить в русское подданство, последствием этого явилось отправление каракалпакского посольства в 1742 г. в Оренбург и поездка его в следующем 1743 г. в Петербург. Сознавая, что за отдалённостью расстояния принятие каракалпаков в подданство и на этот раз не может принести реальных результатов, правительство Елизаветы рассчитывало все же извлечь для себя из этого дела некоторую пользу, а потому торжественно объявило о принятии каракалпаков в свое подданство» (Материалы по истории…1935: 66).

Однако двухлетние переговоры оказались наростными, в результате чего каракалпаки понесли полный разгром от казахского хана Абулхаира в знак наказания. Об этом узнали

послы каракалпаков и представитель русского правительства на обратном пути зимой 1743 года. Разгром был настолько значительным, что каракалпаки экономически полностью были разорены и потеряли свою самостоятельность, это событие отразилось в каракалпакском фольклоре «Посқан ел», т.е. потеря Родины. После этого события каракалпаки потеряли отношения с Русским правительством.

Предоставленные сами себе каракалпаки после понесенного ими поражения, лишившего их значительного количества скота, земли и пастбищ, вынуждены были покинуть районы, примыкавшие непосредственно к кочевьям Малой Орды. Часть их, по словам Рычкова, направилась к «верхним» каракалпакам, другая же часть устремилась на Яны-дарью и к юго-востоку от Аральского моря, смежные с так называемым аральским владением и Хивой.

Обсуждение

Как отметил академик С. Камалов, «борьба каракалпаков за независимость на Жанадарье мало изучена в XVIII и начале XIX века…» (Камалов 1968: 4). Именно эта территория является отправной точкой завершения политической истории каракалпаков в непосредственной связи с казахскими жузами в связи с обострением отношений каракалпаков с Младшим и средним жузами.

По этому поводу мы читаем: «широко распространенное среди каракалпаков предание о существовании в горах Уллы тау полусамостоятельного каракалпакского ханства, по всей вероятности, содержит в себе известную долю исторической истины и должно обратить внимание историков». Далее автором оспаривается вопрос о существовании отдельного «каракалпакского ханства», которое приводится в других источниках: «…в то время караванные дороги шли вглубь Средней Азии через территорию, где проживали каракалпаки, т.е. нижнее и среднее течение Сырдарьи. Особо хочется отметить то обстоятельство, что позволяло им вести политические и экономические контакты с соседними государствами, прежде всего с Россией. У Т.А. Жданко были сомнения о времени существования самостоятельного государства в горах Уллы тау во времена Тевекеля (1586-1598) и хана Тауке. Мы склоняемся к мысли о такой возможности в период правления Тауке в конце XVII века и очень непродолжительное время на основании фольклорных данных. Во время правления Ишим-Мухаммеда известно, что он совершал поездку в Москву в посольство и говорил о готовности перейти в русское подданство. Возможно, что данный акт объясняется общими стремлениями казахских ханств защитить себя от джунгар» (Пискунова 1992: 85) и в то же время каракалпаки платили налог с пошлины в пользу казахских ханов, что еще раз подтверждает их зависимость от среднего и младшего жузов.

В связи с этим возникает вопрос о степени зависимости сырдарьинских каракалпаков от казахских ханов. В частности, по русским первоисточникам конца XVII в. *«…от Емышева до озера Есу города живут кочевые иноземцы, называют их харахалбаки…будто платят ясак казачью владельцу Тауке-хану*» (Международные отношения 1933: 504). Здесь сведения за 1691 г. имеют в виду зависимость части каракалпаков от казахского хана.

В документе за 1697 г. читаем более подробно: *«А от Туркестана до земли вниз по реке Чарту на 3 дни города Юдунганту, и в том же городе Тевкихан в прошлом 203 году*

поступился с каракалпаками для сбора половинного городов… И от Юзунганту вниз по Сырту по обе стороны кочую каракалпаки на 16 днищах до мечети их Курчут. А городо де особых нет…, а будет человек их тысячи с 6 и больше, …а владелец де их Табурчак султан». В связи с этим П.П. Иванов пишет: «С одной стороны у современников, по-видимому, не существовало вполне точных различий между правителями казахов и каракалпаков, с другой одновременное существование двух и даже трех каракалпакских частей указывает на отсутствие здесь понятия о единой ханской власти и вообще подчеркивает ее условно, по-видимому, местное значение». В то же время С.К. Камалов подчеркивает: «…при казахском хане Тауке каракалпаками одно время управлял один из его сыновей» (Пискунова 1992: 67).

Как показывают источники, именно более или менее стабильное время, когда сырдарьинские каракалпаки объединились и наблюдался общий подъем экономики, приходится на период правления Тауке хана. «Обычно казахский хан кочевья между султанами, а султаны, управляющие родами, опирались на биев и тем самым казахский хан фактически являлся «сюзереном по отношению к султанам». Лишь хан Тауке опирался на биев и тем самым поднялся над султанами» (Пискунова 1992: 71).

Остается непонятным, была ли устойчивая ханская власть у каракалпаков. Но если допустим, что даже была, то она не выделялась так, как у казахов. «Очевидно, этим обстоятельством вызвано замечание Гладышева о том, что у каракалпаков «хотя и имеются ханы и султаны, а какие случаются дела, то отправляют… бий и старшины» (Материалы по истории…1935: 59]. Каракалпаки должны были ежегодно платить казахским ханам значительную дань хлебом, выставлять конные войска, вместе с казахами участвовать в набегах на русские пограничные районы и на соседние государства – Бухару и Коканд.

Нижние каракалпаки переселились на земли между нижним течением Сыра и Аму и вновь начали осваивать эту территорию. Они там оказались во власти Младшего жуза, который обложил их обременительными налогами, так как, видимо, каракалпакская знать по-прежнему признавала власть покойного Тауке хана. В такой обстановке каракалпакская знать вновь возобновила дипломатические отношения с Россией и несколько раз отправляла миссию с просьбой принять их в подданство России, скорее с целью освобождения от казахов или защиты от них.

Но все-таки основная масса каракалпаков, живя в нижнем и среднем течении Сырдарьи, в XVII и XVIII вв. естественно вошла в состав казахских ханств с некоторыми атрибутами автономии и стремлениями к самостоятельности. Это подтверждает и академик С.К. Камалов: *«Каракалпаки с конца XVII в. и до середины XVIII в. населяли территории Сырдарьи. Они жили в тесном соседстве с казахами Младшего жуза и в экономическом и политическом отношении находились в зависимости от них»* (Камалов 1968: 25).

Тем не менее, нам кажется, история каракалпаков в казахских ханствах связана с общей для казахских жузов исторической обстановкой. Вполне справедливо отмечает И.В. Пискунова: «Известно, что в истории казахских ханств не было единого централизованного государства, но некоторые ханы ненадолго смогли объединить казахские жузы при Касыме (1511-1523), Хак-Назаре (1538-1580), Тауке (1680-1715). Обычно казахский хан распределял кочевья между султанами, а султаны, управляющие родами, опирались на биев. Лишь хан Тауке стремился опереться на биев и тем самым подняться над султанами».

Следовательно, выше отмеченное утверждение ученого и народные предания, связанные с поселением каракалпаков «Уллы тау» во время правления Тауке, стали триггером для утверждения о существовании у каракалпаков своего государства.

Заключение

Таким образом, совместное проживание каракалпаков с казахами в разных частях Средней Азии от Ташкента до Каспийского моря оставляет за собой необходимость проведения дополнительного специального исследования. Положение каракалпаков в составе казахских ханств не было однозначным, помимо дружеских отношений наблюдались и враждебные. Поскольку отношения между ханами, султанами и биями были довольно сложными, поэтому каракалпаки не смогли объединиться и распадались на множество частей. Для того, чтобы раскрыть всю историю казахско-каракалпакских отношений в отмеченных периодах, необходимо изучать историю каракалпаков в контексте их отношений с калмыками, башкирами, Россией и узбекскими ханствами. Поскольку каракалпаки в силу исторических обстоятельств жили обособлено многие группы могли ассимилироваться внутри больших народов, среди которых казахи не являются исключением.

Причинами ухудшения казахско-каракалпакских отношений чаще всего являлись не только налоги или другие экономические интересы, но и «несанкционированные» дипломатические отношения каракалпаков с Россией, не согласованные с казахскими ханами и повлекшие за собой конфликты между ними. Все это привело к сближению каракалпаков с башкирами, с одной стороны, а с другой, - к сближению с Аральским владением, где уже жила некоторая часть каракалпаков и кочевых узбеков, и Бухарским и Хивинским ханствами.

В заключение можно отметить, что если при Тауке хана каракалпаки полностью были подчинены и управляемы его наместниками, то после его смерти им какое-то время удавалось объединиться и организовать свое государство. Однако это не увенчалось успехом, так как нападение джунгар в 1723 году еще больше усугубило распад каракалпаков, и они остались разделенными между всеми казахскими жузами. Однако стремление каракалпаков к независимости еще больше усилилось после ухудшения отношений с Абулхаир ханом к середине XVIII в.

Объем статьи не позволяет охватить все важные данные для истории каракалпаков в контексте казахских ханств. При этом нельзя сводить всю историю каракалпаков XVII-XVIII вв. к истории сырдарьинских каракалпаков, поскольку в отмеченные периоды каракалпаки упоминаются вместе с башкирами и казахами в борьбе с джунгарами за пастбища и против русских, с одной стороны, а с другой, - во владениях хивинских, бухарских и кокандских ханств. но тем не менее история каракалпаков показывает, что их основная часть всегда стремилась занимать дельтовую зону рек, что отразилось на их хозяйстве и исторической судьбе.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру
Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарность
Авторы благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Список литературы

Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII-XIX вв.). В: Т*руды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т.III. Москва: «Академия наук СССР». 1958. С. 7–132.

Жданко Т.А. *Очерки исторической этнографии каракалпаков.* Родо-племенная структура и расселение в XIX - начале XX века. Москва-Ленинград: «Академия наук СССР». 1950. 179 с.

Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков. В: *Материалы по истории каракалпаков*. Москва-Ленинград: Академии наук СССР. 1935. С. 9-91.

Камалов С.К. *Каракалпаки в XVIII-XIX вв*. (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: Фан. 1968. 281 с.

Каракалпаки (краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней). Нурмухамедов М.К., Жданко Т.А., Камалов С.К. Ташкент: Фан 1971. 119 с.

Мамбетов К. *Қарақалпақлар тарийхы*. Илмий иззертлеўлер. Нөкис. 1993. 116 б.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской- ССР. Ч. 1 (Торговые отношения Московского государства с народами Средней Азии в XVI-XVII вв.) Труды Ист.-археол. ин-та и ИВ АН СССР. Вып. 3. Ленинград. 1932. 304 с.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв. Документы и материалы. Кн.1. Москва: Наука. 1989. 189 с.

Новолетов М. *Калмыки: исторический очерк.* Санкт-Петербург: Изд. владельца Малодербетовского улуса Нойона Церен-Давида Тундутова. 1884. 77 с.

Пальмов Н.Н. *Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России*. Астрахань: Калмыцкое государственное издательство. 1922. 137 с.

Пискунова И.В. *Сырдарьинские каракалпаки и Россия в XVIII веке*. дисс. канд. ист. Наук. Нукус. 1995. 144 с.

Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV-XVIII вв. Казахстан в XV-XVIII вв. В: *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории).* Сборник статей. Отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: «Наука». 1969. 47 с.

Русская историческая библіотека.: Издаваемая Археографическою комиссіею. Императорская Академия наук. Томъ шестой. Санкт-Петербург: «Печатня В.И. Головина». 1880. 682 с.

Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии (Сочинение П.И. Рычкова 1762 года).* Оренбург: Императорское Русское Географическое Общество. 1887 (Типография Б. Бреслина). 405 с.

Тлеумуратов М. *Истоки культурных связей каракалпаков с соседними народами.* Нукус: Каракалпакстан. 1986. 96 с.

Ханыков Я.В. *Поездка изъ Орска въ Хиву и обратно в 1740-1741 годахъ Гладышевымъ и Муравинымъ.* С.-Петербург: «Типография Министерства внутренних дел». 1851. 92 с.

Шалекенов У.Х. *Казахи низовьев Амударьи: к истории взаимоотношений народов Каракалпакстана в XVIII-XX вв.* Ташкент: Фан. 1966. 336 с.

References

Andrianov B.V. Etnicheskaya territoriya karakalpakov v severnom Khorezme (XVIII-XIX vv.). In: *Works of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition.* Vol. III. Moscow: USSR Academy of Sciences publ. 1958. Pp. 7–132. (in Russian)

Zhdanko T.A. *Ocherki istoricheskoy etnografii karakalpakov.* Rodo-plemennaya struktura i rasseleniye. In: XIX - nachale XX veka. Moskow-Leninigrad: USSR Academy of Sciences publ.1950. 179 p. (in Russian)

Ivanov P.P. *Ocherk istorii karakalpakov.* In: Materials on the history of the Karakalpaks. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. 1935. Pp. 9-91.

Kamalov S.K. *Karakalpaki v XVIII-XIX vv*. (k istorii vzaimootnosheniy s Rossiyey i sredneaziatskimi khanstvami). Tashkent: Fan. 1968. 281 p. (in Russian)

Karakalpaki (kratkiy ocherk istorii s drevneyshikh vremen do nashikh dney). Nurmukhamedov M.K., Zhdanko T.A., Kamalov S.K. Tashkent: Fan 1971. 119 p. (in Russian)

Mambetov K. *Karaḳ,alpaḳ,lar tariykhy. Ilmiy izzertleūler.* Nukus: “Qaraqalpaqstan” publ. 1993. 116 p. (in Karakalpak) (in Russian)

Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenskoy- SSR. CH. 1 (Torgovyye otnosheniya Moskovskogo gosudarstva s narodami Sredney Azii v XVI-XVII vv. Proceedings of the Historical-Archaeological Institute and the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. – Issue 3. Leningrad. 1932. 304 p. (in Russian)

Mezhdunarodnyye otnosheniya v Tsentral'noy Azii. XVII-XVIII vv. In: Documents and materials. Book 1. Moscow: Science. 1989. 189 p. (in Russian)

Novoletov M. *Kalmyki: istoricheskiy ocherk.* Sankt-Peterburg: vladel'tsa Maloderbetovskogo ulusa Noyona Tseren-Davida Tundutova publ. 1884. 77 p. (in Russian)

Pal'mov N.N. *Ocherki istorii kalmytskogo naroda za vremya yego prebyvaniya v predelakh Rossii.* Astrakhan': Kalmytskoye gosudarstvennoye publ. 1922. 137 p. (in Russian)

Piskunova I.V. *Syrdar'inskiye karakalpaki i Rossiya v XVIII veke*. Dissertation for the degree of Candidate of Historical sciences. Nukus. 1992. 144 p. (in Russian) (in Russian)

Pishulina K.A. *Prisyrdar'inskiye goroda i ikh znacheniye v istorii kazakhskikh khanstv v XV-XVIII vv.* Kazakhstan v XV-XVIII vv. In: Kazakhstan in the 15th–18th centuries (Problems of socio-political history). Collection of articles. Editor-in-chief Doctor of Historical Sciences B.S. Suleimenov. Alma-Ata: Nauka publ. 1969. 47 p. (in Russian)

Russkaya istoricheskaya biblioteka, Published by the Archaeographic Commission. In: Imperial Academy of Sciences. Volume six. St. Petersburg: “V. I. Golovin’s Printing House.” 1880. 682 p. (in Russian)

Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskoy gubernii* (Sochineniye P.I. Rychkova 1762 goda). Orenburg: Imperatorskoye Russkoye Geograficheskoye Obshchestvo. 1887 (Tipografiya B. Breslina). 405 p. (in Russian)

Tleumuratov M. *Istoki kul'turnykh svyazey karakalpakov s sosednimi narodami*. Nukus: Karakalpakstan. 1986. 96 p. (in Russian)

Khanykov YA.V. *Poyezdka iz" Orska v" Khivu i obratno v 1740-1741 godakh" Gladyshevym" i Muravinym".* S.-Peterburg: «Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del». 1851. 92 p. (in Russian)

Shalekenov U. *Kazakhi nizov'yev Amudar'i: k istorii vzaimootnosheniy narodov Karakalpakstana v XVIII- XX vv.* Tashkent: Fan. 1966. 336 p. (in Russian)

Information about author

Madiyar B. Utebaev **–** Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, Senior Researcher, Karakalpak State University, Ch. Abdirov str. №1, 230100, https://orcid.org/0000-0002-3547-2417, utebaevmadiyar100@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Мадияр Бердібайұлы Өтебаев **–** тарих ғылымдары бойынша философия докторы (PhD), Қарақалпақ мемлекеттік университетінің аға ғылыми қызметкері, көш. Ч. Абдирова №1, https://orcid.org/0000-0002-3547-2417, utebaevmadiyar100@gmail.com

Информация об авторах

Мадияр Бердибаевич Утебаев **–** доктор философии (PhD) по историческим наукам, старший научный сотрудник, Каракалпакский государственный университет, ул. Ч. Абдирова, №1, 230100, https://orcid.org/0000-0002-3547-2417, utebaevmadiyar100@gmail.com

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ
SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: https://kazhistorians.kz

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!
Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: https://kazhistorians.kz

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!
These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: https://kazhistorians.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Journal of the National Congress of Historians

Д. Нурушева – компьютерлік беттеу және дизайн
Қ. Байтанасова – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Ж. Кузар – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М. Амалбекова – орыс тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау

Computer layout and design – D. Nurusheva
Kazakh translation and editing – K. Baitanasova
English translation and editing – Zh. Kuzar
Russian translation and editing – M. Amalbekova

Компьютерная вёрстка и дизайн – Д. Нурушева
Перевод на казахский язык и редактура текстов – К. Байтанасова
Перевод и редактура текстов на английском языке – Ж. Кузар
Перевод и редактура текстов на русском языке – М. Амалбекова

Түпнұсқа макет "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі дайындалды
Жариялану күні 31.03.2025 жылы. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 39,9. Times New Roman гарнитурасы

Original layout prepared at the National Congress of Historians Public Association
Publication date 31.03.2025. Format 84×108 1/16
Printed sheet 39,9. Times New Roman headset

Оригинал-макет подготовлен в Общественном объединении
"Национальный Конгресс историков"
Дата выхода в свет 31.03.2025 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 39,9. Гарнитура Times New Roman

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы: 010008, Қазақстан, Астана қ.,
Қажымұқан к-сі,13/1.
Editorial office, publishing house-address of the founder: 010008, Kazakhstan, Astana,
Kazhimukhan str. 13/1.
Редакция, издательство-адрес учредителя: 010008, Казахстан, Астана, ул. Кажимукана 13/1

ТАРИХШЫЛАРДЫҢ ҰЛТТЫҚ КОНГРЕСІ.
Редакция мекенжайы: 010008, Астана қ., Қ. Мұнайтпасова көшесі, 5.